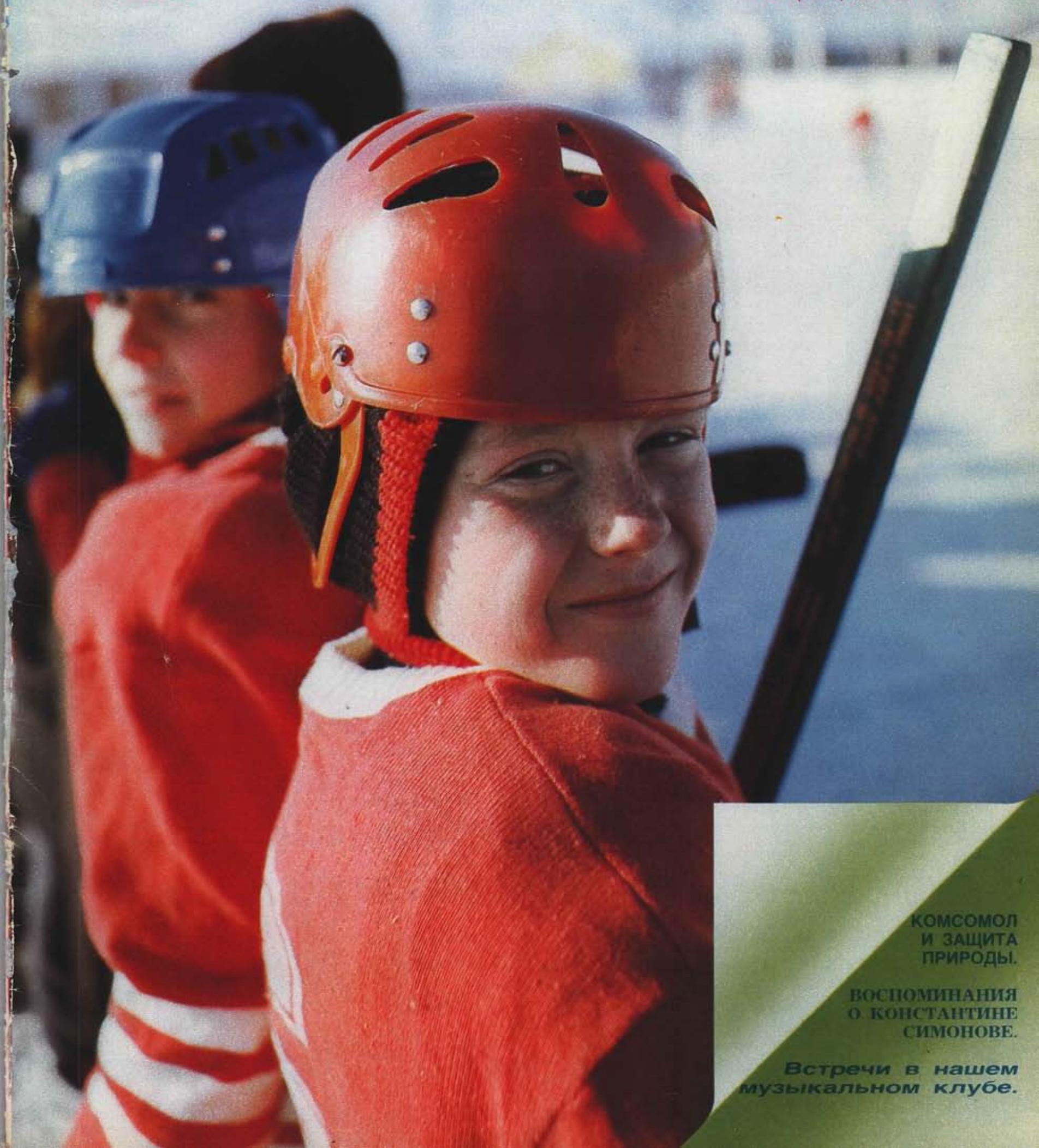

СМЕНА

ISSN 0131-6656

№ 23 (1405) ДЕКАБРЬ 1985

КОМСОМЛ
И ЗАЩИТА
ПРИРОДЫ.

ВОСПОМИНАНИЯ
О КОНСТАНТИНЕ
СИМОНОВЕ.

*Встречи в нашем
музыкальном клубе.*

ПРЕСНЯ

Сергей КОЛЕСНИКОВ

Несколько лет назад разбирали старую мостовую на улице Красная Пресня. Брусчатку меняли на асфальт. Груды булыжников громоздились по обочинам. И подумалось тогда, что каждый из этих камней мог бы стать музейным экспонатом, хранящим для потомков след далеких дней. Серо-стального цвета, с едва заметной, как бы пороховой окалиной, пресненские булыжники давно стали символом, прочно соединенным с нашей родовой памятью, хранящей не только семейные реликвии, но и славу и гордость народа, все то, что завоевано социализмом.

В нашей памяти Красная Пресня занимает место особое. Стоит она рядом с «Авророй» и Магниткой, Малаховым курганом и Байконуром. Навеки развернуто навстречу ветрам времени бронзовое полотнище знамени, поднятого на баррикадах 1905-го. Знамя оберегают застывшие в металле пресненские пролетарии. Памятник этот вырос на шумном московском перекрестке, омывается потоками людей и машин. Суровые лица героев первой российской революции смотрят на нас,

нынешних, как бы вопрошая: кто вы, какие вы, все ли сделали, чтобы не угас огонь, зажженный восемь десятилетий назад...

А немного поодаль, среди деревьев скаера, сбегающего к корпусам «Трехгорки», стоит другой памятный знак, не столь монументальный, но, быть может, не менее точно определяющий самый нерв живой памяти о восстании московских рабочих. Струной натянута мышца вихрастого пролетария с фабричной окраины, предельное напряжение чувствуется во всей ухватистой его фигуре, набухли жилами руки, поднимающие камень. «Булыжник — оружие пролетариата». Это тоже символ. Попробуйте взглянуть в глаза бронзовому рабочему: вы ощутите энергию броска, энергию порыва «на бой кровавый, святой и правый». Такими, наверное, были они, дружинники Пресни, боевики, вооруженные допотопными револьверами, самодельными бомбами, бросавшиеся в рукопашный бой с царскими карателями.

На борьбу поднимались все от мала до велика. Нам неизвестны имена пресненских гаврошей, но летопись революции зафиксировала имена двух девушек, которые несли красный стяг в десяти тысячной демонстрации. Путь шестистию преградили казаки. И тогда девушки бросились навстречу винтовочным дулам: «Убейте нас! Живыми мы

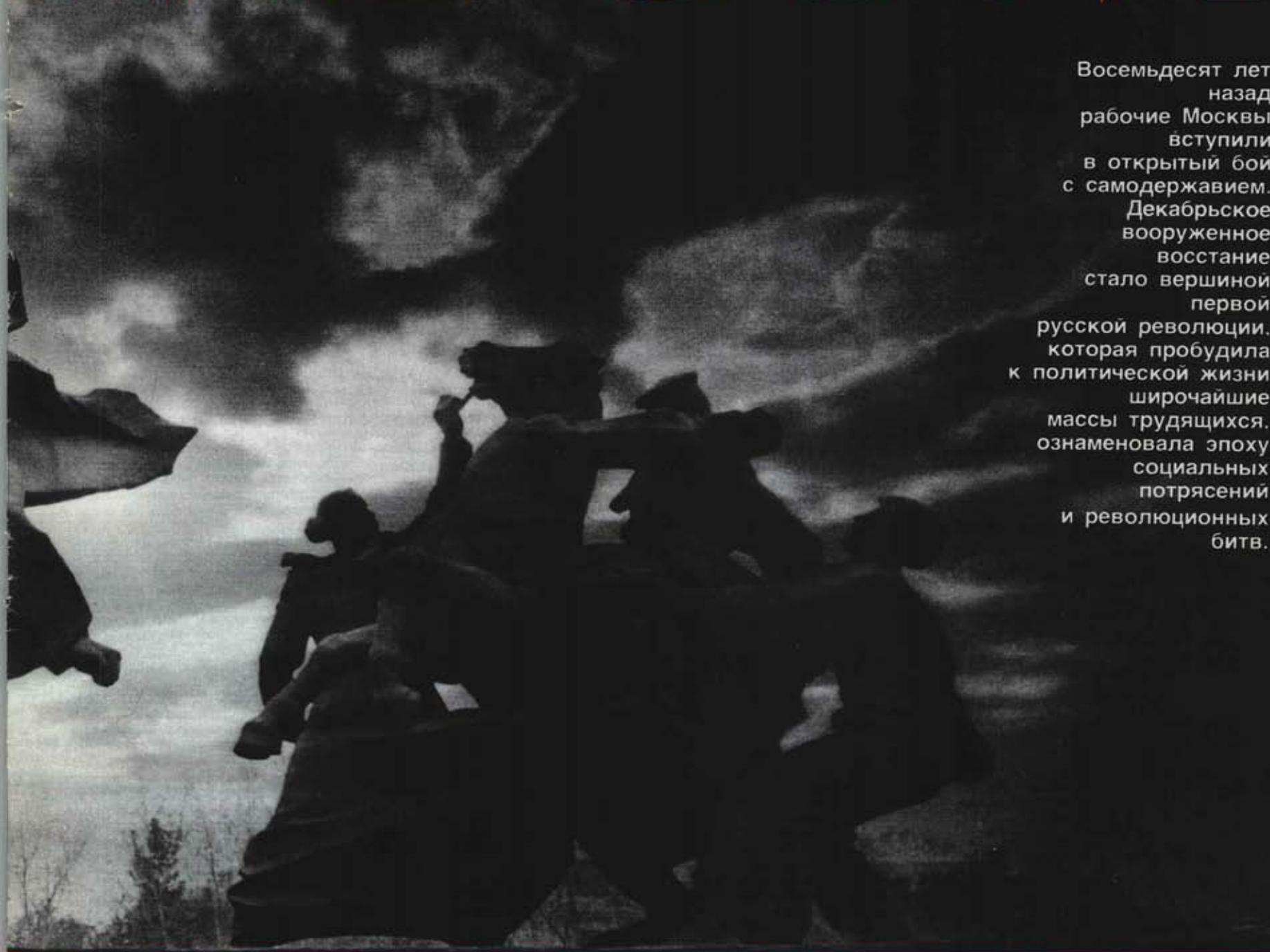
знамя не отдадим!» И казаки, ошеломленные, отступили. Звали этих девушек Александра Быкова и Мария Козырева.

Таких примеров, ярких эпизодов бесстрашия немало в истории Декабрьского вооруженного восстания. О них писал позже Владимир Ильич Ленин: «Эти образцы отваги и героизма должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата».

Одиннадцать дней и ночей продержалась революционная Красная Пресня. Сжималось кольцо вражьи штыков, горели подожженные артиллерией карателей дома и фабрики, падали, обливаясь кровью, защитники баррикад. Но именно здесь, на этих заснеженных московских улицах, российские пролетарии впервые осознавали себя истинными хозяевами жизни.

Удивительные по силе чувства собственного достоинства строки читаем мы в воззвании штаба боевых дружин восстания. Пресня, говорится там, — «единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где свободно и звонко рождаются под Красным знаменем песни труда и свободы». Эти песни звучали под свист пуль. Но это были песни гордости за содеянное рабочими руками. Происходило предсказанное еще основоположниками великой революционной

КИЕ ЗОРИ

Восемьдесят лет
назад
рабочие Москвы
вступили
в открытый бой
с самодержавием.
Декабрьское
вооруженное
восстание
стало вершиной
первой
русской революции,
которая пробудила
к политической жизни
широчайшие
массы трудящихся.
ознаменовала эпоху
социальных
потрясений
и революционных
битв.

науки превращение пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Класс, совершающий отважный прорыв в завтрашний день.

Уже в первых шагах нарождавшейся власти трудящихся можно разглядеть черты дня завтрашнего. Примечательно, скажем, что пресненские рабочие, взявшие, пусть на короткое время, власть в свои руки, сразу же стремились навести революционный порядок. Характерно, что одним из первых распоряжений Совета рабочих депутатов стало запрещение пьянства. Делать революцию чистыми руками — таков был непреложный принцип тех, кто торил ее первые тропки...

К восьмидесятилетию революции 1905—1907 годов рядом с высотными громадами зданий СЭВ и Дома Советов Российской Федерации вырос белокаменный мост. В стороне катит воды Москва-река, давно упрятаны под землю здешние мелкие речушки, а мост стоит, соединяя теперь не берега, а времена. Наше и то, декабрьское.

У Горбатого моста — так он назывался тогда — шли самые ожесточенные сражения. «...Идет бой, хороший бой», — писал Алексей Максимович Горький об этих событиях. — Гремят пушки... На улицах только драгуны... Превосходно бегают от боевых дружин... Рабочие ведут себя изумительно! — Однако силы были неравны. Каратели учини-

ли на Пресне кровавую расправу. Московский комитет большевиков и Исполнительный Комитет Московского Совета рабочих депутатов приняли решение прекратить вооруженную борьбу. «Мы начали. Мы кончаем... Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству». Слова эти из обращения штаба пресненских боевых дружин.

Да, кровь пресненских рабочих не пролита даром. Подвиг их живет в памяти поколений, увековечен в «пароходах, строчках» и других «долгих делах» советских людей. Он живет и в названиях краснопресненских площадей и улиц.

От высотного здания на площади Восстания спускается к Красной Пресне Баррикадная улица. Рядом — Большевицкая, Дружинниковская, улица 1905 года. Жилые дома, построенные для рабочих в годы первых пятилеток, обступили Шмитовский проезд, названный так в память о Николае Шмите — студенте, революционере, большевике. Выходец из знаменитой семьи фабрикантов Морозовых, он перешел на сторону рабочего класса. На принадлежавшей ему мебельной фабрике была создана одна из лучших боевых дружин. Вооружал ее Николай Шмит. Он был убит

царской охранкой в тюремной камере. Сегодня революционер смотрит на нас с памятной стелы в начале улицы, носящей его имя.

Традиции рабочей Пресни живут и в других названиях. Адрес всемирно известного хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского значится по Рочдельской улице. Имя для нашего уха непривычное. Бывшую Нижне-Пресненскую улицу называли трехгорцы в честь рабочих из далекого английского города Рочдейла, основавших одно из первых кооперативных объединений пролетариата. Застроена была эта изогнутая лукой вдоль берега Москвы-реки улочка одноэтажными домами, день и ночь гудела земля от грохота ткацких машин Прохоровской мануфактуры. Сейчас ее не узнать: выросли новые, современные корпуса комбината, на склонах пресненских трех «гор» появились светлые жилые кварталы. А улица в названии своем хранит память о такой черте краснопреснецев, как пролетарский интернационализм.

Преемственность — одно из коренных качеств, присущих нашему народу.

Нас ведет за собой обязывающая дань памяти. Не замутить ее, хранить чистоту дела, начатого героями славных революционных лет, — такое и долг наш, и потребность души.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Навстречу
XXVII съезду
КПСС

ПЛЕЧО НАСТАВНИКА

Евгений ЧЕРНЯК,
кавалер орденов Ленина,
Октябрьской Революции,
Трудового Красного Знамени,
бригадир экскаваторщиков,
председатель совета наставников
Лебединского горно-обогатительного комбината

**Всенародное
обсуждение проекта
новой редакции Программы нашей
партии — это поистине общенародный
разговор о важнейших, волнующих каждого
из нас проблемах, это обобщение нашего
коллективного опыта, носящее деловой, открытый
характер, чуждый парадности и шумихи.**

**Каждый комсомолец, каждый молодой труженик
имеет право высказать свои замечания и предложения по проектам
предсъездовских документов. Пусть каждый спросит себя: а что должен
сделать я для выполнения задач, поставленных партией? Все ли я делаю для
того, чтобы быть подлинным преемником великих традиций? Сегодня молодежь
равняется на лучших представителей старших поколений, учится умению масштабно
думать, работать осмысленно и ответственно, ставить и решать острые вопросы.**

Самый настоящий, без скидок и натяжек? — переспросил первый секретарь Белгородского обкома комсомола Олег Полухин. — Есть такой! Записывайте... Хотя... Сделаем так. Я вот здесь, на бумажке, пишу фамилию, и мы проверим: прав я или не прав. Нет возражений?

Трем работникам обкома задал Полухин вопрос: кто лучший наставник среди горняков области? И все уверенно назвали одного человека.

— Что и требовалось доказать. — Полухин перевернул лист бумаги. — Выпадает вам неблизкая дорога к Черняку Евгению Даниловичу — в город Губкин на Лебединский горно-обогатительный комбинат.

...С Черняком наш корреспондент Михаил Печерский встретился вечером, после работы.

— Евгений Данилович, попалась мне газета «Оскольская Магнитка». Пишут в ней о том, что строительное объединение плохо заботится о своем же ПТУ. Особенно грустно, что в нем даже эпизодически не бывают, как написано, «наши прославленные бригадиры, которые живут только сегодняшним днем, не устанавливают контактов с учебными группами, не берут над ними шефство, не участвуют в воспитании своей будущей смены...».

— Вашу мысль понял: там правильно бьют тревогу. Конечно, и в самом училище есть кому заниматься обучением и воспитанием. Люди за это зарплату получают. А у бригадиров и своих дел всегда под завязку. Ну и что?

Мы вот, например, тоже не сидим без дела. Проблем, забот достаточно. А все же наша бригада взяла в школе шефство над пятым классом и вместе с учителями довела его до выпускных экзаменов. В этом учебном году у нас десятый класс. Мы с ребятами подружились, когда они были еще четвероклассниками. Каждый год заключаем с подшефными договор о соревновании, потом ежемесячно отчитываемся о его выполнении. Один экземпляр договора висит в школе, другой — у нас на участке, на самом видном месте. Главные пункты в нем: для бригады — добиться стопроцент-

ного выполнения плана, для учеников — стопроцентной успеваемости.

То же самое с учебной группой профтехучилища. Нынче она у нас уже третья по счету. В ней готовят экскаваторщиков. Нам ли не знать, чему и как учить свою будущую смену? Да и учить-то ведь есть на чем: на полигоне училища свои экскаваторы. Можно прямо на них показывать, как обращаться с машиной. С группой у бригады тоже есть договор. Для меня и моих товарищей уже давно вошло в традицию бывать и в ПТУ, и в школе на комсомольских собраниях, уроках мужества, диспутах, вечерах. Вместе ездим в близкие и дальние экскурсии...

— Но ведь это же очень хлопотное дело, Евгений Данилович! Когда вы успеваете? Вас же в бригаде всего восемь человек...

— Да мы всей бригадой туда и не ходим. Группами — по два-три человека. Сегодня одни, через день-два — другие. А что касается хлопот, куда от них денешься? Прихожу, например, однажды к начальнику автотранспортного цеха: нужен автобус, чтобы подшефную группу будущих экскаваторщиков свозить на Курскую дугу. Тот, не поднимая головы, чертит на моей заявке резолюцию: «Автобусов нет и не будет». Ладно... Кладу бумагу в карман, иду повыше — к главному инженеру комбината: «Вот вы мне скажите, пожалуйста, куда я нацелился везти этих завтрашних молодых рабочих — в свой собственный сад яблоки собирать? И заодно давайте сразу же уточним: воспитание молодого поколения на героических примерах — это важное дело или так себе, пустячок?» Автобус, естественно, нашелся. И возвратились ребята с Курской дуги с богатейшими впечатлениями.

Или такой пример. Пришли мы в подшефный класс. Стал я спрашивать у ребят: «Где твои родители работают?» Отвечают: «На комбинате». «А где именно? Ведь наш комбинат велик — за день не обойдешь». Пожимают плечами. Ну и дела! Оказывается, они еще как следуют и не видели нашу самую что ни на есть сердцевину Курской магнитной аномалии, не представляют, чем занимаются их родители и где им самим придется работать через считанные годы. А ведь не зря

говорится: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И вот мы несколько дней возили их по всему комбинату. Побывали и в карьере, и на всех трех обогатительных фабриках, на других производственных участках. Даже сфотографировались всем классом вместе с бригадой в десятикубовом ковше нашего экскаватора. Это ведь какая познавательная получилась экскурсия! К тому же многие ребяташки углядели на досках почета портреты своих родителей. Вот было радости! А на уроке русского языка наши подшефные писали потом сочинения о своих впечатлениях от этого путешествия.

Такие вот встречи, экскурсии, отчеты друг перед другом дисциплинируют не только ребят. Они и бригаду воспитывают. Попробуй-ка плохо поработать или сотворить что-то недостойное — как потом будешь смотреть в глаза мальчишкам и девчонкам? В своем-то коллективе еще так-сяк, можно выкрутиться, а перед ними же стыда не оберешься...

— Какие качества наставника вы считаете главными?

— Терпение — вот что самое главное. И, конечно, уважительное отношение к ученику. Как в семье, так и тут не надо длинных и нудных нотаций, крика и ругани, даже если тебе кажется, что у твоего подопечного руки растут «не оттуда». Зануды и крикуны никогда не были хорошими воспитателями.

Однажды ко мне на стажировку попал выпускник ПТУ Сергей Ретивых. Паренек способный, напористый, но уж очень нетерпеливый, своевольный, самонадеянный. Сделает что-нибудь впопыхах — потом начинает думать: так ли сделал?

Отлучился я как-то ненадолго от машины, а Сергей тут же взял да и самовольно включил экскаватор. Знай, мол, наших — не лыком шиты. И сразу запутал канаты. А как их распутать, без понятия. Прихожу — сидит он в уголке перепуганный, потный, красный как рак. Ждет: вот его сейчас Черняк понесет по кочкам. Но я смотрю — ему и без того тошно. Показал, как надо распутывать канаты, посадил за рычаги, понаблюдал, как он действует, объяснил его ошибки и только потом спокойно предупредил: «Пони-

маю твое нетерпение, но самовольно включать машину нельзя, пока не имеешь официального допуска. Иначе подведешь под монастырь не только себя...»

Было это лет пять тому назад. Стал теперь Сергей отличным экскаваторщиком, наставником, учится в институте на горного инженера. А не сдержись я тогда, накричи на парня — кто знает, может, и не было бы теперь хорошего машиниста. Ведь порою всего лишь одно грубое, неуважительное слово не только выбивает человека из колеи, но и способно круто изменить всю его жизнь. По себе это знаю. Человек я, правда, в житейских бурях закаленный, с ног меня не собьешь, однако грубость всегда переносит очень болезненно.

Однажды, несмотря на все свои заслуги и авторитет, Черняк попал в «великую немилость». Это случилось после того, как, не добившись толку своими выступлениями в пользу экономики и бережливости на различных собраниях и совещаниях, он опубликовал статью «Инерция бесхозяйственности» в газете. Она обсуждалась в обкоме партии, была признана правильной, многим руководящим работникам комбината попало тогда по первому числу, а они, разобидевшись, перестали даже здороваться с «критиканом».

— Ну и как же теперь настроение, Евгений Данилович? Не пропало желание воевать с недостатками?

— Нет, это не в моем характере — видеть неполадки и помалкивать. Плохой бы я был коммунист, если бы сразу опускал руки и отступал. Да и чему я тогда как наставник мог бы научить молодежь?

Кстати, теперь у нас порядка стало гораздо больше. И обидевшиеся товарищи, успокоившись, сумели взглянуть на дело по-иному. Понимают же: не о своем личном огороде забочусь...

— Это, вы считаете, тоже имеет отношение к наставничеству?

— Ну а как же! Наставничество — дело тонкое, деликатное. Чтобы заслужить уважение и доверие подшефных, надо контролировать не только их, но и свое поведение, высоко держать марку, не ронять ее даже по мелочам. Начнешь хитрить да приспособливаться, кому ты будешь нужен со

своими даже самыми раскрепощенными рассуждениями? Ведь не словами же воспитывают, а личным примером прежде всего.

— Тогда у меня к вам такой вопрос, Евгений Данилович. Вы, конечно, знаете известный девиз наставников: «Повтори себя в учениках». Как вы относитесь к нему? Какой вкладываете в него смысл?

— Так я же вам и говорю как раз об этом. Девиз-то правильный, но повторить можно не только хорошее. Тут все зависит от учителя, от его жизненной позиции. Правда, повторить — это не означает создавать точные копии себе подобных. Научить хорошо работать, в трудную минуту подставить плечо товарищу, уважать интересы коллектива, преодолевать собственный эгоизм — это, по моему, самое главное, что требуется от наставника.

Вот у нас в карьере на соседнем участке есть бригадир комсомольско-молодежной бригады коммунист Виктор Иванович Агапитов. Не помню случая, чтобы он хоть в чем-то поступил своей совестью. Отношения в бригаде очень дружеские, высоко развита взаимовыручка. Бригадир наравне со всеми. Единственную привилегию для себя привилегию — первым братья за самое трудное.

Отличную выучку прошел у него молодой машинист Владимир Ляхачев. Он теперь сам бригадир комсомольско-молодежной бригады, мы его избрали депутатом Верховного Совета СССР. И вот был недавно случай.

На участке, где работала бригада Ляхачева, скопилось три экскаватора. Площадка там — пятячок. Три машины на нем — это много: они только мешали друг другу. Кому-то надо было перебазироваться. В карьере с интересом ожидали, как в этой ситуации поступит молодой депутат. А он поступил так: ушел на другой, более трудный участок, хотя передвинуть экскаватор на дальнее расстояние непростая задача, и заработки в бригаде временно снизились. Нашелся там, правда, один — уволился из бригады: «Я думал, что с депутатом деньги можно грести лопатой, а тут одни только трудности».

А вот другой пример. У нас по условиям соревнования так: если бригада добьется наивысшей выработки — ей в награду денежная премия, трехкомнатная квартира и легковой автомобиль вне очереди. Что и кому — должна решать сама бригада. И вот первенство занял коллектив, который руководил Анатолий Панарин. Вышло так, что автомашину Панарин забрал себе. Перебрался он и в новую трехкомнатную квартиру, а в своей старой двухкомнатной обманым путем прописал сестру жены.

Наш совет бригадиров и совет наставников выразили Панарину недоверие и потребовали отстранить его от бригадирства. Чему научит такой человек свою бригаду? Какой пример подаст?

— Евгений Данилович, у вас много воспитанников. Ощущаете ли вы сами их поддержку? Когда, например, выступаете с какой-то новой инициативой, поднимаете важную проблему.

— Конечно! Однако у меня много единомышленников не только среди бывших подопечных.

Еще не столь давно у нас было как? На экскаваторе мы работали по три человека в смену: машинист и два помощника — по электрической и механической части. Машинист был «король», мог сидеть за рычагами в белых перчатках и только давать указания помощникам. Я собрал бригаду: «А что, хлопцы, если мы все станем машинистами и будем работать на экскаваторе по двое: машинист и старший машинист?» Идея была в том, чтобы меньшим составом бригады выполнять те же самые объемы. Нового тут ничего нет — просто мы решили применить щекинский метод в своих условиях. Эту идею поддержали и мои

бывшие воспитанники, которые засиделись в помощниках, и многие другие экскаваторщики.

Сказать, что она сразу же пошла в жизнь, — это я бы согрешил против истины. Мы примерно с год колотили в разные двери, вплоть до министерских. А все же отстаивали свою инициативу и первыми в горнорудной промышленности стали работать по щекинскому методу — уменьшенным составом. Выработка ничуть не снизилась, зато только по нашему предприятию это помогло сократить и перевести на другие работы более восьмисот человек. Правда, старшим машинистам, и мне в том числе, пришлось, как говорится, выбросить белые перчатки, надеть рукавицы и взять на себя часть забот по уходу за механизмами. Но делу это не повредило. Наоборот, все члены бригады уравнились в правах и работать стали намного дружнее.

— Я успел переболеть с вашим напарником Николаем Аушевым, и он мне сказал, что вы очень жадный до работы. Правда, в механизмах наравне с ним ковыряетесь, но уж если они работают безукоризненно, то вас от рычагов экскаватора не оттащишь никакими клещами...

— Так он же хитрее меня. Придет на смену пораньше или подкараулит, когда я останюсь пообедать, — тогда все: проси не проси — не отцепится от рычагов. Даже на мой бригадирский авторитет ноль внимания.

Хороший он парень, Коля Аушев. Самый сильный в бригаде и самый надежный. Никогда ни в чем не подведет. Я ж его учил своему ремеслу, а теперь мы друг друга подзадориваем: а ну, у кого получится лучше? Поступил я в техникум на заочное отделение, говорю ему: «Тебе это дело, пожалуй, будет не под силу — позабыл ты школьные науки». Смотрю, через год и мой Николай наладился в тот же самый техникум. Да еще закончил его по многим предметам лучше меня. Вот тебе и подзадорил...

— А неудачи у вас, Евгений Данилович, бывали?

— В нашем подшефном классе есть очень толковый паренек, Костей зовут. Шефы ему, видать, пришлись по душе. Да и как иначе? Ведь у нас что ни человек, то личность. Во-первых, мастера первоклассные и притом на все руки: они и машинисты, и электросварщики, и слесари, и электрики. Во-вторых, спортсмены хорошие. Федя Евстафьев, например, играет в волейбол и баскетбол, Николай Аушев — футболист, Алексей Жданов и Василий Русанов всегда занимают призовые места на первенствах комбината и города по шахматам. Виктора Эверта в Губкине еще никто не превзошел в мастерстве вождения автомобиля. Наконец, все мои товарищи очень веселые и остроумные собеседники, особенно Коля Переход, который прочитал массу книг, знает великое множество занятных историй и может с ходу вклиниться в диспут на любую тему.

Ребятам нравятся такие веселые, мастеровитые люди, которые к тому же, как говорят, не задаются, держат себя как равные с равными. Немудрено, что и Костя тоже решил стать экскаваторщиком — после восьмого класса подал документы в училище. Но ни он, ни мы не предвидели, что из этого получится. Его родители — кстати сказать, довольно видные в городе люди — подняли шум: «Как это так — наш единственный ребенок пойдет в рабочие? Не бывать такому!» И водворили парня снова на школьную скамью: «Закончишь десятилетку — пойдешь в институт, мы поможем тебе устроиться».

Смешно и обидно слушать подобные рассуждения. Ведь рабочий — это главная должность на земле! Я, например, уже больше двадцати лет знаю экскаваторщика Виктора Александровича Согниченко, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Со-

вета СССР нескольких созывов, замечательный наставник молодежи, интересный и умный собеседник. Легендарный летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза Владимир Коккинаки, писатель Михаил Алексеев, поэт Егор Исаев, многие другие известные люди лично знакомы с этим рядовым рабочим, бываю у него в гостях, считают за честь поддерживать с ним дружеские отношения.

Вот вам и рядовой рабочий! Не в должности соль, а в том, как ты к ней относишься, что у тебя на уме, какой пример подаешь окружающим.

Да и дорога в инженеры никому из рабочих не заказана.

— Так что же тогда сокрушаетесь, Евгений Данилович? Вашей-то вины в истории с Костей нет. Родители вправе влиять на выбор сына...

— Так-то оно так. Но, во-первых, начнем с того, что они не правы, когда в глазах сына принижают звание рабочего человека. А во-вторых, я и для себя сделал вывод из этой истории: надо нам, наставникам, общаться не только с подшефными, но и поддерживать контакты с их родителями, чтобы знать, в какой семье какая обстановка, в каком психологическом климате живут ребята. Тогда и коэффициент нашей шефской работы будет намного выше. Мы уже обсуждали эту проблему в совете наставников...

— Слушаю вас, Евгений Данилович, и вот о чем думаю. Совет наставников Лебединского ГОКа — лучший в области. Делается огромная работа. Мне рассказывали, что по инициативе шефов, в том числе и по вашей, в техническом училище по-новому организован учебный процесс: в группах, где готовят машинистов экскаваторов, учащиеся одновременно овладевают профессиями электросварщиков и слесарей. Ведь это очень большое дело. На шагающих экскаваторах только такие, всесторонние подготовленные люди и могут хорошо работать. Кроме того, это смягчает проблему кадров. В одном человеке предприятие получает сразу как бы трех специалистов. Чем плохо? Вот и ваша бригада: своими силами смонтировала новый шагающий экскаватор — ни одного человека не приглашала со стороны. Так? Не говорю о других ваших наставнических делах — вы их знаете лучше меня. Я полагаю, что у вас в этом деле уже все отлажено и нет никаких особых проблем...

— Да как вам сказать... Обнаружили, например, что 74 бригады — а всего их на комбинате 810 — работают ниже своих возможностей, не достигают отраслевых рубежей. Стали разбираться. Потребовали отчета от бригадиров-наставников: что за воспитательную работу они ведут в своих коллективах, если те не справляются с поставленными задачами?

По цепочке добрались и до комсомолии. Почему на комсомольских собраниях очень редко бывает, например, такая повестка дня: «Твой личный творческий вклад в дела коллектива»? Почему на заседаниях комитета комсомола и на комсомольских собраниях не заслушиваются отчеты комсомольско-молодежных коллективов и отдельных молодых производственников о выполнении ими своих обязательств? Или вот такое дело. Когда на шахте имени Губкина комсомольско-молодежная бригада Юрия Чистникова почти на четыре месяца раньше срока выполнила свое четырехлетнее задание, то в этот день ее на поверхности встречали цветами, альмами лента-

ми победителей, крепкими рукопожатиями и митингом. Там это уже давняя традиция. А почему у нас комитет комсомола не может ее перенять?

Имеет все это отношение к наставничеству? Конечно! У нас же ведь нет каких-то обособленных задач. Формы работы разные, а цель-то одна. Вот и нажимаем теперь на комбинатовскую комсомольку, чтобы действовать единым фронтом.

Во втором разделе проекта Программы КПСС говорится о необходимости шире распространять передовой опыт, подтягивать отстающих до уровня передовиков. Я бы предложил расширить этот раздел: «Всемерно развивать традиции наставничества во всех отраслях народного хозяйства».

Утром я поехал в бригаду. Попросил рассказать о Чернике.

— Слов нет — одни чувства, — засмеялся Николай Переход. — Мужик — во! Я вам приведу только один пример, и вы поймете, за что он у нас пользуется уважением. У Черника — масса общественных обязанностей. Но на работе это не отражается никоим образом. Общественными делами Черник занимается обычно в свободное время и по выходным. Никогда не берет справок, чтобы ему вывели среднюю зарплату за время отсутствия...

— С таким бригадиром — в огонь и в воду, — добавил Федор Евстафьев. — Вот был у нас случай в сентябре. На понедельник намечался подъем стрелы и предварительное опробование экскаватора. Черник не приказывал — только спросил: «А что, хлопцы, не поработать ли нам немного в воскресенье, чтобы не осрамиться в понедельник?» И явился все.

— Шефской работой я раньше не занимался, — сказал заместитель бригадира Анатолий Поздняков. — Считал — мне это ни к чему. Но Черник такой: никому дремать не дает. Оказывает, это даже интересно. Встречает меня как-то на улице классный руководитель подшефного класса: «Андрюша Иванов нахватал дюек и не торопится их исправлять. Может, вы повлияете?» Мужской и откровенный у нас получился с ним разговор. Теперь постоянно слежу за Андрюшкиными делами: больше нет у него дюек, да и от троек он отошел уже на приличное расстояние. Это, знаете ли, приятно...

— Что я могу сказать о Чернике? — ответил на мой вопрос спокойный, немногословный и рассудительный Виктор Эверт. — Государственный человек. Творческий, ищущий. Раньше, например, считалось, что такие могучие экскаваторы, как наш, могут работать только на отвалах и не приспособлены для загрузки самосвалов: слишком у них объемистый ковш и велик вылет стрелы. А мы по его предложению попробовали. И что вы думаете: очень даже здорово получилось.

И мне стала еще более понятной притягательная сила этого человека, который в свои пятьдесят лет остается таким же неутомимым, каким приехал на Курскую магистралью анонимно когда-то по комсомольской путевке.

В центр воспитательной работы с молодежью партия ставит формирование глубокого уважения и готовности к добросовестному труду на общее благо. Труд должен быть главным критерием социального престижа человека, его священной обязанностью.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1405) ДЕКАБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
юный хоккеист
из города Нерюнгри.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

- 1 «ПРЕСНЕНСКИЕ ЗОРИ». Фотоочерк Сергея КОЛЕСНИКОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 2 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС. Евгений ЧЕРНЯК. «ПЛЕЧО НАСТАВНИКА».
- 4 ШКОЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ. Валерий ДАШЕВСКИЙ. «МУЖСКОЙ РАЗГОВОР».
- 6 НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — БЕРЕЖЛИВОСТЬ. «ДОЗОРНЫЕ». Фоторепортаж Валерия ГУРИНОВИЧА и Сергея ВЕТРОВА.
- 8 Рассказ Владислава ЛЕОНОВА «ДРУГ СЕРЕГА».
- 12 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС. Павел БОНДАРОВСКИЙ. «ТРАНСПОРТИРУЕМ... СОЛНЦЕ». Сергей СЕМЕНОВ, Эдуард ЧУКОВ. «РЕКОНСТРУКЦИЯ».
- 14 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ. Георгий БАЖЕНОВ. «ДОБРЫЙ СВЕТ».
- 16 ОТЕЧЕСТВО. Алексей НИКОЛАЕВ. «БЫЛЬ СТАРОГО ПАРКА».
- 22 С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО. Владислав ЧИРКОВ. «КРОВЬ ЗА ДОЛЛАРЫ».
- 24 К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. М. СИМОНОВА. Вячеслав КОНДРАТЬЕВ. «ОБНАЖЕННАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ».
- 26 Стихи Владимира КОСТРОВА «ЭТОТ МИР ПОТОМКИ ЖДАЛИ».
- 27 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ». Сергей ЗАЛЫГИН. «ПЕРЕЗВОНЫ».
- 29 Александр МАРКЕВИЧ. «ЗВЕЗДА» ПРИЕХАЛА».
- 29 Повесть Сергея ПЛЕХАНОВА «ЗОЛОТАЯ БАБА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Школьные перемены

Валерий ДАШЕВСКИЙ

Недавно времени отношения между школой и шефствующим предприятием, как правило, напоминали одностороннюю игру, в результате которой школа могла получить от предприятия в лучшем случае либо станки, либо швейные машины, либо деньги на капитальный ремонт. В подобной ситуации директор школы нередко уподоблялся то ли провинциальному просителю, то ли незваному и нежелательному гостю. А то, случалось, и подвергался изгнанию с территории предприятия. Так, выставил с завода И. П. Бакая, заслуженного учителя УССР, пришедшего просить в качестве шефской помощи на 1982/83 учебный год резцы, сверла, плоско, метчики, планкодержатели (выражения и подробности опускаются). Иные руководители предприятий ссылались на то, что занимаются не школьниками, а правительственными заданиями, забыв, что трудовое воспитание школьни-

Такие родители убеждены, что лучше нас знают, что именно «понадобится» их детям. Направляя учеников в ПТУ, мы часто сталкиваемся с упорным сопротивлением родителей. Причина — предвзятое отношение к ПТУ. Действительно, далеко не во всех ПТУ уровень обучения соответствует уровню общеобразовательной школы, однако дело не только в этом. Мы можем, к примеру, привлечь к работе замечательного физкультурника, оборудовать первоклассный спортзал, но что толку, если парень не в состоянии десять раз подтянуться на руках, потому что дома это считают ненужным. То же самое происходит с производительным трудом. Не приучая к труду, потакая и помогая на каждом шагу, родители приучают детей к мысли, что государство должно им, а не они — ему... Школьная реформа — это прежде всего демократический акт. Школа в известном смысле консервативное учреждение, придерживающееся традиций, очень постепенно вводящее новое в воспитательный процесс, поскольку слишком велика ответственность. Реформа подразумевает прежде всего сближение школы с общественной жизнью страны. Разумеется, возникает много проблем. Коль скоро мы заговорили о производительном труде, давайте подумаем вот о чем. Могут

ков — тоже правительственное задание. Что же происходит нынче в школах?

...Мы беседуем с Тamarой Владимировной Константиновой, директором харьковской школы № 1, кавалером ордена Ленина. Сорок лет она работает в системе народного образования. И, естественно, мой первый вопрос: изменились ли школьники последних лет, и если да, то в чем?

— Да, они изменились. Проследите хотя бы эволюцию персонажей-подростков от фильма «Доживем до понедельника» до «Чучела» и «Пацанов». Это правдивые фильмы, как ни трудно мне такое признание. Изменились отношения учеников к школе, их отношения между собой, отношение к школе родителей. Вчера наши ученики — родители сегодняшних. С чем часто сталкивается школа в родительской среде? Инфантилизм. Разводы. Потребительство. Обывательский взгляд на жизнь. Наши сегодняшние ученики стали сложнее, практичнее. Сегодня значительно труднее заручиться их доверием. Мне представляется правильным исходить из того, что старшеклассники понимают практически все, причем превратно понимают именно то, о чем мы не решаемся с ними говорить. Отсюда скепсис, пренебрежение к опыту старших. Бравада подростка — прежде всего месть тем, кто держит его в неведении. Поэтому мы стараемся, по мере возможности, общаться с ними как со взрослыми людьми. Разумеется, есть воспитательные моменты, полностью зависящие от родителей.

— Иначе говоря, школа нередко противостоит родителям?

— Конечно. Вспомните погоню за высшим образованием! Получи диплом, СТАНЬ ЧЕЛОВЕКОМ, а потом иди в автосервис или косметический салон. Почему не сделать этого сразу? Амбиции, ложный стыд, форма вместо сути. У такой псевдоинтеллигенции интереса к работе нет, удовлетворения — тем более. Далее разочарование, смена профессий, стремление к благополучию любой ценой, прагматическое отношение к образовательному цензу вообще и к школьному образованию в частности.

ли школьные мастерские заменить предприятиями? Надо ли, чтобы заказы предприятия полностью соответствовали школьной программе и достигали ли это? И достаточно ли современна школьная программа?

— Программа производственного обучения или программа по другим предметам?

— Видите ли, задаваясь вопросом, что современно, мы имеем в виду нечто большее, чем подбор материала, методологии. Нередко мы становимся свидетелями того, как формальное образование подменяет творческое горение, понятие долга, честь, достоинство, культуру чувств. Школа стоит на ответственности и доверии, и, воспитывая поколение за поколением, в конечном счете учит морали. Реформа — это прежде всего новая ответственность перед новыми требованиями времени. Сегодня во всех сферах общественной деятельности мы ищем новые стимулы, новую практику, новую романтику, новые горизонты. В первую очередь мы должны найти их в школе.

Преподаватель труда в школе № 1 Владимир Денисенко молод. Высок, темноволос, сдержан.

— Дети делают чудеса, — говорит он и пригласит взглянуть на плитки и панели, изготовленные учениками для школьного ремонта. — Витражи в актовом зале — это тоже они. Понимаете, им необходимо знать, что их труд не пропадает даром. Когда я говорю им: «Это надо шефам» или: «Это попросили шефы», — они относятся к заданию с такой серьезностью, что мне совестно выбросить любую безделку, те же петли, которые ребята выточили своими руками. Ведь они верят, что это важно.

Сейчас мы заменяем станки новыми. Снесем стену, переоборудуем этаж, расширим столярную мастерскую. Шефы обещают нам заказы: образцы на разрыв, жгуты для электросхем — мои прохотят это по электротехнике. От предприятия придет инструктор, будем работать вдвоем, но хотелось бы большего. Пишут, что в Грузии и Армении ребята занимаются чеканкой, резьбой по кости. Может быть, мы могли бы освоить гон-

чанное дело, керамику, приобрести стеклотрунный аппарат? Конечно, это фантазия, но мы обязаны сделать так, чтобы труд был ребятам интересен, понимаете?

Еще вопрос: как быть с заработанными деньгами? Думаю, нужно приучить ребят к тому, что деньги зарабатывает коллектив, класс. Лучший класс, победивший в соревновании, мог бы отправиться в туристическую поездку в Крым или в Москву, чтобы она запомнилась всем, а обращаться с деньгами они еще научатся—были бы заработаны. Открыть ребятам доступ на предприятие? Свободный выбор профессии, индивидуальный инструктаж? Об этом можно только мечтать.

Еще один преподаватель труда, Александр Алексеевич Моисеев, работает в школе № 5. Мастер спорта СССР по боксу, первый полусредний вес. Любовь—довольно общее определение для безоговорочного уважения и молчаливого восхищения на лица мальчиков в мастерской. Они ищут предлоги, чтобы подольше задержаться у Моисеева после уроков, подражают его походке, сыплют его выражениями («Так, все замерли. Задание перед вами. Ты, ты и ты—схемы прошлого занятия. Это ваш последний шанс»). Или: «Доктор прислала записку, будет вас осматривать. Ве-

Школьные мастерские не оборудованы для сложных, настоящих заказов, да и практики получения заказов практически нет. Мы выходим из положения, как можем. Это вовсе не тот производительный труд, который подразумевает реформа. Допустим, у меня нет проблем с оборудованием—станки работают как часы,—но что мы выиграем от расширения мастерских? Придя же на предприятие, парень сам ориентируется, сам выбирает, аживается в коллектив. После армии его ждут люди, рабочее место.

Очень спорным мне представляется вопрос оплаты труда. Мы играем в оплату или оплачиваем труд? Мы даем возможность найти место в жизни или морчим парня, у которого и без того забита голова? Фактически мы прививаем подростку мужские навыки—значит, все должно быть определено, помужски.

Вот что написал в своем сочинении восьмиклассник Т. Бортников из пятой школы:

«Честно признаться, другим я представлял себе ГПТУ № 5, готовящее рабочих для ХАЗа, ведь самолет—это не просто машина, а машина-гигант, машина будущего. В Ту-134 120 тысяч деталей. Есть среди них гигантские, есть просто микроскопические. По моим

лишь критичен. Однако дает пищу для размышлений о пользе подобных посещений...

Сегодня можно усмотреть определенные тенденции в совместной работе школ и базовых предприятий. Как правило, завод или фабрика не являются инициаторами новых форм работы. Отсутствует централизация: средства, оборудование, заказы нередко поступают от разных предприятий. Наконец, заказы на какую-то продукцию не подразумевают ни квалификации, ни заинтересованности учащихся и лишь отчасти соответствуют школьной программе. Какая форма отношений может быть по-настоящему перспективной?

На мой взгляд, одним из решений вышеприведенных и других проблем являются УПК—учебно-производственные комбинаты. Так, например, в УПК Дзержинского района проходят обучение 2200 учащихся из 25 школ; на выбор предлагаются 17 профессий—фрезеровщики, токари, слесари, шоферы, телефонистки, медсестры, повара, продавцы и т. д. Здесь полностью налажены контакты с базовыми предприятиями района—трестами и комбинатами, заводами и НИИ; наконец, решена проблема централизованного учета и распределения заказов от базовых предприятий.

— Если я скажу, что совместно с заводом они выполняли заказ на детали, вам понадобятся другие примеры? Мы гордимся, что на нашем УПК самое современное оборудование.

— Есть ли базовые предприятия, которые по собственной инициативе помогают вам?

— Завод точного медицинского приборостроения. Директор—товарищ Задорный, член райкома партии. Сам пошел к министру, дал ребятам шестьдесят рабочих мест на своем предприятии. Теперь у него проходят практику ученики шести школ нашего района. Работают в неурочное время, по субботам, настоящий производительный труд. Товарищ Хохлов, директор авиазавода, отдельное подразделение при УПК открыл: цех, оборудование и еще рабочие места у себя на заводе выделил!

— Значит, вы считаете, что УПК—оптимальное решение проблем производственного обучения?

— Сегодня—да. В принципе настоящий производительный труд можно внедрить и на базе школы—так, в школе № 89 шьют рубашки со Знаком качества, но это четкая специализация, профиль, а речь идет о возможностях выбора профессии. Кроме того, мы предвидим и другую крайность: допу-

СКОПИ РАЗГОВОР

щи забыть здесь. Мимо классов идти по воздуху, в двух сантиметрах над полом. Всем ясно?»—«Да, Александр Алексеевич!»). Правильно, он разговаривает с ними, как тренер с младшей сборной, которой через год предстоит бой.

— Я счастливый человек,—говорит Моисеев.—Дня не припомню, чтобы шел на работу без желания. С парнями мы ладим. Все просто: они стараются, чтобы мне нравилось то, что делают они, я—чтобы им нравилось то, что предлагаю я. Если я вижу, что три минуты кряку кому-то неинтересно, говорю себе: я теряю человека. Так вот, я постараюсь его вернуть. Требовать от них можно все что угодно с условием, что им это интересно и что-то даст. Речь не про деньги. Навык, умение, моральное удовлетворение. Надо вести дело так, чтобы инициатива исходила от них, чтобы парнишка чувствовал себя мужчиной. Мы практикуем опросы и дискуссии: если они посетили ПТУ, предприятие или цех, они делятся впечатлениями, что им понравилось, что нет, короче, что они об этом думают. Что-то вроде сочинения без оценок, три-четыре предложения, суть. Мне нужно, чтобы они на все имели собственную точку зрения, умели сформулировать ее и защитить, если понадобится. Чтобы они понимали, что они делают и для чего. На первый взгляд это проще простого, но, честное слово, в споре с ними иной раз не подберешь аргументы.

К разговору с ними меня обязывает положение: воспитывать—это не только запретить и разрешить. Я говорю им, что они взрослые люди и что я должен полагаться на каждого. Никогда не вызываю родителей. Моя работа—сделать так, чтобы любили мой предмет, и все вопросы я решаю на месте. Если я с этим не справился, мне некого винить, кроме себя самого. Конечно, если говорить о воспитании, недостаточно двух часов в неделю.

Реформа дает большое преимущество—при условии, что парни получат доступ на производство. Пустите меня на предприятие—и я верну материальному производству столько людей, сколько нужно. Потом, нелзя, чтобы труд был формальным, несерьезным.

представлениям, даже фрезерный участок не может быть однозначно укомплектованным. Одно—делать детали-гиганты, там свои допуски, своя технология, другое дело—детали-малютки, что много сложнее. Фрезерный участок укомплектован неглохо для работы. Там стоят мощные горьковские станки. Но, во-первых, эти станки практически одинаковы по размерам, по возможности, по применению. Большинство из них универсальные, но где хотя бы по одному сверхмощному и мини-станку? Ведь в случае работы на участке деталей-гигантов или деталей маленьких размеров молодому рабочему придется долго переучиваться.

Слесарный участок оборудован очень примитивно. Нет нужного рабочего комфорта. Ни ящика для инструмента, ни места для материала. Не соблюдаются обычные нормы техники безопасности. Там висит много таблиц. Но у фрезерных станков нет защитных экранов, на столах нет защитной сетки, работающие находятся очень близко друг от друга. Хорошо оборудован токарный цех, различные станки с масляным и водяным охлаждением, рабочие места очень удобны.

Рассказ о работе был, правда, несколько неправдоподобен. Рассказывали, в частности, об интересной работе фрезеровщика. Говорили о том, что он делает различные интересные детали. Я думаю, что нужно говорить так, как оно есть. Кого интересует эта профессия, тот пойдет учиться, а потом работать. Невозможно дать всем желаемую работу. Если на станках делать различные детали, день—один, день—другие, то рабочие будут работать вхолостую и с браком, ведь, чтобы делать непривычные детали, нужен навык. Проще было сказать о том, что необходимо и что ожидает ребят, это по крайней мере пойдет на пользу. Потом материальный стимул. 330 рублей ведь получают отнюдь не все, что и понятно. Нужны стаж, квалификация. Зачем же называть призрачную цифру для начала, за которым будут разочарования?

Показательное сочинение. Впечатление восьмиклассника, несомненно, поверхностное. Подход, может быть, из-

Мой собеседник—Валентина Ивановна Дроботко, заведующая Дзержинским роно.

— Какими соображениями вы руководствовались при создании УПК?

— Практическими. Решать при школах проблемы производственного обучения в масштабах, в каких они решаются при УПК, и трудно, и нецелесообразно. К моменту создания нашего УПК решения о базовых предприятиях попросту не существовало. Но даже и теперь у базовых предприятий еще нет достаточной практики приобщения школы к производственному процессу. Прежде всего мы учитывали спрос на профессии. Например, в нашем районе и больницы, и поликлиники, и Институт неотложной хирургии, и родильные дома—и везде требуются медсестры. Мы открываем соответствующее отделение при УПК. Базовое предприятие—Дом ребенка. Телефонистки? Почтальоны? То же самое! Теперь телефонисты просят наших ребят на рабочие места. Вот это в моем понимании настоящий производительный труд. Причем труд, ориентированный на потребности и специфику района.

— Что вы называете спецификой района?

— В нашем районе сконцентрированы НИИ разного профиля, учебные институты. Образовательный уровень очень высок: почти девяносто процентов работающих в районе—ученые, инженеры, врачи. Ежегодно у нас поступают в вузы шестьдесят семь процентов выпускников! Такова одна сторона вопроса. Другая: я знаю профили предприятий района и должна поставить дело так, чтобы УПК готовил конкретного ученика на конкретное рабочее место. Мы обязаны дать предприятиям тридцать пять процентов выпускников. И, наконец, нам приходится изыскивать новые стимулы для предлагаемых профессий, а в нашем положении это чрезвычайно трудно. Вот мы готовим медсестер, но при поступлении в мединститут они не имеют никаких преимуществ! А ведь родители рассуждают просто: бесперспективная профессия не нужна.

— А ребята из УПК делают только простейшие работы?

стим, базовое предприятие в рабочем порядке дает школе часть своего плана—тысячи единиц продукции. Выполнение задания, естественно, полностью подменяет процесс трудового воспитания и в конечном счете сведется к специализации более узкой, чем та, которую предлагает любое отделение УПК. Наконец, при УПК мы можем исходить из потребностей района, учитывать спрос, распределять заказы, то есть добиться централизации как в масштабе района, так и в масштабе города. Мы уже пришли к этому.

Впрочем, приемлемы и другие творческие формы. Пожалуйста, авиазавод отдаст школам на июнь—июль два цеха, где делают коляски, ширпотреб. Вероятно, в плане трудового обучения эта форма перспективнее летних лагерей. Лагерь лагерю тоже рознь—вот при совхозе «Гвоздика» мы создали молодежный лагерь труда и отдыха. Директор—комсомолец, ребята—полные хозяева, минимальный контроль с нашей стороны и блестящие результаты. Представьте, они там создали животноводческую бригаду из наших городских ребят!

— Иначе говоря, формы трудового обучения могут быть разными. Специфика района и контингент учеников—факторы второстепенные?

— В известной мере да. Видите ли, происходят качественные перемены, значение которых мы можем оценить уже сегодня. Отношения школы и производства наполняются новым смыслом, новым содержанием. Отныне школа не обособленный подготовительный этап, после которого начинается, например, процесс переоценки ценностей, последующее осмысление жизни и ориентация в ней. Благодаря реформе школа наконец стала органичной частью действительности, формирующей личность, а педагог, преподаватель труда—фигурами общественными, в большей степени, чем прежде. И это, повторяю, перемены качественные, для которых мы ищем новые формы, создаем новые отношения, определяемые такими понятиями, как труд, творчество, будущее.

На повестке дня —
бережливость

ПАТРУЛЬ
ВЕДЕТ НАБЛЮДЕНИЕ.

ЮРИЙ БАТЫРЬ —
РЫБИНСПЕКТОР.

С ПОЛИЧНЫМ.

ДОЗ

Валерий ГУРИНОВИЧ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Ночь будет тихая, глянть, как марево стелется,— сказал, глядя на закатную полосу, шкипер брандвахты.

Какое там — тихая!
...Встав на дыбы, «казанка» вспарывает густую волжскую воду. На предельных оборотах ревет «Вихрь», выкладывая все свои тридцать лошадиных сил. Но у той, шукообразной лодки, что набирает ход, видно, сил этих самых побольше.

— Уйдет! — чуть не плача, кричит Володя Коваль.

— Спокойненько. — Инспектор рыбоохраны Некляев налегает на руль. Патрульная «казанка» делает молниеносный вираж, срезая речной изгиб возле чернеющего острова. — Никуда он не денется. Сейчас его Юра Батырь перехватит... Давай ракеты! — командует он Ковалю.

Две красные трассирующие точки зависли над нами. Две ярко вспыхнувшие звезды, описав дугу, покатались в Волгу. Я загадал: сейчас возьмем «рыбака».

И в ту же минуту из-под нависших над водой кустов вырвалась вторая «казанка».

— Юра пошел! — Коваль замахал рукой с зажатой в ней ракетницей, обернулся ко мне. — Теперь Батырь его к берегу прижмет. А назад ему хода нет — мы перекрыли...

Это обычный патрульный рейд оперативной группы управления «Нижне-волжрыбвод». Личный состав: три рыб-инспектора, восемь ребят из комсомольского оперотряда, сотрудник водного отдела волгоградского УВД. Материально-техническое обеспечение: две «казанки» с подвесными моторами «Вихрь», две ракетницы, выдавший вид «ГАЗ-69», прозванный из-за капризного норова «мустангом».

Начальник опергруппы, главный рыб-инспектор управления Николай Петрович Исаенко, инструктируя участников рейда, заметил:

— На Денежном обосновались туристы. С лодками. На одной японский мотор «Судзуки» и оснастка подходя-

щая. Поинтересуйтесь их «туристскими тропами»...

Зеленый волжский островок окрестили «Денежным» не случайно. Здесь чаще всего появлялись браконьеры, охочие до осетровых. Тут разбивали рыбацьи станы, разделявали рыб-ин, солили икру. Словом, «делали деньги». И деньги немалые — шесть-семь осетров брали за ночь. И в каждом — до двух килограммов икры.

«Туристов» мы засекали неподалеку от Денежного. «Для них тут как медом намазано», шепнул Валера Некляев. — Рыба, обходя остров, жметя к отмели...

В лодке две бесшумные тени нагибались и выпрямлялись, широко разводя руками... Будто исполняли некий ритуальный танец. Слабый лунный свет и черная неподвижность воды придавали этой картине таинственность.

— «Порядок» выбирают... Ловкачи... — Коваль пригнулся, я вслед за ним сделал то же самое.

Мы шли на веслах, чтобы не спугнуть

«рыбаков». Уже можно было видеть, как морозно поблескивают грузные рыбины, но тут нас заметили. Мгновенно взревел «Судзуки». Лодка, обрывая «порядок» — шпагат с нанизанными на него стальными крючьями, — рванулась в сторону, к середине реки.

«Казанка» рыбоохраны — за ней. Так началась эта погоня...

От Саратовской ГЭС вниз по Волге до границ Астраханской области, что знатна не только своими арбузами, но и рыбным промыслом, тянутся голубые угодья «Нижневолжрыбвода». Семьсот километров. Это один из крупнейших речных участков Министерства рыбного хозяйства СССР.

Широко несет здесь Волга свои воды, растекаясь на множество протоков. Возле Волгограда река круто изгибается, пенясь бурунами у подножия плотины Волжской гидроэлектростанции. Справа, на отвесно падающем к воде берегу, — Волгоград. Слева, на пологом, — город Волжский.

ОРНЬЕ

По весне и поздней осенью сюда, к плотине, из устья Волги, от Каспия поднимаются белуга, осетр, севрюга — они идут к своим привычным нерестилищам, к глубоким ямам, где так уютно зимовать.

Николай Елисеич Воробьев, коренной волжанин, выросший и воевавший здесь, рассказывал о браконьерах:

— Изворотливый народец. Ловим их — я сам общественный рыбинспектор, — штрафую, под суд отдаю, а они все одно: норуют пожирней кусок отхватить. А походя сколько рыбы губят! Ведь тут лов осетровых напроць запрещено! Даже лицензии не выдаются, как на Урале, к примеру. Рыба-то сюда идет нереститься, вроде как к нам, людям, под защиту... тут у нее как бы дом родильный. Разве ж можно ее так вот встречать — острой, переметом, сетью, крючками... Стыдоба! Душа в синяках, когда видишь поутру брошенные на берегу рыбы туши: икру взяли, а остальное пусть гниет. А сколько гибнет в реке покалеченных рыбин! Она с крючка-то сдернулась, ушла, а рана не заживает — считай, такой осетр уже не жилец...

— А кто браконьерствует? — спросил я.

— И свои, местные, и туристы из других областей... Злостных браконьеров мы знаем — их, кстати, не так уж и много. А вот «любители»... С ними морюка! Он ведь, браконьер, не с луны свалился — рядом с нами живет, работает. На том же тракторном или на «Баррикадах». А к вечеру мотор на лодку подвесит, прихватит «порядок» да темляк — и на промысел.

На брандвахте, в штабе комсомольского оперативного отряда, есть своеобразный музей. Там я видел фотографии тех, кого ребята поймали за руку. Рядом с фамилией браконьера значится: токарь, водитель, инженер, электросварщик, крановщик, мастер ПТУ... Действительно не с луны свалился.

И тут же остроги, ножи для разделки рыбы, темляк — специальное приспособление для подъема многокилограммовой добычи, отточенные крюки из толстой стальной проволоки спецзакала. И самопал, и дробовик с обрезанным стволом, и финка с наборной рукояткой тоже не из космоса завезены — земного производства. В заводских цехах точены, выкованы, пригнаны к руке. Сделаны не халтурно, без брака (не поднимается рука написать «на совесть») — для себя или же для друзей.

Позже, спустя два дня, участвуя в ночном дозоре, я смог и увидеть, и потрогать схожую «продукцию». Мы взяли ее у «туристов», которых не выручил пятидесятилетний «Судзуки». Крепкие сорокалетние мужики вопрошали с непосредственностью непрокаженных школьников: а что, мол, в их рыбалке противозаконного?

На песке валялись отточенные железки, сеть из прочной лавсановой нити и... охотничьи ружья. И еще: шесть рыбьих туш — по бокам длинные рваные борозды. Осетры бились на стальных крюках, пытались уйти в речную глуть...

Волго-Каспийский бассейн уникален — до девяноста процентов мировых запасов осетровых рыб сосредоточено здесь. В Астраханской области, возле Каспия, развернут промышленный промысел: двадцать четыре завода заняты отловом и переработкой рыбы.

А в Волгоградской области решается совсем иная задача: здесь пестуют

мальков, чтобы по осени скатились к волжскому устью нагулявшие вес белуги, севрюги, осетры... Трехсоткилометровый участок — от Волжской ГЭС до границ Астраханской области — закрыт для рыбного промысла. Помните, «родильный дом»...

Владимир Иванович Дубинин, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией экологии осетровых: — И родильный дом, и ясли, и детский сад. На реке, под Волгоградом, более трехсот нерестилищ, множество «зимних ям», где пережидают холода до полумиллиона осетровых рыб. Сегодня этот водный участок — крупнейший в мире питомник ценных рыбных пород. Ни в Тереке, ни в Урале, ни в Оби нет столько молодежи, сколько у нас... До десяти миллионов мальков вырастивается на рыбных заводах. Это ведь наше народное богатство! Частица нашей природы... Уничтожая ее, себя губим — вот что понять нужно!

Еще лет двадцать — тридцать назад ходила тут присказка: «На осетрах живем, икру жуем, балыком закусываем». Брали рыбу без счета — на наш век хватит! И, что говорить, смотрели на браконьеров с благодушием: у воды жить — да без рыбы?!

А ведь вполне могло и так оказаться — у воды и без рыбы. Частиковые породы — лещ, судак, сазан — и те пошли на убыль. Не говоря об осетровых...

Станислав Константинович Дегтярев, заместитель начальника управления «Нижневожжрыбвод»: — За каждым из двухсот работающих у нас инспекторов — более трех километров реки. Участок немалый, одному тут не обернуться. Ежедневные рейды, круглосуточное патрулирование, разработка оперативных данных, санитарная охрана... Без помощи общественных инспекторов — особенно комсомольского оперативного отряда — нам, честно говоря, пришлось бы туго. В прошлом году выявили около трехсот нарушителей. Много ли это? Ну, если сравнить с прежними годами, браконьерство заметно уменьшилось. Раза в три. И все-таки... Общая сумма штрафов — сто с лишним тысяч!

Волгоградцы знают цену рыбе. Разговаривая с ними, приметил одну особенность: «рыбные проблемы» всякого берут за живое, вне зависимости от возраста и рода занятий. У областного штаба по охране рыбных запасов, который возглавляет первый заместитель предоблисполкома Дмитрий Александрович Скородько, тысячи добровольных помощников.

Четырнадцать лет назад, весной семьдесят первого, в управление «Нижневожжрыбвод» пришли десять студентов института физкультуры: «Хотим помочь вам. Вот направление горкома комсомола».

Людей в рыбоохране катастрофически не хватало, и потому помощь оказалась ко времени. Ребятам выдали удостоверение общественных рыбинспекторов, распределили их по рейдовым группам. А спустя три месяца добровольцев уже было не десять, а пятьдесят. И назывались они: городская комсомольская спецгруппа по охране рыбных запасов.

Сегодня вполне можно писать историю этого отряда. В ней немало славных страниц. Тысячи задержанных нарушителей, десятки тонн изъятой осетрины — сотни тысяч рублей возвращены государству. Но не измерить в рублях и тоннах тот духовный заряд, что прив-

несли ребята в работу «Нижневожжрыбвод» — в общем-то достаточно размеренную и будничную.

Александр Петров, командир городской комсомольской спецгруппы по охране рыбных запасов: — Рыбоохрана не терпит грязных рук, нечистой совести. Тонкое это дело, кое-кто покальзывается... Периодически мы проводим переаттестацию. Выявляем «запас прочности» не только профессиональный, но и нравственный. А рейды, погони, засады — этого тоже хватает. Задерживаем, оформляем штрафы. Но штрафом совесть не разбудишь. Тут иное надо — слово найти острое, чтобы душу задело...

Такое слово ищут — и находят! — ребята из лекторско-пропагандистской группы отряда. С лекциями и беседами приходят они на заводы и фабрики города, в рабочие общежития, в студенческие аудитории, в школьные классы. Заведующий отделом оборонно-массовой работы Волгоградского обкома ВЛКСМ Сергей Попогин — сам речной дозорный с десятилетним стажем — рассказывал:

— Недавно выступали с лекцией на одном заводе. Прямо в цехе, во время пересменки. Разложили перед собравшимися «порядки», остроги, ножи, что у браконьеров отобрали, фотографии через диаскоп показываем: вот браконьеры, а вот их добыча — вспоротые рыбьины, выброшенная на песок икра. Прочли выдержки из протоколов, из объяснительных записок... Рабочие молчали, но по лицам заметно было: задело то, что увидели и услышали. Уже на выходе из цеха догнал меня парень в брезентовой куртке сварщика. Запиши, говорит, с другом в ваш отряд, прищучим этих любителей деликатесов...

В Минрыбхозе СССР мне назвали такие цифры: 6 тысяч государственных рыбинспекторов трудятся ныне на голубой ниве страны. Им помогают 70 тысяч инспекторов-общественников, на долю которых приходится более 60 процентов от общего числа всех выявленных нарушений правил рыболовства.

— Трудно представить сейчас нашу работу без участия в ней добровольных помощников, — прокомментировал эти цифры начальник отдела охраны рыбных запасов «Главрыбвода» Григорий Константинович Ковалев. — Причем круг их деятельности куда шире, чем ловля браконьеров. Охрана рыбных запасов — это прежде всего охрана всей природы. Нельзя разрывать экологическую цепочку. Загрязнение реки сточными водами, неразумное пользование химикатами в сельском хозяйстве — тем более в районе речных пойм — все наносит вред рыбе, особенно ценным осетровым породам... Водозаборы, сброс в Волгу всевозможных промышленных отходов — для рыбы это та же беда, что и браконьер с острогой. Но если браконьер платит штраф из собственного кармана, то нерадивый директор предприятия, совхоза — из государственного...

На сессии Верховного Совета СССР в июле нынешнего года шел острый и заинтересованный разговор об охране природы, о разумном использовании природных ресурсов. В том числе и рыбных запасов. В выступлениях депутатов подчеркивалось, что серьезный ущерб природе наносит браконьерство, загрязнение рек, озер, водохранилищ сточными водами...

...Мы собрались на верхней палубе брандвахты. Вечерет. От палубы поднимается легкий белесый парок. Волга отдает накопившееся за день тепло. Нас здесь человек пятнадцать — госсинспектора и комсомолцы из городской опергруппы. Ждут инструктажа перед рейдовым патрулированием, уточняют составы патрульных «троек» и маршруты.

— Пора, — сказал Некляев. — Со мной пойдешь?

— Если вы не против, — ответил я.

Читатель — «Смена» — читатель

КАК ВСЕ-ТАКИ С ГУСЕНИЦАМИ?

Случай в практике редакции редкий. «Смена» получила письмо от Гурия Григорьевича Михеева, в котором автор сетовал на несправедливость по отношению к нему со стороны весьма авторитетных организаций. К письму было подколото 17 (!) открыток с ответами Подольской базы посольства Министерства торговли РСФСР. В 18 открытках — 18 отказов выслать столь необходимые гусеницы к приобретенному пять лет назад снегоходу «Буран».

Живет Гурий Григорьевич в далеком Ненецком национальном округе в тридцати километрах от поселка Вижас, где две трети года лежит снег. Без снегохода Михееву ни детей в школу отвезти, ни по делам съездить, ни на рыбалку. А всему виной гусеницы, дефицитнейшая, как оказалось, запчасть. И вот с 1981 года регулярно посылает Михеев просьбы отправить ему эти самые гусеницы и каждый квартал столь же регулярно получает ответ типа: «Удовлетворить Вашу просьбу не можем, так как под товарные ресурсы года заказы приняты полностью».

Мы было удивились: как же так, человек столько времени маяется, неужели за пять лет посольторг был не в состоянии удовлетворить законную просьбу? Связались с заместителем управляющего Подольской базой Лидией Петровной Кондратьевой. Почему, спрашиваем, такая сложилась ситуация? Кондратьева не удивилась.

— Пять лет — не рекорд. У нас заказов на эти самые гусеницы для «Буранов» десятки тысяч. Если точно, то на сегодняшний день потребность в них — 27 тысяч штук. С трудом удовлетворяем заказы инвалидов войны и труда. Сами судите: за 9 месяцев этого года предприятия-поставщики недодали нам 490 тысяч различных деталей.

— А с гусеницами-то как?

— Получаем в год тысячу-полторы... Делают их в городе Андропове на дизельном заводе. Обращайтесь туда...

Ладно, звоним на дизельный. Трубку берет главный инженер производства, выпускающего «Бураны», Михаил Львович Островский.

— Сколько лет мы делаем снегоходы, столько же лет испытываем острейшую нужду в гусеницах. Это самая изнашиваемая деталь. На каждый выпускаемый нами «Буран» по идее нужно дополнительно два комплекта гусениц. А нам едва хватает укомплектовывать сходящие с конвейера машины. В стране уже почти 90 тысяч снегоходов, но я убежден, что треть их стоит из-за нехватки гусениц и, пожалуй, еще ремней вариатора. Делает гусеницы, вернее, полуфабрикат, курский завод резинотехнических изделий. Дай он нам вдоволь заготовок для гусениц, мы решили бы эту проблему очень быстро. Но не дает. Не дает, потому что заводу физически не хватает мощностей.

В Курск звонить мы не стали. Островский знал вопрос, как говорится, досконально. Тем более что курский завод создает дефицит не по доброй воле. Мы решили адресоваться непосредственно к начальнику ВПО «Союзрезинотехника» товарищу Ю. В. Павленко:

«НАМ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ: ДО КАКИХ ПОР ГУСЕНИЦЫ К «БУРАНАМ» — МАШИНЕ КРАЙНЕ НЕОБХОДИМОЙ, ОСОБЕННО В УСЛОВИЯХ СЕВЕРА, — БУДУТ ЧИСЛИТЬСЯ В РАЗРЯДЕ ДЕФИЦИТА? ПОЧЕМУ ПРИ ЕЖЕГОДНОМ НАРАЩИВАНИИ ВЫПУСКА СНЕГОХОДОВ ВПО «СОЮЗРЕЗИНОТЕХНИКА» НЕ ПРЕДПРИНИМАЕТ УСИЛИЯ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЭТОЙ ТЕХНИКИ ЗАПАСНЫМИ ЧАСТЯМИ?»

Мопять опоздал Серега к вечернему наряду. У заправки языком зацепился, у мастерской руками промахал—подбежал к бригадному домику, когда по ступеням весомо и неторопливо спускались уже усталые механизаторы. Серега нырнул за угол, переждав, вскочил на низкий фундамент, заглянул в раскрытое окно. Горьким куревом тяжело дохнуло оно—парень сморщился, заморгал, а когда проморгался, увидел в глубине комнаты бригадира дядю Мишу, который поил кенара и нежно ему подсвистывал, поцелуино сложив губы: «Сейчас цветочки полетят, замочки проверит». Изучил Серега бригадирские повадки—ну, совсем такие же у бабки его, Груши—тоже пока все не проверит, в магазин не уйдет, спать не ляжет.

— Дядь Миш!—гаркнул Серега, и старик выронил блюдечко.
— У, чертолом... Чтоб ты...
— ...сдох!—быстро закончил Серега, запаленно глядя на бригадира—такой уж у него, у Сереги, вид, словно только что он с пожара или на пожар.—Ну, побег я?
— Как так побег? Докладывай!—передохнул бригадир, хоть за сердце все еще держался.

Серега поелозил локтями—неудобно висеть на них.
— А чо, чо я?—забормотал, бегая глазами. Докладывать ему нечего: ну, воду в теплицы подвез, малость с ремонтом помог—пленку меняли на крыше, еще за мешками сгонял на кобыле Саньке. Чего докладывать?..

Бригадир—не седенький, весь какой-то серенький, маленький—бочком подскочив, начал перед острым Серегиным носом загибать корявые бригадирские пальцы:
— Значит, так... Бочку опрокинул—раз. Пленку порвал, сам чуть с крыши не грохнулся, кобылу загонял. Тебе что,—закричал, вдруг осерчав,—тебе тут мустанги? Скачки? Надоел ты мне хуже горькой редьки! Брысь!

— Да-а!—разгорелся и Серега, подпрыгивая.—Сам-то! Куда меня ставишь? Надоело на подхвате! Все! Я дела хочу!

Серега слетел с окна, в которое совсем уж влез, и понесся прочь.
— На капусту завтра!—вслед ему дребезжаще крикнул дядя Миша.—Гляди у меня!

— Гляжу,—пробурчал Серега, останавливаясь под серебряной аркой, на которой гордыми алыми буквами было написано: «Совхоз «Светлый путь». А какой путь у Сереги? Куда ему податься бедному? Где ни появится, за что ни возьмется—крик да суета получаются, сопли да вопли!

По асфальту, озабоченно наклонив причесанную головку, торопливо цокала тощеватая бледноватая девушка—Катька Зеленова. Увидев Серегу, округлила глаза, хоть должна бы обрадоваться: знал парень, как сохнет по нему Катька—вон вся высохла, да не больно нужна она ему!

— Ой!—пискнула Катька, Серега сморщился: и голос-то у нее мышинный, и улыбка испуганная, и лепечет девочка глупое:—Ты, Сереж?

— Не, не я!—сердито скосоротился Серега.—Вася твой, агрономчик паршивый! «А чего Вася, зачем Вася?»—подумал тут же, но сдержаться не захотел—не привык, не умел сдерживаться Серега, жил, как ему хотелось, на всех поплеывал с высокой колокольни.

**Владислав
ЛЕОНОВ**

РАССКАЗ

ДРУГ СЕРЕГА

— Ага, что?—подскакивал к Катьке, заметив смятение на носатом ее личике.—Агроном, да? Агроном, агроном, агрономиска! Кучерявый усатый баранишка! Давай, давай, топай к нему, длинному, а я посмеюсь! Да! Видали, как танцевала с ним в клубе! Танцевала, обнимала, слезы горьки-я лила!

— Сереж,—просительно протянула Катька.—Зачем ты?—Серега как споткнулся—замолчал, засопел, норвя расковыряя сапогом асфальт.—Ну, хочешь, в кино пойдем?—Серега поморщился. Катька заторопилась, слабо замахала ручками.—Не хочешь—куда хочешь, а?

И сказать-то не умеет! Одно слово—телятница! Хотел Серега разозлиться как следует, да вспомнил некстати низкий, весь в сенных, соломенных запахах телятник и Катьку в нем увидел—лупоглазенькую, в белом халате. Тянутся к ней коровьи ребята—каждому она слово ласковое, теплую ладошку: «Ма-аленький мой...»

— Пойдем!—ухватил ее Серега под острый локоток и не повел—потацил прогуляться. Катька спотыкалась, семеняла в новых туфельках, однако терпела и только возле речки взмолилась:

— Упаду, Сереж!
Он остановился, отдуваясь, Катька сняла туфельки, чтобы босиком спуститься к воде, где лежало их собственное бревно, черное и корявое, дождями мытое-перемытое, ветрами обдудое, солнцем прокаленное. Серега сбросил пиджак на бревно.

— Садись!—подлихнул подружку не очень вежливо.—Катька села, сжала худоватые коленки, съежилась, как сирота несчастная. Серега косился—не любил бедных да горемычных и потому, разозлясь, стал шлепать по воде, хрустеть песком, молоть языком.

— А вот в одной стране...—сердитым тенорком шумел Серега,—один из спичек дом построил! Тридцать лет, болван, корпел! Живет на спичках, печку спичками топил! Ну?—Катька молчала.—А в другой стране одна семерых родила! Во! А из озера чудидце вылезит! Представь: ночь, вода, а из воды...

Из черной воды с громом вымахнула ошалевшая от весны рыба, раскололась узкая лунная дорожка, брызнула. Катька вскрикнула, Серега замолчал, но в следующий миг снова замолотил, размахивая теперь руками:

— А вот в другой стране...
А вечер плыл над миром, теплый славный май, басовито гудел запоздалый жук, в незапыленных сиреневых кустах разорались заревые соловьи.

— А еще, значит...
— Сереж,—попросила Катька,—помолчи, а.
— Во!—удивился Серега.—Я ж тебя развеселяю! Какой интерес молчать? Не умею молчать! Ты чо?

Катька встала с бревна, слегка отряхнулась—мягко, чутко огладила себя и пошла по тропке, что едва светилась в полутьме. Серега в два прыжка нагнал ее, схватил за пояс:

— Ты чо, ты чо, а?
— Сереж,—вздохнула Катька.—Неужель не видишь, что вокруг-то?
Серега шмыгнул зоркими очумелыми глазами: а чо вокруг? Кот крадется драный. Мавру зовет. Хмыкнув, сказал про то—Катька поежилась, будто застыла.

— Нечувствительный ты,—уронила печально. И ушла, оставив Серегу в одиночестве, в большом недоумении. Парень побегал над рекою, пошвырял камни, пугая рыб и соловья, и как проснулся:

— Сама-а то!
Вздрыгнул притихший мир, но через минуту ожил. Сдернув на траву пиджачок, на котором сидела Катька, Серега упал на него и застыл так, положив руки под буйну голову. Ветер чуть дышал ему в щеку, приносил с собой запахи реки, песка и молодой полыни. А звезды далеки и пугающи, нездешние звезды, лететь до них, говорят, тысячи лет, и то не долетишь. «А ну их к дьяволу!»—в сердцах уселся Серега над обрывом, слушал соловьев и лягушек в поливных канавах. Копил соленую обиду: «Чувствительный! Тут навкальваешься, а она!» И рысью поспешая к поселку, Серега размышлял о Катьке, о привычной Зеленовой, с которой не было у него забот: как приклеилась к нему с восьмого класса, так и таскается за ним, заглядывая по-собачьи в глаза, ни о чем не спрашивая, ничего не требуя. Да и какой с ней разговор? «В киношку приходи, а?» «Поесть не притащишь?» Идет и тащит, а больше Сереге от нее ничего не надобно. Сегодня что-то развезло, на разговоры потянуло, и на тебе—как оборвали! И кто-о! Катька долгоногая! Да у него таких Катек—только свистни! Да он щас в клубе...

У клуба громыхла музыка. Парни вытащили колонки на крыльцо и дрыгали себе локтями, вертели коленками. Закричали из круга:

— Серега, давай!
И дал бы Серега—не дается что-то: в сторонке у светлой свежей березы Катька и Вася-агроном—длинный, шея торчит из белого воротника—гляди, оборвется. Пара движется плавно, застыло, словно ничего вокруг ее не касается. Окаянный Вася все наклоняется к Катьке, шепчет что-то в маленькое ухо, и Катька испуганно улыбается—ему ли, Сереге ли. «Этот, что ли, чувствительный?»—загорелось в самой глубине сердца, зачесались кулаки.

— А ну, ты!—заорал Серега, и большая черная птица шарахнулась с березы во тьму.

Вася-агроном не повернул головы, не остановился, только скользнул равнодушным взглядом мимо Сереги, сквозь него. Серега опешил на миг. И откуда ты взялся, огуречник-капустник? Век тебя тут не было—явился! Вылуписал! Усики, галстучки, беретик! Беретик почему-то больше всего разъярил Серегу.

— Ты, кучерявый!—заверещал он, бросаясь, и никто не ведает, что сотворил

бы парень в безрассудный этот миг, не ухватил его кто-то за руку, не стисни:

— Носишься? Сажалку небось не смотрел?
Дядя Миша уставился круглыми глазами—пронзал, буравил.
— Сажалка-копалка!—вырвался Серега.—Человек тут!—И стукнул себя кулаком в грудь.—Сажалка!

И замер, как заледенел. И не нашел слова—стоял, растопыривал руки.
— Ты, значит, меня, это?..
— Тебя, тебя!—засмеялся Вася-агроном.—Ты уж не подведи, Сергеев!
— Кто?—с трудом дошло до Сереги: это его по фамилии-то, его! Во дела-а...
Как в тумане шагал Серега по центральной совхозной усадьбе—мимо городских пятиэтажек, мимо теплых пятистенков, что обреченно ждали сноса, мимо знакомых кошек и собак, которые не убежали от парня, а, наоборот, тыкались мокрыми носами в его ладони. С целой псарней завалился на бабкин огород.

— Тихо, ребята!—приложил палец к губам, и ребята шмыгнули за сараи и поленницы, благо, у горе-хозяина есть где укрыться в развалахах, в лебеде да в лопухах. «Надо бы крышу поправить,—смутно взглянул Серега на провисший сарай. Вошел в сени.—Надо бы половицу...» Сто лет собирался сменить доску—бабка Груша все уши прогудела, дособирался! Хрястнула под ногой! Нырнул Серега плечом, влопыхах сбил собственную бабку, которая тащила у живота кринку с молоком. Бабка, охнув, села на пол, молоко выплеснулось на нее, и стала Груша белой и глазастой.

— Во, Снегурочка,—сидел перед нею внук.
— Чертолом!—визгливо и дрожаще ответила бабка.—Ума у тебя...—И плюнула молоком.

— ...нету, нету!—закончил весело Серега и, вскочив, схватил бабку под мышки, поставил на нетвердые ноги.

Была уже ночь, а Серега все сидел в своей комнатке и встревоженно тарашился в темный сад. Заборами пахло оттуда, прелой соломой и кошками. И лишь изредка, когда налетал свежий ветер, уносились гнилые запахи и хорошо, свежо тянуло цветущей яблоней. Потом ветер засыпал, и опять слышны были песни котов на заборе, вздохи бабкиной коровы в сарае, какие-то шорохи и слабые трески вокруг.

Серега вытянул шею: бабка черно и бесшумно шастала по усадьбе.

Рисунок
Антон КУМАНЬКОВА

— Ба! — высунулся Серега из окна, тощий и белый. — Любовь есть?
Бабка налетела на кадку.

— Черти ты задери, непутевого! Спи!

Чего еще от бабки услышишь? Серега завалился на кровать, добросовестно закрыл глаза, и вчера бы сон вмиг закачал, унес бы его в ватную липкую страну, но сегодня не спалось Сереге — думалось. О жизни. О судьбе. Вот живет он как хочет, и никому до него нет дела, никто не постоит над ним, не спросит, а хорошо ли ему на свете. Никто не пожелает доброй ночи и светлого дня. А заболит он? Кто напиток даст, кто прохладной ладонью коснется горячего лба? Никто. Никому он не нужен с тех самых незапамятных времен, как умерла мама. Серега заворочался, завздыхал: во сне ли, наяву почувствовал ее ладонь, голос услышал милый: «Ну, что ты, сынок?» Что-то юркое проползло по щеке, Серега сердито утерся: сто лет не плакал, с тех самых пор, как отец остановился на пороге: «Ну, пошел я?» И ушел. Не за синие моря и высокие горы — в соседний совхоз, к Зойке-продавщице. И бог с ним, с родителем, — отрезано, забыто. И шут с ней, с Зойкой, — подавится ворованным счастьем. Так сказал себе Серега и вздыхающей по ночам бабке кричал ожесточенно в дверь: «Ну чо, чо ты?!»

Серега, старчески кряхтя, уселся на постели: да что это с ним?! Ворочалась и бабка Груша на детской своей кроватке. «Ба!» — вздумал по привычке на весь дом грянуть Серега, но опомнился: напугает. И повздыхал: впервой, что ли, пугать ему старую? Сколько она из-за него натерпелась. «И по имени не назвал», — вдруг вскочил, забегал босоню по комнатке Серега, и наехала, тоже вдруг, как всегда случилось у него, жалость к бабке, одинокой, маленькой.

— Бабка, бабка, — бормотал, качая лохматой головой Серега. — Как же так, а? Как же так все вышло, что рядом жила бабка, да не замечалась. Охала, скрипела, кряхтела, болела, а ему все равно, ему, внуку окаянному! Так ему и надо! Завтра вот на капусту бросают — страшно, тошно с непривычки, аж в горле горит, как вспомнит про завтра, а с кем поделиться? Кого спросить, кому открыть смятенную душу? Один-разъединственный есть человек, да и тот — бабка.

— Ба-а, — непривычным шепотком спросил темноту Серега. Подождал, сунул голову в фанерную дверь. Бабка свернулась калачиком, руки под щекою, спала. И таким сиротством дохнуло вдруг на Серегу — упал бы, грохнулся перед ней на колени и башкой об пол, об пол! «Ты прости, прости меня, бабка, за все!»

Серега постоял, хороня дыхание, чтобы не побеспокоить человека, на цыпочках

начал пятиться, и вдруг (все-то к нему вспрыгивает вдруг!) озарило его воспоминание: синий мартовский день, сосулины, капель, парные сугробы, а они с Катькой притаились за трухлявым сараем. Бабка колом катится по двору, а он, Серега, вырыл на тропке ямку — «рухалку». До сих пор чувствует, как стыла, натягивалась кожа на затылке: «Ну?!»

Месяц тогда хромала бабка. За бок держалась, ходила криво. Катка плакала, а он... Серега скрипнул зубами: он посмеивался!

...Долго сидел Серега в саду на гнилой скамеечке. Шарик, или Бобик, или еще какой прилудный Тузик лез с поцелуями, и, обнимая его, пахучего и-репейного, Серега все что-то бормотал неразличимое. Потом забрался в окно и едва закрыл воспаленные глаза — затрясли, задергали:

— Вставай, что ли!

Сел, деревянный, зажмуренный, лоя чуткими ноздрями любимый запах картошки с луком. «Гы-ы!» — засмеялся и приоткрыл один глаз. Бабка — лицо в сморщенный кулачок — помаргивала голубенько, незамутненно.

— Ба! А ты красавица была! — закричал Серега, цепко хватая бабку за плечи и целуя ее куда-то в щеку, в лоб. Бабка обмякла, суетливо выбралась из мужицких его объятий. Лиловые губы ее подобрали в улыбке: видно, вспомнила. Серега радостно захохотал:

— Ага! Дралась из-за тебя парни, да?

— Да ну ты! — смутилась она. — Ешь давай, бригадир в окно стучал!

«Чтоб его стукнуло!» — забеспокоился Серега, и если б бабка присела рядком, участливо спросила б: «Что тебя гложет?» — сразу и вмиг поведал бы ей Серега про Катку, про Васю-агронома, про маету свою, про нынешний день, который неведомо как начнется и как кончится. Но бабка уже трепыхалась с венником, носилась с посудой, выкатилась потом во двор к корове. Серега лениво ковырял картошку. Петухи орли как заведенные, мокрый кот, просыхая, дрых на печке. Шарик или Бобик, всунув лапы в окно, заглядывал янтарным глазом. Шумели грачи на черных гнездах. Обычно начинался необычный этот день. Серега оделся, вдолбил ноги в сапоги, бросил пиджачок на узкое плечо и побежал мимо теплых домиков, что завивали в небо светлые дымки, мимо пятиэтажек — серых и холодных, выскочил на высокое шоссе — и дальше, дальше, к мастерской, возле которой гудели хриплые спросонья трактора, и стлался сизый мокрый дым несгоревшей солярки, и дядя Миша — кулаки в бока — поджидал Серегу:

— Опять, Сергеев? Гляди у меня!

Это вместо «здрасьте». А что Сергеев, чего Сергеев? Сказать, что ли, нечего? Так подумал Серега и кинулся было в обиду, да вовремя спохватился: с криком-то и привычной ему, так страшно за новое дело приниматься.

— Пошел я? — бросил небрежно, и дядя Миша так же небрежно-сердито кивнул: валяй, валяй!

Серега уверенно подошел к синей «Беларуське», постучал салогом по колесам, полез проверять солярку — баки под завязку, масло в норме. Серега оглянулся на бригадира: как он все успел и смог? Поймав его взгляд, дядя Миша шагнул озабоченно:

— Ну?

— Порядок! — сказал Серега, и тепло стало ему в кабине.

— А ты не торопись, — проворчал бригадир. — Как учили.

Хорошо учили Серегу в ПТУ, да только ученик-то попался непутевый. «Ладно, авось», — сказал как заклинание и поехал. Тяжело, непривычно шел колесник — был он навьючен водяными баками да стеллажами под рассаду, и все в нем, казалось Сереге, погромывало, побулькивало — еле-еле по привычке парень, и перестало погромываться, басовито гудел мотор, ровно катились колеса, пообмяк, огляделся Серега, завертел головой. Мимо склада дровяного ехал он, подсакивая, мимо сада заводского, коллективного. В саду шла работа, мелькали соломенные шляпы, панамы, сгорбленные в усердии спины. «А-а, суббота», — вспомнил Серега, но не позавидовал: пускai надрываются, упираются, он — человек вольный, куда захотел, туда полетел.

Крутанул мягко руль — трактор побежал к тепличкам, возле которых стояли женщины, смотрели из-под руки. «И чего глядят?» — насупился Серега, выбираясь из кабины.

— А, Серезенька-а! — запричитала старушка Сидорова, заводила многих совхозных склок. — А мы дождаемсi-и!

Серега глянул зорко: вроде не смеется бабка. И другие женщины смотрят по-доброму. И, отходя сердцем, схватил Серега ящик с рассадой, потащил к трактору, стал вливать на стеллаж.

— Да ты легонько, легонько, голубь сизай, — пропела старушка Сидорова. — А ну, бабоньки!

Бабоньки налегли, Серега только успевал всовывать ящики. Притащил под уздцы косопузую лошадедку Саньку — на ее тележку кинулся грузить запасную рассаду. — Санька пойдет краем поля, чтобы не терять дорогого времени, не отрываться от дел. Подцепил потом сажалку, приладил и с высоты тракторной кабины посветлевшим взором посмотрел на своих «бабонек». Но вдруг потемнел Серега, надулся: к плечоному разводочным тепличкам подкатил на «козлик» овощной агроном в своем неизменном беретике, из-под которого завивались мелкие локоны. «Кучерявый мужичок!» — хмыкнул Серега, пока Вася-агроном выпрастывался из машины, подходил, дрыгая кадыком:

— Как тут у вас, Надежда Степанна?

Старушка Сидорова не привыкла к обращению по отчеству — застеснялась, прикрылась ладошкой.

— Да мы завсегда, Василь Андреич... Вон какой у нас орелик!

Все обернулись и стали смотреть на Серегу. «Чо рты раскрыли?» — распалился тот, захлопнулся. Бабоньки, окружив Васю-агронома, о чем-то стали толковать с ним, а солнце уже поднималось, светлело, из багрового делалось желтым, сплещим, и по свежему полю заструился легкий парок. «Время!» — знал Серега, как надо беречь утреннюю минутку, и, прыгнув, побежал к женщинам:

— Ну чо, чо вы, а?

Зная крутой его норов, женщины, переглядываясь, пустились по узкой тропке к полю. Вася-агроном пропал в теплицах, и Серега невесть зачем потащился туда же. Агроном сидел на корточках узкой спиной к Сереге и что-то там делал над грядкой — ковырялся, рассматривал, качал беретиком.

— Червей, что ли? — остановился над ним Серега.

Вася-агроном повернулся к нему:

— А-а...

«И чего в нем?» — рассматривал Серега обыкновенное Васино лицо, губастенькое, курносое. «И брови-то поросычь!» — углядел с ехидством.

— Хорошая, а? — заулыбался агроном, и Серега набылчился: хорошая у обормота улыбка, добрая, своякая — даже разозлиться на такого как следует нельзя!

Он обежал взглядом тысячу раз виденное — грядки, стойки, плечоную мутную крышу, бесконечные рядочки капустной рассады — и так, и в горшочках, готовых к полю.

— Закалилась, — сказал Вася и перестал улыбаться, словно скучно ему разговаривать с Серегой.

— Закалилась. — И сам видел Серега синеватые ростки: вовремя обдули их сквознячками, в меру опалили утренниками — теперь не страшны капустным деткам ни хмурое небо, ни нежданные заморозки, ни другие беды, поджидающие там, за плечоными воротцами.

— Шел бы, а? — попросил Вася-агроном. — Время.

И опять наклонился над разлюбленной своей капустой, и какой-то залетный воробей ох как точно приладил прямо в середку беретика. Вася смахнул беретик, стал отряхивать его, и Серега с веселым изумлением увидел ровную круглую плешинку на агрономовой юной голове. Посверкивала она, словно озерко среди камышей. Серега захохотал. Вася-агроном спешно напялил беретик. Серега дунул по грядкам.

— Рассада! — заорал вслед агроном.

— А ну тебя! — отмахнулся Серега, вылетая в солнечный ласковый свет. — Хорошо! — оглянулся вокруг: одуванчики тянутся у пленки, зеленеет травка на древней торфяной куче. — Сорняки развел! — потыкал пальцем Серега и совсем разулыбался: так глупо круглил рот растяпа-агроном. «Ишь, чувствительный! Плешак!» — крикнуть бы Сереге, да не крикнул, влез в кабину, погнал колесник окольной широкой дорогой, распевая в полный безудержный голос:

Кучерявый мужичок, мужичок, мужичок!

Кучерявый плешачок, плешачок, плешачок!

И солнце раздувало круглые щеки, и мир хохотал вместе с Серегой. Раззудись, плечо, размахнись, рвкai!

— Ой, миленький, какой же ты... — опасливо проговорили женщины, когда Серега подъехал к борозде, опустил сажалку и сам, размахистый, горластый, выпрыгнул на мягкое поле. «Ага, какой!» — распалился на дело широкое, на работу горячую

Серега. Посвистывая, еще раз оббежал вокруг трактора, пошатал зачем-то старую, всю в железных заплатинах сажалку — заходила она ходуном.

— Силища-то! — льстиво сощурилась старушка Сидорова, и по Серегину сердцу прокатилась теплая волна. «То ли еще будет!»

— Ну, поехали, что ли? — размягченно спросил он, и женщины по-хозяйски, привычно расслаживались, вытерев сперва рукавицами влажные сиденья, взгромоздились на них, надвинули на рот платки, а на глаза — суровые квадратные очки, сделавшие их лица чужими, неласковыми.

Серега уселся в кабину своего не ахти какого нового конька, по самые фары увешанного, пнул педаль, по сигналу, воткнул скорость и ощутил, как тяжело потянул трактор сажалку, пуляя в чистое небо колечки синей солярки.

Запищала нехоти рация, замигала желто. Серега, притормозив, схватил трубку. «Волна-3» запрашивала о делах. Распознав голос «кучерявого плешачка», Серега ответил:

— «Волна-3», я — Сергеев! Все в порядке. Прием! — и вырубил звук.

Потом дядя Миша обеспокоился, главному агроному Серега понадобился — навалились! Серега подумал, помыслил, и больше рация не пищала, не отвлекала его...

— Так-то, — удовлетворенно пробормотал парень, убирая отвертку. — Нечего им делать — звонят, звонят! Подъехай, погляди, чем звонить-то!

А день катился себе, бежали минуты, ходко шли часы, уходили безвозвратно. Трактор сперва заносило в стороны, и тогда Серега, напрягаясь, бормотал:

— Ничо, наладимся... — И оглядывался на своих бабонек, которые проворно опускали в податливую, рыхлую землю торфяные горшочки с рассадой. Поле у них под самыми руками, оно пахнет свежей землей, водой, срезанной сурепкой. Серега сперва различал эти запахи, а потом кабина нагрелась и стала пахнуть горячим железом, машинным маслом. Пропали сизые колечки — невидимый раскаленный воздух дрожал над трубой. Мягче, привычной гудел движок, грачи с ором кружились над полем, молчком шагали за сажалкой, которая плыла, плавно покачиваясь, и так же плавно покачивались вместе с нею женщины, орудуя локтями. Краем поля брела сама по себе кобылка Санька, привычная к такой работе. Изредка старушка Сидорова, старшая среди прочих, подбегала семянце к кобылке, хватала ящик и несла его к сажалке. «Так!» — одобрял Серега. Мелькали женские руки, ходили локти, диски машины приваливали горшочки, и ровненько, как по линейке, вставала рассада — шесть рядочков враз, от дороги к реке, словно торопились напиться. «Нате!» — Серега от души сыплет мелким дождиком, и дух мокрой земли, перебивая машинные запахи, врывается в распахнутую кабину. «Славно! — ликует Серега. — Ох, славно!»

У берега стоит Катька. Ага, проверяет! Серега на ходу коротко машет рукою и лихо разворачивает трактор, едва не опрокинув вздернутую сажалку. «Чертолом!» — то ли сказал кто, то ли послышалось. Мелькнуло агрономово лицо — стоял Вася на борозде в своем беретике, — Серега вспомнил про плешачка, но радоваться не было сил: укатался.

К полудню кабина раскалилась, настроение испортилось, и Сереге захотелось с кем-нибудь крепко сцепиться. Виноватых, однако, не было, жилистые тетки работали споро, без криков, и шуметь на них было нечего. Рассада, как назло, подвозили вовремя, и воду доставили в срок, и обед подоспел в свои часы — вылезла из машины-короба круглая деваха Анька Семенова, рот до ушей:

— Серез! Твоя любимая каша!

Ну, как ответить грубостью на эту улыбку? Как сказать, что никогда не любил Серега кашу-малашу? Вылез, покачиваясь, и небо поплыло над ним, серое, стертное, некрасивое небо, без облачка. Серега подломил колени, лег на живот, лицом к траве — прохладой одарила она, звоном кузнечика.

— Серез, — из далекого дали Катькин напыивает голосишко. — Поешь-ка...

Серега сел, отодвинул протянутую тарелку, зато выхлестал две кружки ледяной воды — даже в животе заохлодало и забулькало.

Женщины, уловив его настроение, притихли, торопливо ели кашу. Серега покосился: на такой-то жаре да горячее...

Вася-агроном появился, голос участливый:

— Ну, как ты?

— Так, — хотел выплюнуть вязкую слюну Серега — не плевалось.

— А и работаем всего два часа, — невесть кому пропела старушка Сидорова.

— Серез, — глаза Катьки чего-то просят.

— Да ну тебя! Отвяжись! — собрался с силами Серега, и крик этот взбудрил его. — Садись! — зверовато оглянулся на своих — бабоньки поспешно уселись, надвинули очки. «Хоть бы град, что ли!» — пожелал горячо Серега и дернул трактор. Громыхнула сзади сажалка, Серега послушал — бабоньки не заорали.

Так, на злости, на характере осилил Серега еще прогон, заложил крутой вираж на развороте, и, на великое его счастье, полетела у старой сажалки ось. Четрыхаясь и ликуя в душе, выбрался Серега из прокаленной кабины. Уперев в бока гудящие кулаки, мрачно глядел, как сажалка медленно заваливается набок. Удрученно стояли вокруг женщины. Солнце жарило, где-то звенел жаворонок — чего ему делало!

— Хана, — сказал Серега и уселся тут же, в пыли.

— Сереза, милоч, сделай скорей! — сказала старушка Сидорова, и Серега хрипло ответил — кричать не было сил:

— Сделай, сделай... Чо я сделаю? Дают, понимаешь, старье, а ты вкальвай...

Женщины стали поджимать губки, старушка Сидорова не вытерпела:

— Привык ты сбоку, вот что! Ни к чему ты не способен!

— Ну и ладно, — равнодушно ответил Серега, нацеливаясь в тень. Старушка Сидорова схватила за рукав, дернула:

— Сам не можешь — за механиком сбегай. Во-он летучка стоит! — ткнула сухим пальчиком.

Серега покосился: на шоссе и верно маячила зеленая машина с ящиком.

— Щас! — огрызнулся парень. — Спешу и спотыкаюсь!

И начал с маху, с рыка сбрасывать ящики с сажалки. Они опрокидывались, рассада валилась в пыль.

— Чертолом чертов! — заблажила старушка Сидорова, звеньевая. — Очумел, что ли?

Услышав свое прозвище, Серега не обиделся, не разорался, а даже вроде и обрадовался — веселый сбросил последний ящик, отлетел он, раскололся на планочки. По узкой меже бежал, заплетался долгими ногами Вася-агроном. «Ну?» — хотел нахально спросить механизатор — не успел: Вася, жарко дыша, подскочил и с короткого замаха влепил Сереге в ухо — голова дернулась, в ней загудело.

— Ты?!— вскричал, потирая ухо, ошеломленный Серега.— Как можешь?
Не боль страшно— унижение. Вон и Катя застыла, опустила руки. Низко склонился над разбитым ящиком Вася-агроном, собирая рассаду в ладони, каждую, как воробья, подносил ко рту, дышал за чем-то на нее. Жар струился над дорогой, над полем. Угрюмо молчали женщины. Вася потащил ящики в чахлые кусты у кювета, прикрывал их какой-то тряпкой, женщины поспешили помочь.
— Да, это,— пробормотал Серега, и, отодвинув его плечом, Вася дотронулся до кнопки радиации, стал тыкать подрагивающим от нервозности пальцем. «Тыкай, тыкай»,— глядел без злорадства Серега.
— Дай-ка,— сказал агроному и полез в кабину. Вася сердито подлихивал.— Уйди-ка...

Вскинув сажалку, Серега поехал к шоссе. Пока выбирался грунтовой, ленточка снялась и запылила к совхозу. «Стоять!»— сказал кому-то Серега и повернул в проулок, норовя поскорей успеть к мастерской. Ухо горело, и в зеркальце смотрел на Серегу обиженный мальчишка с круглым ртом и круглыми глазами.
Откуда-то из домов вывернулся мотоцикл бригадира. Дядя Миша затормозил в пыли, вскинул руку. Черный рот видел только Серега, сердитый рот.
Вчера бы еще он небрежно распахнул дверцу, выставил бы сапог: «Ну?» И смотрел бы с ухмылкой: без году неделю бригадир дядя Миша, а строгости! Только вот в трактористах ходил, как тридцать лет до этого в них же хаживал, а теперь— глядите— начальство! Он бы смотрел насмешливо и гордо на худенького, серенького человека, который невесту зачем записался к нему в наставники и не давал дыхнуть, сам мается и Серегу замучил.

Серега неловко раскрыл дверцу.
— А что я?— спросил мальчишески, и дядя Миша, который собрался махать руками и рвать глаза: зачем, такой-сякой, с поля сбежал, когда каждая минута дорога, день год кормит, а рассада пропадает на жаре,— собрался было выкрикнуть все это бригадир, да сомлел что-то и жалобно скривил губы.
— Ведь ось-то,— сказал Серега.— Вот еду...

— Ветер у тебя в башке,— вздохнул бригадир без злости.— А рация?
— Не действует,— опустил глаза Серега. Посмотрел, как дядя Миша короткими изломанными пальцами силится оживить рацию. Эх, дед, дед! Хоть столько ты лет в совхозе, на всех наших и не наших тракторах вкалывал, а куда тебе до Сереги, человека современного, СПТУ окончившего, с электроникой знакомого.
Дядя Миша распрямил, как мог, тощую спину, наткнулся на егзовый глаз.

— Ну и что?— тихо спросил он.— Ну, не понимаю я в этих ящиках. Ты понимаешь, а какая от тебя польза?
Серега заморгал, завздыхал, хотел что-то ответить, но не нашел, говорливый, слова, опустил голову.

— То-то и оно,— сказал старик.— Нету для тебя святого. Да.
Серега скривился и таким, кривым, увидел себя в зеркальце.
— Давай к мастерской,— устало кивнул дядя Миша.— А я сварку пригоню.
— Ага,— сник Серега и кинулся влопыхах разворачивать трактор: слева колодец, справа плетень, а перед плетнем бабки Груши любимая береза— нашли где посадить, они б еще на середку проулка выбрались!

Чувствуя на спине неподвижный взгляд бригадира, Серега обогнул колодец, а в березу, не рассчитав, вломился всем своим железом. Дрогнула кудрявая, качнулась и упала на кабину, смахнув с нее пыль. Запахло деревом. Из бабкиного палисадника раздался отчаянный крик:

— Ослеп, чертолом?!
Серега вылез из ветвей, встал кривобоко:
— Ну чо, чо ты?..
А бабка Груша, уже не помня себя, верещала на всю улицу:
— Чтoб ноги твоей в моем доме!..
— Ладно.— Сереге уже все равно. Он бросил трактор прямо тут, под сметенной березой, и пошagal куда-то, слыша за спиной испуганное:
— Сереж, а Сереж...

«Все!»— понял Серега.— Конец!» И никому-то он не нужен на великом белом свете. Какая от него польза? Никакой. А раз так, то грош цена Сереге, утони, пропади он— кто заплачет? Вон и бабка собственная из дому гонит— так ему и надо, чертолому. Серега, волоча ноги, брел по самой пыли, по яркой жаре и, до печенки жалея Серегу горемычного, представлял речку, песок и себя на песке, бездыханного, холодного. Нет, холодное не представлялось в такую жару и духоту. «Куда это я?» Опомнился парень— стоит он возле конторы, в окошко смотрит разомлевшая секретарша, взгляд суровый, слова те же, привычные:

— Опять?— И озлиться на это «опять» ни сил, ни желаний.— Зайди!
«Зайду...» И, торопясь разом и навсегда кончить дело, протопал Серега по лестнице, сунул пыльную голову в директорскую дверь:
— Разрешите?
— Входи!

Валерий Борисович, директор совхоза, встал навстречу— такая уж у него привычка: подниматься из-за стола к любому— к хорошему аль подырю, руку протягивать, спрашивать озабоченно:

— Ну, что у нас случилось?
Серега почувствовал: миг еще— и угробит его директор улыбкой да мягкостью: вот и задрожали веки, в носу защипало, захотелось Сереге визгливо кричать и каяться. Он испугался и со страху понес совсем не то, заспешил, выпучив глаза и превращаясь в того самого Серегу, которого все знали и опасались:

— Ухожу я! Все! Хватит, будя! На старье не работаю! Дали рвань! Все!
Он беспомощно кричал— директор слушал, помаргивал, и глаза у него были красные, воспаленные, старческие, как у бабки Груши. Серега унял дыхание, опустил плечи:

— Сажалка, это, вся... Другим вон новое...
«Кому другим?» На других клепать не хотелось. Серега смешался, замолк, и директор как-то виновато вставил в эту паузу:

— Так нету у нас новых-то на всех. Сам знаешь. И тракторов...
«... На вас не напасешься»,— должен бы сказать директор: только в прошлом году Серега разбил новую «Беларуську», до сих пор главный инженер бурчит и косится.
— И тракторов пока маловато,— сказал Валерий Борисович.— Скоро получим новый, с просторной кабиной— отдам. Ей-богу. А сейчас нету... Извини...

Закричи он, стукни кулаком по столу— легче было б Сереге: так-то, с шумом и криком, оно и привычней жить.
— Нет!— сказал решительно Серега.— Ухожу я!— И сразу стало ему легче: правильно делает! Никому больше зла от него не будет, а пользы... пользы и так от

Сереги никакой.— И не уговаривайте!— упрямо мотнул он головой.— Не останусь! Все!

Директор помолчал, покряхтел.
— Как знаешь,— ответил спокойно и пошел к своему столу, а Серега, глядя на сутулую его спину, только и пробормотал: «До свидания»,— и вышел, затворив за собою дверь. «Как знаешь»,— вот и решай теперь сам, думай головой.

— Ну?— сердитым шепотком спросила секретарша.— Влетело?
Серега дернул плечом и потащился вниз по лестнице. Тихо было в конторе, народ в поле, в теплицах, на пастбищах и на фермах. Бабка Груша, и та тягает теперь свою грядку— она у него гектарница, передовая пенсионерка. «Таких бы нам побольше!»— при всех хвалит ее директор и ей небось не бросит равнодушно: «Как знаешь». Нужна бабка, без нее засохнет, измельчает кормовая свекла на длинном ее гектаре.

Серега побродил по пустому дому, постоял, уронив руки, в своей комнате, выдвинув из-под кровати чемодан, покидал в него кое-какую бельевую мелочишку и задами пробрался на тот самый берег, к тому бревну. Стал думать: как хорошо бы сейчас на белый-белый пароход по синему-синему морю— прощай, совхоз, прощай, бабка. Лети, вольный человек Серега. Вот бабку жалко... Бабка— одна-единственная его родня, вместо матери, вместо отца, вместо братьев-сестер. И он у бабки один. Правда, есть еще его отец— бабкин сын, но что от него толку! Вечно носит папашу, который за всю жизнь сделал, пожалуй, одно доброе дело: посадил березу, да и то не на месте, и он, Серега, вывернул ее сегодня... Может, оба они с отцом— чертоломы?

— Сереж...
Сережка съезжилась. Вот кого не ждал, о ком не гадал!
— Чего тебе?— бросил прохладно, чтобы Катя не вздумала присаживаться рядом. Присела, настырная! Серега скосил глаза: тощенькая, беленькая, а шеенка... И, глядя на эту шеенку, ослабел Серега духом, заерзал, подвигаясь к ней.

— Замерзла?
— Да что ты!— засмеялась она.— Пойдем, Сереж?
— Да отстань!— Опять забушевала в Сереге непонятная ему самому злость: почему все пристают, зачем не дают покою и отдыха?! И чего ей от него надо?— Уйду я!— крикнул он.— Совсем!

— Жалко,— вздохнула Катя, и Серега усмехнулся в душе: еще бы!— Слабый ты, пропадешь...
— Слабый?!— Серега зашарил по траве, хватая колочки и бумажки, но слов подходящих не наскреб.

Послышался шум мотора. Серега вскочил.
— Замри!— шикнул на Катю и вместе с чемоданом метнулся в кусты. Припал там к земле, больше слушал, чем видел: мотоцикл услышал бригадирский, голос Каткин призывный. Чуть приподнялся на локте: по тропке трясся дядя Миша, большая голова в шлеме моталась на стариковской шее. Рядом, в коляске, подсакивала бабка Груша в таком же геройском шлеме. Бригадир подкатил на куда-нибудь, а прямехонько к Серегиной коряге-крокодилу. Опустив ногу, крикнул оглушенно:

— Катерина! Где он?
Бабка Груша подала слезный голос:
— Это я, дура старая, виновата! И чего мне в башку стукнуло? Прогнала кровиночку! От родимого дому! И куда ж он теперь один-то? Вон вода-то какая страшная!

«Вона как,— зашмыгал Серега носом, и кусты перед ним заколебались, подернулись сизым туманом.— Кровиночка...» Подобрался поближе, чтобы не пропустить слово, и услышал от бригадира совсем уж неожиданное:

— Жалко парня-то...
— А как же,— прошептал Серега, ему в самом деле было очень жалко и себя, и бабку, и даже ругачего бригадира, который что знал в жизни-то— работу, да заботу, да Серегины штуки. Ему бы на пенсию по шаткому здоровью— нет, связался с чертоломом! Так размышлял Серега, поглядывая сквозь густые кусты на дядю Мишу, который сказал вдруг опять совсем не то:

— Он ведь добрый в общем-то... Только неудельный какой-то.
От волнения Серега шибко зашуршал кустами.
— Ой!— подпрыгнула бабка Груша.— Змеюка! А-ай, эт ты, Сергуша...

Получив неведомого «Сергушу», Серега выбрался на волю— весь, вместе с чемоданом, в паутине, с озелененными коленками.
— Вот,— басом сказал он и уронил голову.
— Здравствуй!— без усмешки ответил дядя Миша и тут же не вытерпел, забурчал:— Нагулялся, да? Может, домой пойдешь? Старая обыскалась тебя, чер...

— Ну и будет!— влезла меж ними бабка Груша, деловитая и порозовевшая. Схватила Серегин чемодан, погладила воровато Серегу по плечу.— Точно, ноги исколотила исквашито.
«Исколотила,— мягко поглядывал Серега.— На мотоцикле-то...»

— Ладно,— сказал бабке.— Поезжай, я скоро.
Бабка в каске нырнула в коляску, положила на колени чемодан и вдруг испугалась:

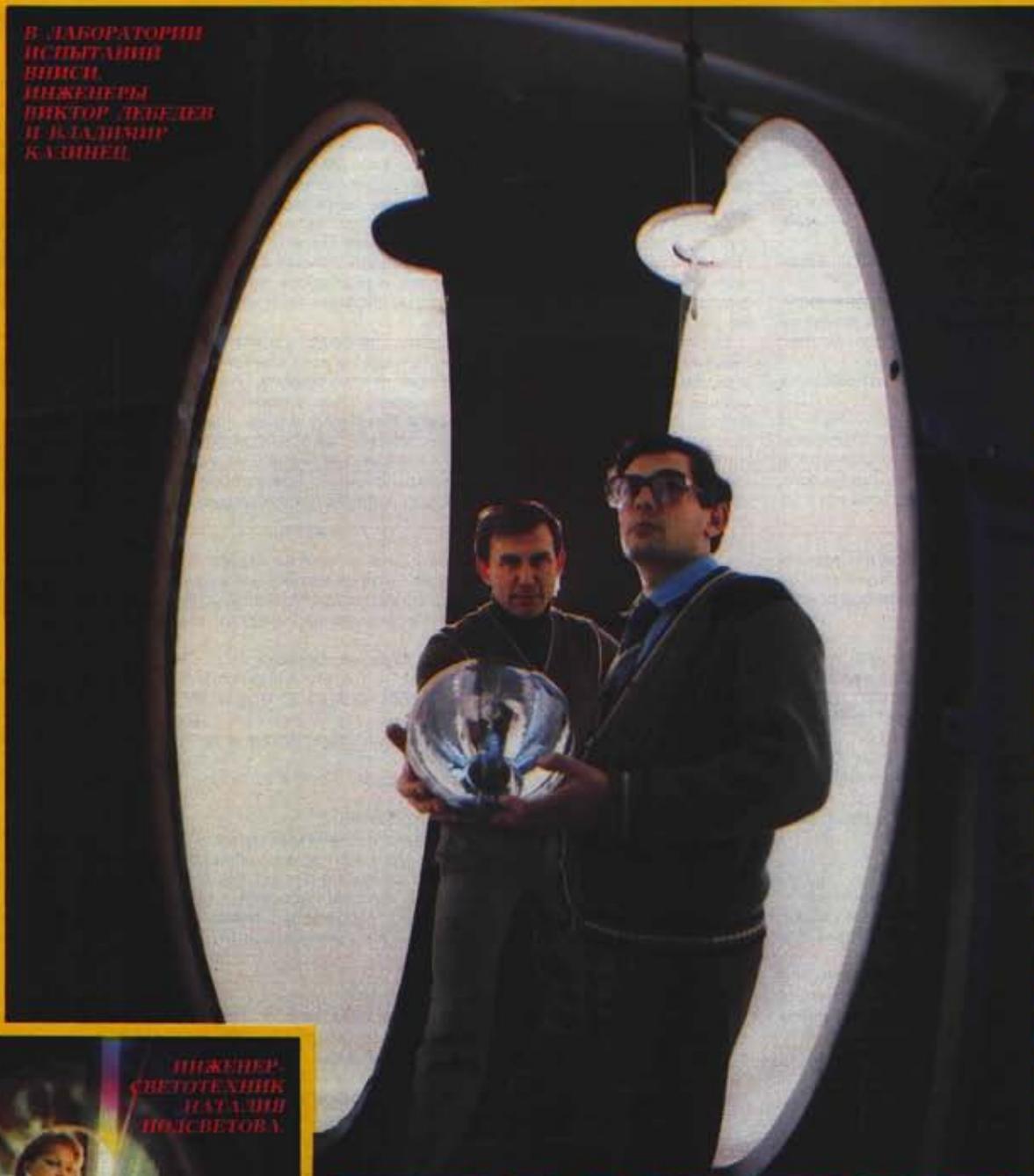
— А ты?
— А мы за вами!— подала голосок Катя, и был он такой чистый, звонкий, незапыленный, что бабка Груша собрала все свои морщинки и показала оставшиеся зубы, а дядя Миша, оседлав конька, только махнул рукою.
Шагая к деревне, Серега все поглядывал на Катю, все похмыкивал.

— Ты чего?— не подняла она головы, смотрела под ноги.
Серега хотел рассказать про кучерявого плешачка, да застеснялся что-то и промолчал. Катя благодарно взяла его за руку, хоть вчера еще Серега вырывался и шипел: «Чо как маленького?!»

У теплиц стоял Серегин колесник. Женщины смотрели на Серегу. Журавлем похаживал Вася-агроном, присаживался, тыкал рукою в грядку, и вид у него был очень озабоченный.
— Пойду!— покашлял Серега.— Надо ведь. День-то еще не окончен.
— Да!— радостно кивнула Катя и намылилась было идти вместе с ним. Парень сжал губы в полосу. «Нет!»— поняла и отступила Катя. Отбежав на два шага, махнула ему.

— Эй,— крикнул Серега, хоть Катя вот она, рядом.— Посажу я бабке березу-то! Катя тихо засомневалась:
— Не примется, Сереж.
— У меня примется! Да!

В ЛАБОРАТОРИИ
ИСПЫТАНИИ
ВНИСИ
ИНЖЕНЕРЫ
ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ
И ВЛАДИМИР
КАЗНЕЦ

в помещении было светло. Позднее Чиколев использовал свое изобретение для освещения театральной рампы, предложил массу других полезных способов применения световода, но поддержки не встретил. Не пришлось к тогдашнему двору его идея, оказалась преждевременной, хоть и уходила корнями в глубокое прошлое, к египетским фараонам... Еще тогда для освещения коридоров гробниц использовали систему зеркал. Первое, у входа, «передавало» дневной свет второму, второе — третьему и так далее. В итоге лучи солнца проникали в глубь, извилистого хода.

Конечно, говорить о применении такого способа освещения в наши дни несерьезно — слишком мал коэффициент полезного действия. Да и конструкция Чиколева, надо признать, страдала многими принципиальными недостатками. А сама идея? В руках ученых и инженеров Всесоюзного научно-исследовательского светотехнического института и Киевского отделения «Тяжпромэлектропроекта» она стала исходной для кардинально новых разработок.

Мы давно привыкли к самым разным трубопроводам. Транспортируем по ним газ, нефть, воду, даже руду и уголь. Теперь вот еще и свет. Правда, световод — это не просто труба. Поверхность его — тонкая зеркальная пленка на основе полиэтилентерефталата — легкая, прочная, достаточно термостойкая, не горит. Снизу (или сбоку) по всей длине — полупрозрачная «щель», сквозь которую и струится свет. А подают его в световод мощные лампы-светильники с металлогалогенной горелкой. Лампа, труба — вот практически и все так называемое комплексное осветительное устройство, предельно простое на сегодняшний взгляд, но ставшее эффективным лишь на определенном этапе научно-технического прогресса.

Эффективность у таких световодов (их называют целевыми) немалая. В павильоне «Электротехника» на ВДНХ СССР демонстрируется один из них — 36-метровый в длину, всего две лампы, а света от него столько, сколько дали бы многие десятки обычных светильников. В 1981 году начато серийное производство новых осветительных устройств для пожаро- и взрывоопасных помещений, куда закрыт вход электричеству. Применены они и в системе освещения станции московского метро «Серпуховская». Примеров практического использования труб-световодов уже сегодня множество. Они в 3,5—4 раза сокращают затраты материалов на производство светильников, позволяют значительно уменьшить стоимость электрических сетей. В недалеком будущем их сфера — крупные залы КБ, магазинов, вокзалов, аэропортов, подземные тоннели. Днем здесь в качестве источника света может выступать солнце, и лишь к вечеру требуется электричество. У исследователей ВНИСИ немало и других разработок, проектов, идей на этот счет. Их «время взлета» — сегодняшний день.

ИНЖЕНЕР-СВЕТОТЕХНИК
ПАВЕЛ
БОНДАРОВСКИЙ

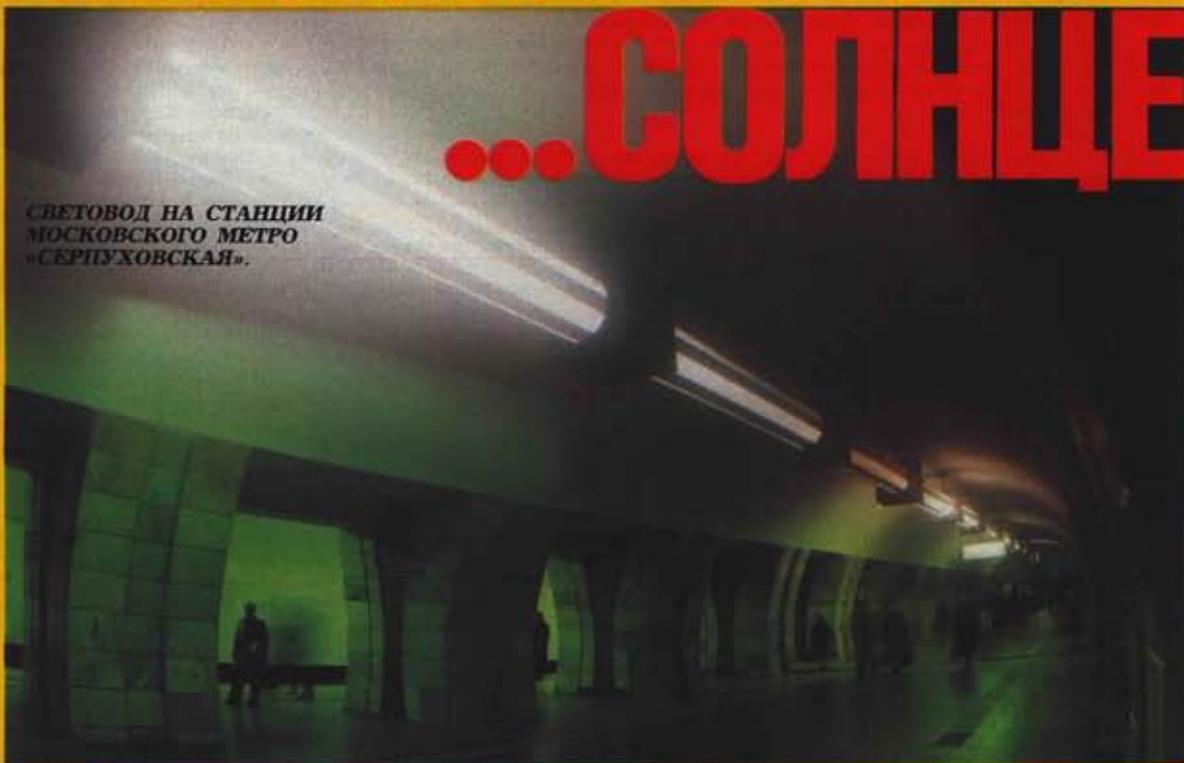
ТРАНСПОРТИРУЕМ ...СОЛНЦЕ

Павел БОНДАРОВСКИЙ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

В науке и технике такое бывало не раз: изобретение рождалось, делало первые робкие шаги и... надолго забывалось. Вспомним хотя бы изобретения Леонардо да Винчи, тот же его вертолет. Потребовалось несколько веков, прежде чем настало время ему взлететь. Так получилось и со световодом. Нет, не с той нитью из стекловолокна, без которой немислимы многие современные приборы, о которой сегодня знают буквально все из посвященных ей бесчисленных телепередач, статей, книг. Речь совсем о другом световоде — вошедшем в нашу жизнь недавно, хотя впервые заговорили о нем... более ста лет назад.

Тогда, в семидесятые годы прошлого века, русский электротехник Владимир Николаевич Чиколев смонтировал на Охтинском пороховом заводе свою установку, которая, как сам он позднее напишет, разделяла свет «одного сосредоточенного, сильного источника электрического света на множество мелких источников света при помощи собирательных стекол, призм, зеркал и труб с отражательной поверхностью». Почему именно на пороховом заводе? Да потому, что обычное электроосвещение могло вызвать там взрыв, пожар, световод же позволял разместить лампу в десятках метров от опасного участка, в буквальном смысле за стеной, и все равно

СВЕТОВОД НА СТАНЦИИ
МОСКОВСКОГО МЕТРО
«СЕРПУХОВСКАЯ».

Первый отечественный многоковшовый экскаватор был изготовлен здесь, на Дмитровском экскаваторном заводе, более полувека тому назад. Тогда освоение новой, очень нужной в строительстве техники позволило отказаться от закупки аналогичных машин за рубежом.

О сегодняшнем дне, перспективах и проблемах предприятия рассказывают рабочий и инженер.

ИДУТ ИСПЫТАНИЯ НОВОЙ ТЕХНИКИ.

РЕКОНСТРУКЦИОННАЯ

ТАКИЕ МОЩНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОТПРАВЛЯЕТ ЗАВОД МЕДИОРАТОРАМ.

Сергей СЕМЕНОВ, бригадир операторов станков с числовым программным управлением:

— У нас в бригаде шесть человек, все молодые парни. Работаем на один наряд, с оплатой по коэффициенту трудового участия, как и большинство заводских рабочих. Иной организации труда, не бригадной, уже и не представляем. Заводские старожилы

рассказывают, что, когда в цехе установили первые станки с числовым программным управлением, желающих работать на них почти не было. Пришлось ставить на новую технику в основном молодежь, совсем «зеленых» новичков. Теперь психологический барьер сломан. Но, когда мы вроде бы все отладили с бригадной формой, появились иные трудности. Раньше у нас всегда был

равномерный выпуск продукции по декадам. Года три назад начали «спотыкаться» в ритме. Нам говорят: главная причина — рост объемов производства. Делаем то же самое количество машин, а людей не прибавилось.

Вначале эта проблема решалась за счет создания бригад — обычных, а затем и сквозных. Бригады повышали производительность, обеспечивали качество, укрепляли порядок в цехах. Но теперь мы из бригад «выжали», если можно так сказать, почти все. Где еще искать резервы?

На мой взгляд, в новой технике и технологии. В реконструкции завод-то наш с конца того века работает.

О новой технике. Станки с ЧПУ выпускаются далеко не первый год. Но надежность их повышается медленно, особенно по электронной части. У нас в цехе стоят станки Рязанского станкостроительного завода, московских «Красный пролетарий», имени Серго Орджоникидзе. И даже к краснопролетарским — уж на что солидная фирма — случаются претензии по качеству.

Еще полбеда, если бы неполадки можно было быстро устранить. Но вот случай из практики. Отказал как-то один станок с ЧПУ. Вызвали наладчиков с завода-изготовителя. Те приехали, покопались в станке и объявили: «Вот этот блок сделан некачественно. Но его другой завод выпускает, туда и обращайтесь». Собрали свои инструменты и уехали.

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Этот эпизод и на другие мысли наводит. Отстаем мы от технического перевооружения и в смысле подготовки кадров. Я так думаю, более сложная техника, она и более высокого уровня обслуживания требует.

А что на деле? Высокопроизводительные станки часто простаивают — нет опытных специалистов по ремонту и обслуживанию электронных систем. Обычных электриков посылают на краткосрочные курсы — вот и вся подготовка. Весьма примитивная. Обеспечить надежную работу электроники они пока не могут. И так, насколько знаю, на многих предприятиях.

Эдуард ЧУКОВ, главный технолог:

— В прошлой пятилетке нам удалось решить основную проблему качества работы: с 1979 года завод не имеет рекламаций на свою продукцию. А продукция такова, что без нее в мелиорации как без рук. Да и вообще в строительстве. Невидная вроде работа — траншеи, коветы копать. А ведь и на полях, и на городских стройках инженерные коммуникации под землей идут. Дренажные трубы, водопровод, канализация...

Теперь стоит вопрос: как работать эффективней, ритмичней? Да и качество на одном уровне держать нельзя. Соглашусь с Сергеем Семеновым: не все зависит от бригад. Их резервы небеспредельны. В дополнение к ним необходима новая техника, технология. К 1990 году объем поставок для мелиораторов вырастет в два с половиной раза. И это без увеличения численности работающих, за счет коренного обновления технологических процессов, в том числе внедрения гибких автоматизированных производств, применения ЭВМ, робототехники и другого прогрессивного оборудования. Плюс совершенствование бригадных форм труда. Резко повысить уровень технологии на всех участках производства, внедрить комплексную автоматизацию и механизацию — такая стоит задача. Сейчас начата конструкторская и технологическая проработка этой задачи. Созданы творческие бригады из наиболее квалифицированных инженеров; в работу включены научно-исследовательские институты и конструкторские бюро.

Нынче на заводе в разгаре первый этап перевооружения — переход на станки с ЧПУ. Но это полдела. Второй этап — внедрение робототехнических комплексов; третий — гибких автоматизированных производств. Причем эти этапы не за горами: робототехнику мы начнем получать уже в следующем году. И на этом этапе может обостриться проблема высококвалифицированных кадров, о которой говорил бригадир Семенов. Верно, нельзя рассматривать техническое обновление в отрыве от подготовки рабочих, специалистов более высокого уровня.

Что предпринимает завод? Планируется уже в этом году организовать у нас филиал ВЗМИ (Всесоюзного заочного машиностроительного института). Кроме того, сформируем при заводе группы профтехучилища специально для подготовки операторов станков с ЧПУ и наладчиков сложной техники. Намечается постоянное и комплексное обучение руководящих кадров всех звеньев. В то же время мы отдаем себе отчет в том, что все это не полное и не кардинальное решение проблемы. Нужна централизованная подготовка специалистов нового типа в системе Госпрофобра, Министерства высшего и специального среднего образования, то есть в ПТУ, техникумах и институтах.

Другая проблема — хозяйственная: необходима широкая реконструкция завода, и в частности строительство нового цеха для гибкого автоматизированного производства. Но в полном объеме вопрос о реконструкции не решается, хотя разговоры о ней ведутся несколько лет. Завод внес свои предложения. Теперь многое зависит от Минстройдормаша.

Девчушка сидит, смотрит волчком: худая, изможденная, глаза лихорадочно блестя. До сих пор с ней случаются голодные обмороки. Ребята дразнят ее: «Обжора — три котла!»

— Аня, — говорит Светлана Николаевна как бы между прочим, — у меня к тебе просьба...

Аня отводит глаза в сторону. Она не верит директору. Она вообще мало верит взрослым.

— Позанимайся с моей дочерью математикой, — ровным тоном, уважительно продолжает Светлана Николаевна. Аня молчит.

— Договорились? — спрашивает Светлана Николаевна. Ни слова в ответ.

— Ну, хорошо, иди. Надумаешь — скажешь мне. Я буду ждать.

Аня встает со стула и быстро выходит из кабинета директора.

Некоторое время Светлана Николаевна Сидорчук задумчиво смотрит в окно. Осень. Над асфальтом кружатся пожухлые листья кленов и тополей. За оградой детдома — колхозные поля; картофель выкопан, свекла убрана, но в поле монотонно урчит и урчит трактор.

Никак не удается директору найти ключ к душе Ани. И от этого у нее плохо, беспокойно на сердце. Аня в детдоме второй год. И уже дважды сбежала отсюда. Анины родители живут в городе. Казалось бы, она их ненавидит, но упорно убегаёт из детдома. Сколько раз отец с матерью, еще до того, как их лишили родительских прав, надолго заперли девочку в подвале... Но Аня не пыталась ни стучать в дверь, ни кричать. Она впадала в какое-то странное оцепенение. Бывало, родители не кормили ее день, а то и два. Просто забывали про нее в угаре пьянства и разгула. Так у Ани начались голодные обмороки. Прежде чем попасть в детдом, она два месяца лежала в больнице, диагноз — хроническое истощение организма. Маленькие сестренка и брат Ани, которым не исполнилось еще трех лет, попали в Дом ребенка, Аня — в детдом. Именно к ним, а не к родителям сбежала Аня, о них у нее болела и страдала душа, она с рождения была им и за мать, и за няньку. Но всего этого еще не знала Светлана Николаевна, директор детдома. И вот мучительно искала путь к Аниной душе.

«Обжора — три котла...» Аня действительно ела за троих. Будто наверстывала то, что когда-то недоела у родителей. За завтраком, за обедом, за ужином Аня никак не могла насытиться едой. Больше всего любила хлеб и макароны с мясом. Ребята подсовывали ей свои порции: «На, ешь...» Делали это нарочно, чтобы потом безжалостно травить: «Обжора — три котла! Обжора — три котла!» Аня бледнела, глаза ее вспыхивали огнем ненависти и одновременно независимости, гордости: ни слова не говоря в ответ, она убежала куда-нибудь, пряталась. Сколько раз и Светлана Николаевна, и воспитатели разговаривали с ребятами — не помогало. Ребятам не по душе гордыня Ани, ее независимость, резкость. А до внутренних ее страданий им дела нет...

В кабинет без стука врывается Володя Захаров. Волосы черные как смоль, в глазах — огненные чертики. Кличка у него — Цыган.

— Стучаться надо, — говорит Светлана Николаевна.

Но Цыгану не до вежливости, не до светского этикета.

— Опять она меня не пускает к Серому! — кричит он, захлебываясь словами от волнения.

— Кто она? — стараясь успокоить его, ровным тоном спрашивает Светлана Николаевна.

— Будто не знаешь! — выпаливает он. — Мария Ивановна!

— А ты сейчас где должен быть? На уроках?

— У нас физрук заболел.

— Ладно, иди. Я поговорю с Марией Ивановной.

Смотрит недоверчиво:

— Да она вас не боится!

— А зачем меня бояться? — удивляется Светлана Николаевна. Но удивляется нарочно, она знает мнение ребят: директора должны бояться, иначе что это за директор?

— Она вас не боится, и плевать ей на ваши приказы! — провоцирует Вовка Светлану Николаевну: он хочет, чтобы она разозлилась на Марию Ивановну.

— Ладно, будет она тебя пускать к Серому. Иди.

Захаров закрывает дверь без особой охоты, без веры в обещание директора.

У Володи Захарова есть мать, но она давно отказалась от сына. Воспитывала его одна, пила, гуляла. Вдруг вышла замуж — новому мужу чужой ребенок не нужен. И вот мать отказалась от сына. Цыган без ненависти не мог вспоминать ее. Сбежал не один раз из детдома — искал родственников. Родственники не находились. Один раз оказался у цыган. Бродяжничал с ними год. Полубил лошадей. И теперь жить без них не может. В детдоме есть свой мерин — Серый. Но Мария Ивановна, конюха, с неохотой подпускает к нему Цыгана — боится, угонит мерина.

Светлана Николаевна выходит из кабинета. В детдоме сейчас тишина. Все ребята в школе, на уроках. Здания школы и детдома примыкают друг к другу. Можно сказать, они одно целое. С одной лишь разницей: после занятий половина школьников разбегается по своим домам, а ее воспитанники идут в детдом. Ведь далеко не все ребята именно так относятся к детдому, в котором проходит все их детство...

Скотный двор находится чуть в стороне от детдома, ближе к полям. Кроме Серого, в хозяйстве Марии Ивановны — с десяток свиней. Тринадцать лет Мария Ивановна в детдоме и за конюхою, и за скотником, пережила шесть директоров, никого не боится, характера резкого, своенравного, порой даже скандального, однако одна черта извиняет в ней все: она предана животным, боготворит их. Свинина в детдоме всегда своя, а Серый (до него была Аггала, мать Серого, а до нее — Игорек, дед Серого) ухаживает и выхленен, как царский конь. Оттого Мария Ивановна и не подпускает ребят к нему, что боится, чего-нибудь натворят еще. А конь в детдомовском хозяйстве ох как нужен: весной и осенью — пахать землю, в остальное время — как тягловая сила. Разве машина заменит Серого, особенно на бездорожье? Хотя, надо сказать, есть в детдоме и грузовик — без него, когда нужно, до районного центра не добраться.

Мария Ивановна встречает директора хмуро, настороженно. Она предчувствует, зачем пришла Светлана Николаевна.

— И не подплывай к Серому, даже и не проси! — начинает она с ходу.

— Пропадет парень, — говорит Светлана Николаевна как можно дружелюбней. — Сбежит, скитаться начнет. Пропадет...

— А что Серый пропадет — это тебя не волнует.

— Слушай, Мария Ивановна, скажи честно: он понимает в лошадях или нет?

— Ну, понимает. А обходиться с Серым он может?

— Мария Ивановна, давай сделаем так: назначим тебе Захарова в помощники.

— Ага, — хохотнула Мария Ивановна, — доверь коня Цыгану. Он его гоп — и угнал. А кто отвечать?

— Не угонит. А если угонит, я буду отвечать. Он мне слово дал.

— Таких-то, как ты, я, знаешь, сколько пережила? Только ты пришла, тебя бац — и по шапке. Ох, повидала я директоров на своем веку... Где они теперь?

— Ну, Мария Ивановна, я надолго. Не обижайся, но я надолго.

— Все вы сначала надолго. Вон Мит-

рофановна... сто лет тут царствовать хотела.

— То Митрофановна, а то...

— А все ж завхоза она в руках держала. Прихожу к нему сегодня: дай вилы. Не дает. Дай лопату. Не дает. Я что, должна ему в пояс кланяться?

— Даст. Я скажу. Так как насчет Захарова?

— А если угонит Серого?

— Не угонит. Ручаюсь за него.

— Ладно, — вздохнула Мария Ивановна. — Пусть приходит. Поглядим, какая такая в нем цыганская кровь...

За складом — легок на помине — показывается тучная фигура завхоза Марселя Петровича Горизо. Однако, как только Марсель Петрович видит директора, он тут же исчезает, будто сквозь землю проваливается.

Светлана Николаевна с завхозом конфликтует. По справедливости, давно пора его уволить, да вот проблема — не кем заменить. Никто не хочет идти на эту должность. У Марселя Петровича одна особенность: все, что нужно для детдома, из него не выколотишь, а «сплавить» что-либо налево — это он всегда пожалуйста. С бывшим директором эти «делишки» они проворачивали вдвоем; Елена Митрофановна не гнушалась даже тем, что списывала совер-

Георгий БАЖЕНОВ

шенно новое постельное белье: новое — себе, старое — детям. Будь воля Светланы Николаевны, она бы и Митрофановну, и Марселя Петровича — всех под суд отдала. Она потому и согласилась принять этот детдом в Брянской области, что почувствовала в себе страшную обиду за ребят: как же так получается?! Ведь не кого-нибудь, а сирот и обездоленных обижают, обманывают, а потом их же еще и воспитывают. С какой душой? С какой совестью? В то время она работала в школе — преподавала русский язык и литературу, и когда услышала всю эту историю про детдом... Нет, тогда она еще не подумала: хочу работать в детдоме, ей просто больно и совестно стало за взрослых, которые могут допускать такое... Имело значение и то (может быть, решающее), что ее муж Дмитрий — тоже бывший детдомовец. Когда впоследствии оба они, муж и жена, стали работать учителями в деревне, где школа и детдом стояли бок о бок, Светлана Николаевна не могла без сострадания смотреть на детдомовских ребят: ей все казалось, что среди них она видит маленького Диму, своего мужа, что когда-то вот так же он жил без матери и отца, напряженный в отношениях со взрослыми, нелюдимый, недоверчивый на ласку, на доброе слово, и у нее в душе росло чувство невольной вины перед этими мальчишками и девочками. Детдомовцы учились вместе с обычными ребятами, это была их родная школа, и все же в каждом классе, где она преподавала и где вперемешку сидели и те, и другие ребята, можно было безошибочно определить, кто детдомовец, а кто из-под родительского крыла. У детдомовцев иные глаза, иная реакция на одни и те же слова взрослого. Иная этика. Иные представления о добре и зле, о силе и

слабости, о честности и подлости. Откуда в ней возникло это мучительное, изнуряющее чувство вины перед ними? Иногда ей даже стыдно было своего тихого семейного счастья: вот у нее муж, дочь, квартира, работа, приносящая радость и удовлетворение, а рядом — детдом, мальчишки и девчонки, живущие без матерей и отцов, живущие какой-то непонятной для нее, обособленной и, как ей казалось, далеко не счастливой жизнью, — так как же она может быть спокойной, равнодушной, довольной собой в своей собственной, личной жизни? И когда однажды ее вызвали в рено и после долгого предварительного разговора предложили стать директором детдома, она сначала внутренне испугалась той ответственности, которая ляжет на ее плечи, а затем, подумав и взвесив, а главное, вспомнив свое постоянное чувство вины перед детдомовцами — откуда оно в ней, почему? — дала согласие, даже не посоветовавшись с Дмитрием.

И вот тут-то произошло непредвиденное. Оказалось, муж был категорически против, чтобы она работала директором детдома.

— Ты ничего не понимаешь в этой работе! — горячо говорил он. — Мало со-

моральный ущерб, который им нанесен жизнью, прежде всего собственными родителями. И это удается. Просторные, светлые здания, чистые комнаты, полноценное питание, библиотеки, спортзалы, комнаты отдыха, телевизоры, кино и прочее, нет только главного, что делает любого человека человеком, — участия детдомовца в трудовом, жизненно важном и жизненно необходимом процессе! Ты посмотри вокруг внимательней, хотя бы и в нашем поселке. Ребята, которые живут с родителями, трудятся в десять раз больше, чем детдомовцы. Они работают и у себя дома, и в огороде, и в поле, и в лесу, а как же — нужны и картошка, и сено для коровы, и дрова на зиму; а наши детдомовцы? Они живут на всем готовом! Кем же они должны вырасти и какими действительно вырастают? Не приспособленными к труду, не любящими труд. Отсюда многие вывихи в их дальнейшей жизни, отсюда столько изломанных судеб. Труд — вот главное, что должно стать воспитателем в детдоме.

— Да разве я не согласна с тобой? Этим я и хочу заняться прежде всего. Разговор этот возникал не раз, однако Светлана Николаевна дала согласие стать директором детдома.

Как раз в это время по всей стране

учителя, которые не справились со своими прежними обязанностями. Но если из человека не получается учитель, какой из него выйдет воспитатель? Воспитателей для детдомов, по его убеждению, нужно готовить в специальных учебных заведениях или хотя курсы какие-то открыть, что ли. Ведь им доверяют воспитывать не кого-нибудь, а детдомовцев, ребят с обостренным восприятием жизни, справедливости, добра, чести, а некоторые горе-воспитатели даже вникать в их жизнь не хотят. Не говоря уж о том, что им часто не хватает просто душевной теплоты, уравновешенности, таланта быть справедливым, чутким, отзывчивым, умения загораться ребятами идеями, воспринимать их беды и радости, как свои.

— Из тебя, мне кажется, получится настоящий воспитатель, — сказала тогда Светлана Николаевна мужу.

Получится ли? Он в этом сомневался и пока не давал своего согласия. А она ждала, особенно теперь, когда начался учебный год и нужно было уже на практике претворять в жизнь положения реформы... Ей очень нужны единомышленники, друзья по духу, по целям, по идеям...

Детдом у нее небольшой, всего 72 воспитанника, но все равно чувствуется острая нехватка кадров. До сих пор нет завуча, а ведь завуч — правая рука директора. В рено обещают-обещают, но так никого пока и не прислали. И воспитателей всего четыре человека, из которых две молоденькие учительницы (Наташа и Галя), только что окончившие педучилище. Никогда в жизни они не думали, что станут воспитательницами в детском доме, и мечта у них одна (это сразу чувствуется) — отработать два года, а потом бежать куда глаза глядят. Другой воспитатель — Сергей Львович, мужчина солидный, предпенсионного возраста, бывший школьный инспектор, тоже человек случайный в детдоме: поссорился с женой и укатил от нее доказывать, что может на старости лет прожить и один. Работает второй год, ребята его побаиваются, но всерьез не воспринимают: душа и думы его далеки от детдомовских забот. Единственная надежда директора — Елизавета Алексеевна, старенькая уже женщина, седая, с кругляшками очков на переносице, с добрыми проницательными глазами, вечно куда-то спешащая, энергичная, боевая, полностью отдающая себя ребятам. Светлана Николаевна улыбается, едва подумав о Елизавете Алексеевне. Специального образования у нее нет, да и вообще, кажется, она окончила когда-то всего семь классов, зато есть у Елизаветы Алексеевны педагогический талант, двадцатипятилетний опыт работы в детдоме, есть душа, которая живет одним — заботой и тревогой за ребят, за их жизнь, за их будущее. Вот и сегодня Елизавета Алексеевна уехала с утра в район — «выбивать» на заводе токарные станки для детдома.

Стук в дверь выводит Светлану Николаевну из размышлений. Входит муж. Она улыбается ему:

— Мог бы и не стучаться...

— А вдруг у тебя совещание... Ты, кстати, не забыла — пора обедать?

— А, да-да, пойдем.

Квартира их рядом, в пристройке детдома. Верней даже не квартира, а небольшая комната и кухня, расположенные в одном из крыльев детдома. В другом месте они жить не хотят — здесь Светлана Николаевна чувствует себя гораздо спокойней: в любую минуту, когда бы ни понадобилась, она вблизи от своих воспитанников.

— А ты знаешь, Дима, я сегодня совершила одно великое дело.

— И что это за великое дело у директора детдома?

— Уволила завхоза.

— Ну да? Поздравляю. Кто ж теперь будет за него?

— Ты сможешь найти.

— Где же я его тебе найду?

— Помнишь, ты говорил...

В это время во двор детдома с улицы въезжает тяжело груженная машина. В кабине рядом с шофером сидит весело улыбающаяся Елизавета Алексеевна.

— Ну вот, привезли, — говорит она, выпрыгивая, будто молодая, из кабины. — Теперь заживем...

— И сколько станков? — радуется вместе с ней Светлана Николаевна.

— Хо, милая, сколько! — смеется Елизавета Алексеевна. — Станков много — всего один. Зато настоящий, токарный, самой последней марки. Сгружать вот надо, он тяжеленный...

Рядом появляются две молоденькие воспитательницы, Наташа и Галя. Светлана Николаевна просит их позвать старшеклассников на подмогу.

— Давайте для начала вот сюда, под крышу, — командует Елизавета Алексеевна. — А потом уж в мастерскую...

Ребята со всех сторон обступают станок, обитый досками, заглядывают в щели — интересно ведь, что за станок, какой? Неужели они скоро будут сами работать на нем?

— Елизавета Алексеевна, пойдёмте к нам, — приглашает Светлана Николаевна. — Пообедаем вместе.

— Ох, милая, спасибо, не могу. Надо сначала в группу свою заглянуть — как они там...

Возбужденная, радостная Светлана Николаевна подхватывает мужа под руку и увлекает домой. Их встречает дочка — в кухонном фартуке, в чепчике, с поварешкой в руке:

— Сколько можно вас ждать? Все давно накрыто.

Когда все уселись за стол, в дверь кто-то тихо постучал. Светлана Николаевна встала, открыла дверь. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла Аня.

— А, это ты, — обрадовалась Светлана Николаевна. — Проходи.

— Я это... пришла сказать, Светлана Николаевна, я согласна.

— Позаниматься с Мариной?

— Ага, — кивает Аня головой.

— Вот и хорошо, спасибо тебе. Заходи.

Аня переступила через порог.

— Давай-ка разувайся, мой руки — и с нами за стол. Мы как раз обедаем. А потом сядете за уроки...

— Не-е, я сытая. Я не хочу, — замолчала головой Аня, лицо ее неожиданно побледнело и враз залилось пунцовою краской. Она сделала шаг назад, за порог.

— Куда ты? — не отпускала ее Светлана Николаевна. — Проходи, что ты...

— Нет, нет, я потом... я позже... — Аня спрыгнула с крыльца и убежала во двор. Расстроенная, Светлана Николаевна возвратилась в комнату.

— Аня Кузовкина приехала. Я ее попросила с Мариной позаниматься. Знаешь, хочется хоть как-то приласкать девочку. Я ей говорю: садись с нами, пообедай, а потом уж занимайтесь...

— Потому она и убежала, — ответил Дмитрий, — решила, что ты ее специально попросила приходить, чтоб подкармливать.

— И это не помешает, конечно.

— Все бы ты жалела... Так ведь и жалеть человеку надо тоже умеючи. Знаешь, посмотрел я на вас сегодня... когда станок выгружали... и жалко женщин стало. Как вы без мужиков ребят воспитывать собираетесь?

— Вот и шел бы к нам!

— Об этом я и подумал...

— Да ты что, Дима? Правда?

— Возьмешь воспитателем?

«И не только воспитателем... я бы тебя завучем с превеликим удовольствием взяла... Да мы с тобой, Дима, вдвоем-то... мы такие горы свернем...» Все это молнией пронеслось у нее в голове, а вслух она только и сказала:

— Дима! Неужели? Да я...

Она порывисто встала из-за стола, потянулась к мужу, и в это время чайная чашка опрокинулась и вдребезги разбилась об пол.

— Ничего, это к счастью, — сказала дочь.

БРЫЖИ СВЕТ

страдать, сочувствовать, надо прежде всего знать дело. А его ты не знаешь и не можешь знать. Это все только женские сантименты: ах, люблю детей, ах, как жалко их, не могу смотреть на сирот спокойно!.. Не сантименты нужны — нужен волевой, сильный человек, который бы перевернул жизнь в детдоме.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты только сравни: наши военные, послевоенные детдома — и нынешние, сегодняшние! Как мы жили? У нас ни у кого не было родителей, мы были плохо одеты и обуты, дрова для кухни пилили и кололи сами, и в мороз, и в проливной дождь воду бачками таскали из колодца. Представь себе десяти-одиннадцатилетних пацанов, которые тащат трехведерный бачок, через несколько шагов меняя руками. Что я хочу этим сказать? Нет, не то, что мы были лучше. У сегодняшних детдомовцев тоже нелегкая судьба. Но мы были детьми войны, мы должны были по-настоящему трудиться, чтобы вырасти полноценными людьми, а не только чтобы прокормить себя. А что сейчас? Сейчас у большинства детдомовцев есть родители, многие из них бросили своих детей, а многие лишили родительских прав из-за пьянства, разгула, тунеядства и так далее — и что в результате? В результате многие детдомовцы ненавидят своих матерей и отцов, замечь, живых матерей и отцов, затаили эту ненависть и злобу глубоко внутри, оцетинились. В нашем сиротстве не было виновных, кроме войны, а в их сиротстве виноваты в основном родители, и вот эту свою ненависть и неприязнь к родным они выливают на всех и вся. К чему я это говорю? Государство взяло на себя все заботы по воспитанию детдомовцев. Мы общими усилиями стараемся возместить

началось повсеместное обсуждение проекта школьной реформы. А затем была принята и сама реформа. В чем суть реформы, если говорить кратко? Как раз в том, чтобы труд стал основополагающим в воспитании и обучении школьников. В том числе, конечно, и воспитанников детдомов.

...Та весна выдалась в Москве слякотной, затяжной. Но ничто не могло омрачить радостного настроения Светланы Николаевны. Столько нового и важного услышала она для себя здесь, на республиканском совещании директоров детских домов. Речь шла именно о трудовом воспитании детдомовцев. И одна из главных мыслей совещания: каждый детдом должен завести подсобное хозяйство. Кроме того, нужно как можно шире и эффективнее внедрять в детских домах систему самообслуживания.

— Вспомнили наконец-то Макаренко, — с удовлетворением сказал ей дома муж. — А то будто и не было его... Мы, детдомовцы послевоенной поры, учились и трудились по-макаренковски...

— А знаешь, какое у меня предложение? — загадочно произнесла Светлана Николаевна. — Переходи ко мне в детдом воспитателем. А?

— Сразу берешь быка за рога?

— Жизнь детдомовскую ты знаешь лучше других. Психологию ребят тоже хорошо чувствуешь. Заведем подсобное хозяйство. Откроем мастерские. Вот и сбудется твоя мечта — учить и воспитывать ребят трудом, а не одними словами.

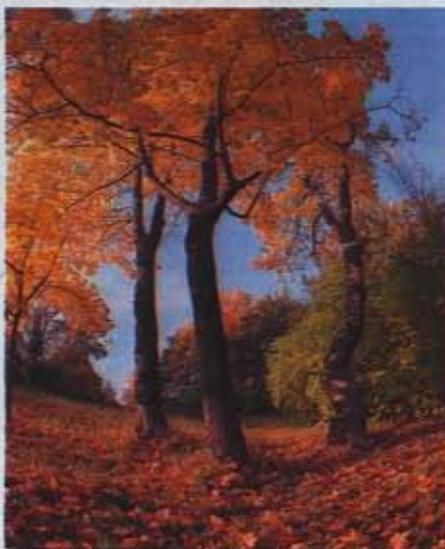
— Какой там из меня воспитатель...

Об этом, о воспитателях они тоже часто вели разговоры, а то и споры. Дмитрий никак не мог примириться с тем, что воспитателями в детдома идут случайные люди. В основном бывшие

ГЛАВНЫЙ КОРПУС ДВОРЦА.

И ЕЩЕ ОДНА ОСЕНЬ...
ДВОРЦОВАЯ СТОЛОВАЯ.
САДОВЫЙ ПАВИЛЬОН.

Павел Петрович брал чуть-чуть — он нюхал.

Способность извлекать запахи наследник престола полагал главной чертой своей гениальности. Он нюхал все — немецкие сосиски и камергеров, солдатские булочки и фрейлин императрицы, голландские тюльпаны и уши любезного друга Аракчеева. Запах давал ощущение жизни более верное, чем размышление и наблюдательность. Понюхав Аракчеева, он открыл ему карьеру.

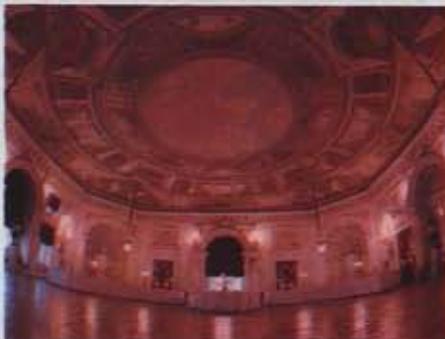
Сейчас Павел Петрович нюхал чертежи; они пахли китайской тушью. В запахах он был дока, но чертежей не разумел. Железное слово «чертеж» ему нравилось — в нем был порядок. От чертежей, которые он нюхал теперь, осталось только слово, и потому он был уверен, что матушка подслунала ему архитектора, который спятил.

Камерон спятил, в этом Павел Петрович не сомневался; его чертежи не походили на другие — в них не было порядка. Фантазия архитектора превращала плоскость в пространство, пугавшее простором, как и империя, которой Павел втайне боялся. Перо и кисть же подчинялись уставу — это

было подозрительно. Чертежи пели безумством линий в непонятной дымке. Павел Петрович не любил ничего непонятного — он был наследник престола.

И потому, что он был будущий император, ему казалось, что его водят за нос, которого, как он сам объявил, у него не было. Со вкусом ему так же не повезло, как и с носом. — он почти отсутствовал. «Достоинство венценосца не в оном пребывает, сударики!» Павел Петрович был прав. Чтобы сделать турка из Кутаиса, лакея, бродягу и дворцового сводника графом Иваном Павловичем Кутайсовым, вкусу быть не должно. Тут надобен порядок.

В Камероновых чертежах был вкус, но порядок отсутствовал. В них пели страсть и вдохновение, пахнувшие потемкинским духом. Он с тоской вспомнил любезную его сердцу военно-крепостную Гатчину — в ней был сладкий запах строевого марша. Воспоминания о Гатчине успокоили наследника, но они были кратки. Чертежи Камерона пахли изменой. Назревал гнев, который при дворе называли «большим»; стройные адъютанты изламывались от него, как складной аршин.

«А ТАМ У БАШНИ МОСТ, ОТВАЖНОЮ ДУГОЙ
РЕКУ ПЕРЕСКОЧИВ, НА ЗЫБИ ВОД БЕЛБЕТ...»

ПОСВЯЩЕНИЕ
ПРОШЛОГО.

Павел Петрович тяжело дышал. Он стягивал парик на лоб, скрывая длинную, ползущую в гору лысину. Жирная пудра оставляла следы пальцев на певших свободно линиях. Но эта мелодия совсем не пахла военными маршами. А военный запах был самый лучший. Он уверовал в это еще младенцем, когда для него придумали азбуку, где буквы изображались солдатиками.

«Большой гнев» готов был прорваться, но наследник сдерживал его, потому что с матушкиным подарком пришло время что-то делать.

Подарок был царский. Екатерина признавалась, что «несравненно более любит мальчиков, чем девочек». Единственным исключением был собственный ее сын. Она не любила его, как может не любить престолодержательница неугодного себе продолжения. Тем сильнее сказала радость, когда у наследника появился следующий — Александр, ее внук. И так сильна была радость, что, сочтя младенца принадлежностью империи, государыня отняла его

от родителей, припрятав под собственным кровом. Но государыня чла справедливость, и взамен царственного младенца привалило наследнику от матушкиных щедрот триста шестьдесят десятин земли — с лесом, с дикой болотной порослью по берегам чистой речки Славянки и с отменным обзорным холмом над нею. Охотничьи дворцовые уголья в пяти лишь верстах оказались от Царского Села. Не без умысла вышел подарок: с глаз подальше, но под присмотром.

И то правда: чтобы совсем без присмотра — не то дитя. Начал уж было Павел Петрович обстраивать холм над речкой военными потехами на прусский лад, да вовремя пресекла государыня игры великовозрастного наследника, присовокупив к одному царскому подарку другой — любимого своего зодчего Камерона.

Значилось уже за ним всемирное имя, в России обретенное, но начисто лишен он был любезной Павлу военной склонности. Тут обломать его теплилась все-таки надежда. А вот

загляни Павел Петрович в интимную матушкину переписку, аттестацией оного зодчего сражен был бы он начисто. Куда как страшно бы прочесть строки, писанные рукою самой российской императрицы: «Я завладела Камероном — шотландцем по рождению, якобинцем по профессии, великим рисовальщиком, который налитан изучением древних... Это — голова, и голова воспламеняющаяся».

Мы-то знаем — да что мы! — и современники поумнее знали уже эпистолярное кокетство Екатерины. Но Павел не унаследовал от матушки ее хитрости. А хитра она была ровно настолько, чтобы умные люди восхищались ее умением не мешать делать дело. Пользоваться умом и трудами подданных была она великий мастер. Без этого, впрочем, качества не усидеть бы ей на «похищенном» престоле, который пошел по рукам после Петра. Это было время, когда приехал Камерон в Россию.

Темперамент Петра погасал в оплошных его наследниках, Петергоф и

БЫЛЪ СТАРОВОГО ПАРКА

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Царское Село стали более памятниками уходящей жизни, чем ею самою. Страсти докипали в дворцовых альковах; на иное их не доставало. Каскады фонтанов и грандиозные проспекты обременяли уставшие от жизни вкусы. Венценосцам хотелось пасторалей, и нетронутая девственность природы, извилистая речка в пологих берегах становились эстетикой века. Пышные барокко в изобильной роскоши Растрелли распрямлялось в строгие покойные линии — как цветы после бурного ливня. Потянуло к забытому духу Эллады... Камерон приехал в Россию, когда в дикой этой стране перечитывали Плутарха и Гомера.

В Царском Селе успел он выказать себя зодчим, творениями которого восхищалась Европа, еще недавно отпугившая его в Россию в полном бесславии и не угадав в нем мастера всего, быть может, восемнадцатого столетия. В этом разделе Камерон участь своих предшественников, залученных волею и чутьем Петра в Россию и проявивших в новом отечестве genialность, так и не угаданную соотечественниками.

Но вот поразительная какая странность просит объяснения. Почему, приезжая в Россию по контракту, ограниченному временем, оставались они здесь до преклонных лет, а чаще и на всю жизнь? Щедры были русские монархи? Так ведь и европейские правители казны строительству не жалели. Дальше пойдут загадки посерьезнее. Чем объяснить, например, что приезжали они в чужую землю из просвещенных своих стран не обремененные национальными традициями? Почему кремлевские соборы, по проектам иностранцев построенные, отдаленно даже не напоминают ничего, созданного вне пределов России?

Почти мистическую эту загадку разгадывают вот уже третье столетие. Не знаю, тешил ли самолюбие иностранцев обилие родных им имен в истории русской архитектуры. Если так, от нас не убедит. Но скорее другое — противоположное — чувство поставить здесь нужно в строку. Быть может, как никакая иная страна, оказалась Россия примчива на таланты, которые в древних ее традициях и находили простор творческому своему мужанию. Русских же великих имен в историях иностранного зодчества припомнить мы при всем старании не можем. Не оттого ли, что достало им простора в собственном отечестве?..

Надеюсь, читатель не сочтет эти вопросы теме нашей излишними хотя бы уже потому, что помогут они объяснить дальнейший ход событий.

А события шли своим чередом — вопреки воле наследника. Он гневался. Откинув чертежи, Павел Петрович встал — короткое тело потонуло в глубоких ботфортах. Картина за окном бесила его своим беспорядком.

Над болотистым берегом Славянки стоял пар. Толпы мужиков, согнанных из окрестных деревень — в бараньих шапках на потных лбах, в рваных зипуниках, в длинных, потемневших на спинах холщовых рубахах с красными подмышками, — тянули тачки по шатким, хлюпающим в прогибе мосткам, перекинутым через ручьи и болотины.

«Обучить, и в строй!» — приказом подумал Павел Петрович. Но следующая мысль ужаснула его: хватят ли париков и мундиров, чтобы одеть всю империю? Более всего бесил Павла Петровича человек, распорядившийся этой толпой. Горбоносый, с прямой спиной, с массивным телом на крепких ногах, матушкин любимец не был военным, а необученные мужики повиновались ему, как командиру. Наследник с гневом взглянул на чертежи и рванул шторму...

Дарования и уверенности в себе Камерону не занимать. Но хотя дело только началось и до конца далеко, он знал: Павловск — подарок судьбы, о котором мечтать мог любой зодчий. Не нужно здесь было перестраивать или достраивать уже начатое, не было у него необходимости брать на себя двусмыс-

ленную роль соавтора предшественников. Камерон начинал с «чистого листа».

«Листом» этим была природа Павловска. Она и дала архитектурную идею, поразительную в гениальной своей простоте. Мастер угадал — почувствовал — внутренние силы самого пейзажа на отлогих, слегка всхолмленных берегах извилистой Славянки. Это был первый, но решивший все дальнейшее шаг.

Второй может показаться еще более рискованным: архитектурный свой замысел отдал Камерон в полную волю природы. Он решился на то, чтобы природа сама говорила, где, что и как строить. На возвышенностях он ставил павильон или памятник, в низкую излучину реки «вписывал» беседку с таким тончайшим расчетом, чтобы она не нарушала линий и форм пейзажа, но как бы вторила ему, вводя мотивом в звучащую мелодию природы. И природа откликнулась на идею зодчего, приняв его творения как собственную свою часть.

Сама по себе архитектура была превосходна — чувством пропорций, торжественной представительностью, интимным лиризмом или изящной монументальностью, — но при всем этом превосходстве нигде не споткнется взгляд о глыбу мрамора или гранита, нигде белзна колонн не забудет трепещущего зеленого сумрака пейзажа, легко и бережно тронутого теплом человеческого творения.

Это был союз человека и природы, беспримерный в гармонической своей завершенности.

Чертежи полетели на пол, жестко хрустнув на инкрустированных паркетах кабинета наследника. Прообразом любезной Гатчины чертежи Камерона не пахли — все было не по уставу. Начался новый прилив гнева: партикулярное не может быть гениальным! Химеры и вольномыслие!! Павел Петрович швырнул парик. Жирный пепел розовой пудры густо обсыпал зеркало малахитовой столешницы. Гнев переходил в бешенство, а каплю последнюю добавило появление великой княгини.

Не став еще императрицей, Мария Федоровна раздалась в формах, которых Павел Петрович не любил, потому что в этом тоже не было порядка. Он любил худую и быстро старевшую Нелидову. Но как третье лицо брачного союза фрейлина скрывалась в Смольном — унять гнев было некому. А Мария Федоровна явилась с вестью, которая не могла не взбесить: Камерон требует прислать мрамор непременно из Италии и непременно в кусках, в досках, в блоках и, наконец, в колоннах — для Итальянской залы.

— Мрамор?! Из Италии?! Этот наглец! Этот яковинец! Он смеет требовать!!

Лицо наследника пожелтело — гнев проник в печень. Стройные адъютанты переломились, как аршин. У Марии Федоровны тряслись руки, но в отличие от супруга она умела выбирать выражения. Особенно в письмах. Письмо к коменданту Павловска по поводу Камерона было готово: «Мы достаточно уже испытали, что кротость совершенно ни к чему с Камероном, но скажите ему напрямик, что его поведение несносно, и посоветуйте ему быть осторожнее, если он хочет, чтобы продолжали к нему обращаться».

Мария Федоровна удалась за ширмы, прохрустев платьем. Письмо было слабо — немецкая глядливость великой княгини его бесила. «Тут надобны батоги и Сибирь, сударики!» Зло звякнула шпора — носком ботфортов Павел Петрович отшвырнул ненавистный рулон бумаги. Он, он, черт возьми, хозяин Павловска!.. Но руки наследника коротки еще были для решительных действий. По счастью, матушка держала в узде воспаленное воображение будущего монарха. И как это ни странно, но, быть может, именно этой неприязни, семейной этой вражде обязаны мы тем, что творение великого зодчего не иска-

Борис РЯБУХИН

Астрахань

*Где разметали ветры в прах
Былую ханскую столицу,
Стоит мой город на буграх
И в зеркало реки глядится.
Здесь от учужных рыбаей
Идут рабочие династии.
У закопченных волгарей
В чести — молостное счастье.
Иная жизнь пришла сюда:
Разумнее, богаче, краше.
А та же волжская вода,
Да и польня степная та же.
Рябит в глазах от мачт и рей —
Гостей встречают здесь широко.
Для кораблей пяти морей
Стал порт — Воротами Востока.
Базары шумные пестры.
Арбузы крупные — горою.
Качают лодку осетры,
Набиты черною икрой.
Ерошит ветер камыши.
И тучами взлетают птицы.
Песок на отмелях шушит.
Польня на солнце золотится.
Степной орел несет дозор.
И, ветру вторя, суслик свищет.
На высохших губах озер
Соль выступает от жарыщи.
Дожди песчаные идут.
Штормит каспийская моряна...
И люди счастливо живут
Среди степного океана.*

Сад

*Заросшим был когда-то сад.
Лишь для меня в нем пели птицы.
За листопадом листопад
Рассыпал дней моих страницы.*

*Хоть в городской он был черте,
Где вознеслись до неба здания,
В его дремучей темноте
Таились сказки и преданья.*

*Но вот расчистили мой сад.
Цветы оградой окружили,
Поставили деревья в ряд
И вглубь дорожки проложили.*

*И, светлый, чистый, обжитой,
Мой сад все так же плодоносит...
Но жаль, что ветер золотой
Страницы дней моих уносит.*

Несем ее устои

*Поклонимся деревне в пояс.
Любой рабочий — из крестьян.
И та же честь, и та же совесть.
Деревня — в сердце россиян.
И всеу горевать не стоит,
Что с ней расстался навсегда.
Ведь мы несем ее устои
В свои большие города.
И тем народ российский прочен —
Что все мы от одних корней.
Труд и крестьянский, и рабочий,
И ратный — для земли своей.*

лено было солдафонским вкусом хозяина. Камерон успел.

Он продолжал строить, нарушая традиции. Он искал и находил пути, еще неизвестные. Над холмом подымались, отражаясь в водах Славянки, золотистые-белые стены дворца, и внимательный глаз мог быть уже поражен приемом, примененным здесь мастером.

Предшественники Камерона умели обрабатывать поверхность стен, отделявая и украшая плоскость. Он пошел дальше: ему хотелось выявить материальность стены, живую ее и объемную телесность. Окна в боковых фасадах дворца Камерон расположил в глубоких нишах — стена обрела мускулистую плоть. Для восемнадцатого столетия было это открытием, но истоки его мастер отыскал в памятниках древнерусской архитектуры — вспомнить должны были новгородские и псковские храмы. Но при внимательном взгляде, пожалуй, и глубже отыщем мы истоки — в деревянном русском зодчестве, где при возведении стен текстура дерева, его массивность и телесность не нарушались, не скрадывались наслоениями украшений, но выявлялись в полной мере, ибо сам по себе природный материал был прекрасен.

Внимательный взгляд в русскую древность помог, видимо, Камерону справиться и с еще более трудной задачей — связать круглый купол с кубическим объемом дворца. Скажем, кстати: в парижском Пантеоне знаменитый Суффло так и не преодолел ее — купол тяжело громоздится над сводом и стенами. Камерон нашел идеальные пропорции купола Павловского дворца: он сделал барабан широким и низким — как в древнерусских храмах, облегчив его при этом изящными колонками, которые и связали купол с колоннами портика. Дворец стал единым монолитом, с естественным подножием холма над рекой.

Итальянские мраморы, требование которых так взбесило Павла Петровича, были все же доставлены. Камерон приступил к созданию одного из своих шедевров — Итальянского зала.

Но автор этих строк не рискует взять на себя смелость пересказать то, что под силу только специалисту, и потому просит позволения на пространную цитату из труда тончайшего исследователя архитектуры Павловска академика Михаила Владимировича Алпатова.

«Итальянский зал в Павловске должен быть признан одним из замечательных примеров использования цвета и света в архитектуре. Благодаря верхнему источнику света он погружен в тот прозрачный полумрак, в котором предметы теряют резкую четкость своих очертаний, а камни — свою грубую материальность. Самые темные части — это пролеты второго яруса, самые светлые — это мраморные плиты пола; между этими противоположностями имеется множество промежуточных оттенков. Единству освещения соответствует единство тона темно-пурпурного мрамора в сочетании с серо-стальными и нежно-розоватыми плитками... Кое-где на стенах поблескивает скупо положенное золото, но оно нигде не сверкает так ослепительно, как у Растрелли. Недаром и все настроение этого зала совсем иное: у Растрелли царит шумная, чуть грубоватая веселость, архитектура Камерона погружает человека в тихую, сосредоточенную задумчивость».

Тихая эта, сосредоточенная задумчивость, очаровывающая не одно уже поколение, не была, конечно, стихией хозяина Павловского дворца. Зная его характер (если назвать можно характером необузданное бешенство солдафона), легко предположить, что произошло в его апартаментах в то самое время, когда мы его там оставили.

Будем, впрочем, справедливы: Павел Петрович любил тишину — на свой, правда, лад. Он издал даже указ, в котором прямо говорилось о том, «чтобы во время высочайшего присутствия в городе не было ни от кого произносимо свистов, криков и не дельных разговоров». Однако и такая тишина не давала наследнику полного успокоения, ибо за малейшее ее нарушение сажали под арест, а гауптвахты Павловска и без того были переполнены.

Успокоил Павла Петровича адъютант, доложивший его высочеству, что в окрестностях Павловска объявились разбойники. Это была радость — отличный повод испросить у матушки позволения стянуть войска. Без присутствия должного количества оных наследник не мог полагать себя счастливым. Трех батальонов, расквартированных уже в Павловске, к великому его счастью, теперь оказалось мало. Хотя личная армия наследника заключала в себе все — вплоть до конной артилле-

Одна плоть

Я ощущаю, мама, жизнь твою,
В разлуке чувствую твои тревоги.
Ведь я из той же плоти состою,
Одни и те же нас питают соки.

У сына моего такой же нрав.
Я самочувствием его пронизан.
В семье, как в дереве, любой сустав
Живет одним, единым организмом.

Единая семья — весь мой народ,
Землю и судьбою породненный.
И дни его побед и дни невзгод
Я с чуткостью встречаю обостренной.

Закон сохранения счастья

Говорим, что желаньем горим,
Но, как листья, сгорают желанья.
И сбивает дыхание дым,
И туманятся взор и сознание.

Отчего на душе не светло —
Не ропщи ты на жребий за это.
Видно, время еще не пришло
Озарения внутренним светом.

Только не уставай от борьбы.
Распогодится все же ненастье.
И на все перемены судьбы
Есть закон сохранения счастья.

Мои скворцы

Мои скворцы
к зиме не улетели —
Почуяли,
что стуже не бывать.
Глаза твои осенние
теплели,
Меня с тобой
манили зимовать.

Скворцы
Всю зиму над окошком пели...
Но к югу путь
уж больше не нашли.
Волос
посеребрянные метели
Мои пути на волю
замели.

Набело

Налетела снежная стая,
Обжигает холод нутро.
Как прошла пора золотая —
Полюбил и я серебро.

Или белым черное стало?
Или даль светло раздалась?
Или жизнь началась сначала,
Только набело в этот раз?

И в лицо мне пахнула свежесть.
Я почувствовал жизнь острой,
Молодого духа мягкость
И возможность судьбы своей.

рии! — рода войск, он, с благословения матушки, сквозь пальцы смотревшей на эти игры, приказал вызвать еще батальон пехоты и эскадрон кирасир.

Так десяток беглых каторжников, объявившихся в окрестностях Павловска, осчастливил наследника. Говорю об этом серьезно, потому что, если когда и жил Павел Петрович полной жизнью, то разве в часы ежедневных учений. Разводы, смотры, тревоги, маневры и вахтпарады были его слабостью. Но более всего любил он учения. В этом занятии отводил Павел Петрович душу.

Наследник почитал себя великим военным реформатором. Правда, сам он нового не выдумал. Кумиром, которому он следовал и поклонялся всю жизнь, был прусский образец. В русской армии Павел отрицал все: и мундиры, которые Потемкин приспособил к климату и обычаям страны, и самые приемы войны, с помощью которых и вопреки прусскому уставу Румянцев и Суворов одерживали победы. Правда, сам будущий император никогда не нюхал пороха, предпочитая плац-парадное употребление войск. Но зато здесь стратегический его гений не знал себе равных.

Несчастные солдаты, затянутые в узкие мундиры, напудренные, с гамашами на ногах, в шляпах, слетающих с головы от легкого дуновения ветра, должны были подчиняться жестокому прусскому уставу. Даже приказы, издавна принятые в русской армии, Павел повелел заменить. Сиплым голосом, срывающимся на высоких нотах, кричал он на прусский манер: «Марш!» (хотя слово-то из французского было языка!), солдаты, привыкшие к русскому «ступай», не двигались с места. Брань и ругань были только началом высочайшего гнева, а шпицрутены не миновали и офицеров. Знаменитая команда «Справа рядами в Сибирь!» придет позже. Чуть позже станут павловские офицеры перед учением засовывать несколько сотенных за пазуху мундира, не ведая, в какую тумутаракань империи прямо с плаца сошлет их за малейшую оплошность бешеный властитель. Это будет потом, но очень скоро. А пока ничто не ускользало от глаз великого реформатора: обнюхивая по своей привычке прическу каждого солдата, он измерял длину кос, проверял качество и количество пудры в волосах... Мудрено ли, что наследником

еще возненавидел он острого на язычок Суворова с памятной и в отместку ему присказкой «Гудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец — природный русак»? И удивительно ли, что по воцарении Павла удалился Суворов в свое Кобринское, похоронил мундир со всеми орденами и подал в отставку?.. Впрочем, Павел не жалел о Суворове — он не верил в способности полководца (как, впрочем, и архитектора!), ничего не разумевшего в прусском уставе.

А в ежедневной муштре солдат на павловском плацу были у наследника славные помощники. Дезертировавший из армии Фридриха полковник Штейнвер, но отличавшийся особой ретивостью к плац-парадной службе, нашел при дворе Павла почетное себе место. Карьера любезного друга Аракчеева пошла в гору с павловских же учений. Аракчеева он любил, как сына, — был тот артиллерист, а к артиллерии имел Павел Петрович особую слабость.

В учениях пальбы ему не доставало. В Павловске приказано было палить из пушек: когда подавали наследнику на стол, когда садился он с семьей за стол и когда вставал из-за него. Между прочим сказать, сыну его, будущему Александру I, отцовские эти забавы стоили глухоты на левое ухо: неосторожно приблизился к стрелявшей пушке. Справедливо тут заметить, что учениями измучил наследник не только солдат и офицеров — пощады не было никому. И как не посочувствовать тому же Александру, который жаловался Аракчееву: «Завтра у нас маневр. Бог знает, как пойдет. Я хромым. В проклятой фальшивой тревоге помял опять ногу, и только что могу на лошади сидеть, а ходить спасу нет: и так я с постели на лошадь и с лошади на постель...» Сочувствуем, конечно, но родители, ваше высочество, не выбирают. А вот жаловаться Аракчееву вовсе не следовало: можно угодить и под арест. Наследник наследника не миновал, впрочем, и такого оборота событий...

Историческую эту рухлядь ворошим мы неспроста — для того только, чтобы читатель мог представить себе картину, ныне едва ли воображимую: все это ежедневно происходило в Павловске — в парке, красоте которого нет равных в мире.

Но рассказу о Павловском парке

должны предшествовать события в их исторической последовательности.

5 ноября 1796 года в три часа полудни уставший от учений Павел Петрович пил свой левантский кофе. Адъютант доложил о прибытии Николая Зубова. Павел Петрович побледнел: брат матушкина фаворита не мог предвещать доброго.

— Мы погибли, дорогая! — прошептал он на ухо Марии Федоровне. — Сколько их?..

— Они одни, ваше высочество... Павел Петрович перекрестился, вздохнул и вышел навстречу.

Бросившийся к нему Зубов упал на колени. Павел Петрович понял: свершилось. Столь долгому ожиданию конец. — Какое несчастье! Застану ли я еще ее в живых!..

Он поцеловал Зубова, Кутайсова, Марию Федоровну и потребовал лошадей. Но переживания его были так велики, что к воротам столицы он подъехал только в девятом часу вечера. Здесь он вышел из экипажа и, расчувствовавшись вконец, беседовал с Растопчиным о красоте ночи, о луне, и слезы его были неподдельны.

— Ваше высочество! — Растопчин схватил его руки. — Какая минута для вас!

— Подождите, мой друг, — Павел Петрович крепко обнял его. — Подождите. Я прожил сорок два года; бог был мне поддержкой; может быть, он даст мне силы и разума выдержать бремя, возлагаемое им на меня!

Бремя нового императора действительно было тяжким. Но куча дел, свалившихся вдруг, не позволяла раскопывать драгоценного монаршего времени на мелочи. В числе оных были и заботы о завершении Павловска.

Чтобы покончить с резиденцией, попортившей ему столько крови, он тотчас издал именной указ: «Село Павловское, которое предоставлено от нас в собственность ее императорского величества любезной супруге нашей, переименовываем мы городом». Но, прежде чем подписать указ и забыть о новом городе, император вспомнил о деле важнейшем: он отстранил Камерона от должности. Какова его участь? Оказавшись не у дел, великий зодчий вынужден был продавать свои книги. Утешаться мы можем лишь тем, что книги Камерона попали в руки крепостного архитектора Шереметева Павла Ивановича Аргунова, строителя Останкинского дворца в Москве. Но историческое наше утешение в том, что Камерон успел. Он успел завершить начатое — создать Павловский архитектурный ансамбль и приступить даже к разбивке парка... Но Павловский парк — создание другого великого мастера, повторившего во многом судьбу Камерона и, как и он, обретшего в России второе свое отечество.

Пьетро Гонзаго считали в Италии театральным декоратором далеко не из первых, к тому же прожектором, время которого в Европе еще не наступило. Оно наступило в России. Работа Гонзаго в театрах Москвы и Петербурга показала, что появился театральный художник, какого еще не знал мир. На этом посту застали его события, рассказанные чуть выше. Продолжением были следующие.

Осенью 1796 года годичный траур закрыл театры. Монарши похороны потребовали первого декоратора: Гонзаго оформлял траурную процессию и сочинял проект катафалка для Екатерины... Отбросим, однако, подробности, сказав только, что мастеру тотчас заказаны были декорации к празднествам по случаю коронации нового императора. Следов, впрочем, история нам здесь не оставила. Но она оставила нам Павловск с несравненным творением Гонзаго — его парком.

Идеи Гонзаго оказались сродни тем, что отстаивал Камерон в архитектуре Павловска. Он также почувствовал внутренние силы здешней природы и нераскрытые ее возможности. Но при всем несомненном, гениальном даже даровании Гонзаго столь блистатель-

ные результаты его трудов вряд ли кто-либо мог тогда предвидеть. Причины тому были, и весьма основательные.

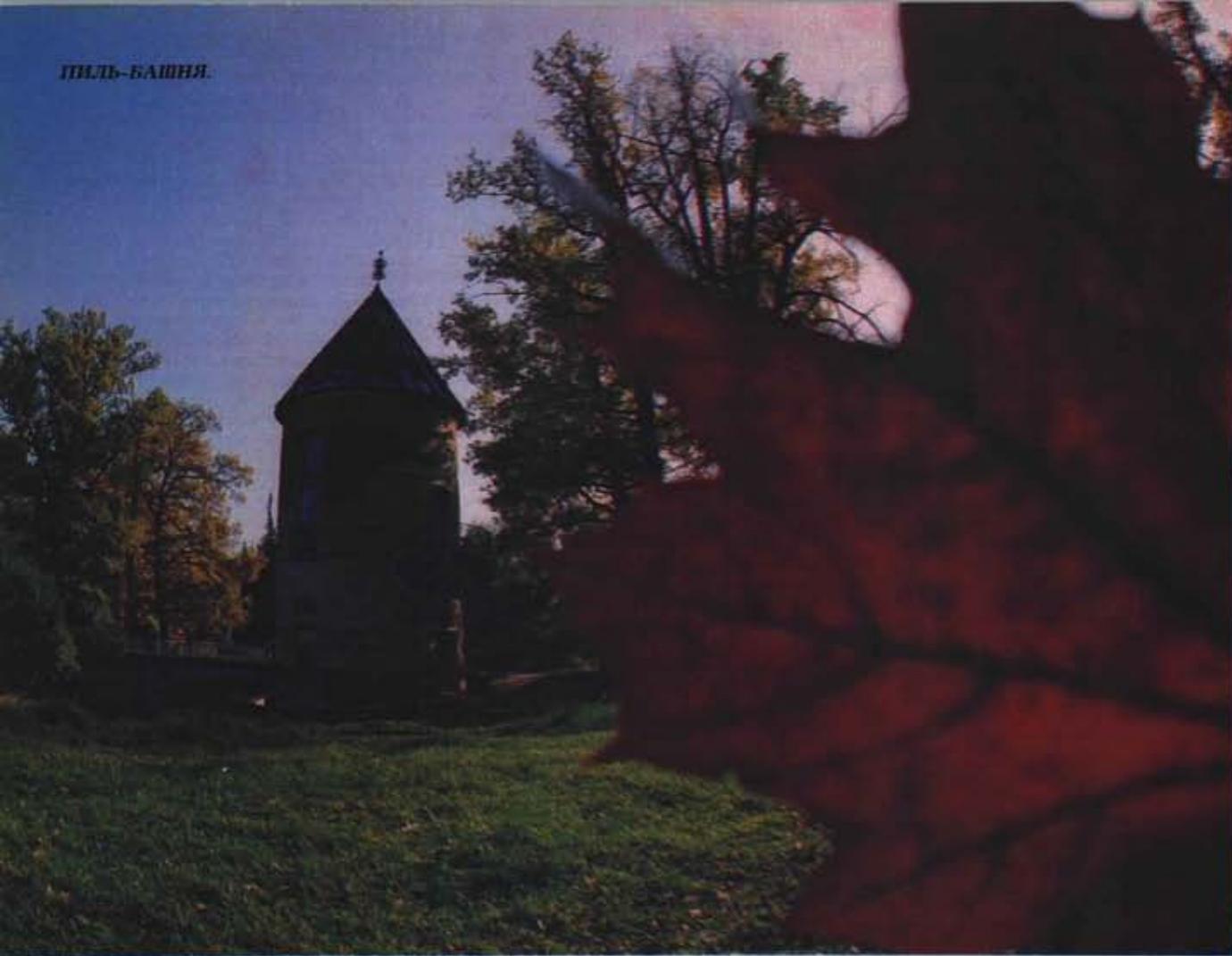
Павловск, с его сырой, заболоченной местностью, с преобладанием чернолесья, «немасштабностью», что ли, скажем прямо — не лучший ландшафт русской природы. Далеко ему до окских синих далей, береговых волжских круч, отраженных в излуках великой реки, до овражных подмосковных перелесков или костромских и архангельских боров, с прозрачным их сумраком и пряными запахами разнотравья. И тем поразительнее любовь художника к неприглядной этой местности, пленившей его, когда пришел он на берега Славянки.

Чем же иначе, как не любовью к природе, объяснить можно ту нежность, с которой приступил Гонзаго к многолетним своим трудам? Он не навязывал природе своей воли, не насиловал ее, подобно творцу Версальского парка знаменитому Ленотру, или как делали это создатели итальянских парков эпохи барокко, оттенок практицизма которых не могло скрыть отточенное до совершенства мастерство. Чужды были ему и приемы мастеров, заставлявших природу превзойти себя, добавляя экзотические или редкие растения в естественную ее плоть. Гонзаго творил, как тот великий скульптор, который брал глыбу мрамора и отсекал все лишнее. Он почти не занимался насаждениями в том смысле, как это было принято до него в паркостроительной практике. Говоря его словами, он только «изымал лишнее» и пролагал в диком массиве дороги, тропинки и просеки. Но делал это так, как подсказывала сама природа. А если говорить образно, природа сама по себе была «талантом», которому нужно дать «образование», и тогда она раскроет себя полностью. А сделать это мог, конечно, только великий мастер.

Кто-то из современников заметил, что, в отличие от своих предшественников и современников, Гонзаго пользуется не образцами, а образами. Замечание тонкое, и Павловский парк — лучшее тому подтверждение. Действительно, будущее создание представлялось Гонзаго законченным художественным образом, и как художник он искал ему композицию и колорит. Подсказала же их сама изученная до тонкостей местность: извилистое русло Славянки, мягкие очертания озер вокруг, как четкий и выверенный рисунок, «держат» всю гигантскую композицию парка. Но не только «композитором» — прирожденным живописцем был этот мастер, на палитре которого вместо красок — деревья. Исходя из них, ищет он колорит картины. И снова природа подсказывает ему единственно верный к совершенству путь.

В природе Павловска почувствовал Гонзаго две главные темы — березу и сосну. Это был лейтмотив. Дубы, клены, липы, осины вторили аккомпанементом. Но главная тема развивалась и во времени. Гонзаго взял за основу колорит наиболее выразительной здесь поры — весны и осени, но не статично, а в движении этих времен года. Весною сквозная зелень берез кажется особенно нежной и трепетной на фоне темной тяжелой хвои сосен. К осени парк медленно разгорается всеми оттенками золота; аккомпанемент дубов, кленов, лип и осин звучит рядом, добавляя мелодию силу и постепенно гася живым своим огнем темно-зеленую и как бы смолкающую хвою. Поздней осенью, когда ветер осыпает листву, тихо блекнет и потухает она у подножий деревьев, все сильнее звучит темно-хвойный голос сосен и одна мелодия переходит в другую. Но нежный переключ белоствольных берез рядом с золотисто-бурыми соснами продолжает тихо звучать до другой весны...

Надеюсь, читатель согласится, что с исторической точки зрения Павловск — счастливая случайность. Камерон успел сделать свое, пока хозяин Павловска не обрел еще высших прав, а

труд Гонзаго пришелся на время, когда, обремененный иными заботами, император не нашел еще досуга «курировать» его искусство. Не этому ли счастливому стечению обстоятельств обязаны мы тем, что владеем теперь одним из самых совершенных творений отечественной культуры? Подтверждение собственным впечатлениям найдем мы на страницах любой истории мирового искусства, где при всем обилии превосходных оценок нашего памятника особо подчеркнута главная его особенность — гармоническое единство ансамбля, его архитектуры и парка. И тут опять призовем на помощь слово крупнейшего нашего исследователя:

«Павловск принадлежит к числу тех редких мест, где здания и их убранство, статуи и картины, деревья и аллеи — все скроено по одному замыслу... Одна из причин притягательности Павловска заключается в том, что в нем ничего не режет глаза, не оскорбляет вкуса, все приведено к той внутренней связи с целым, которую принято называть гармонией... Прогулка по Павловску... захватывает как чтение увлекательной книги».

Согласен, не лезет как-то, скажем мягче, не вписывается в эту «книгу» облик самого дикого из российских государей. Но память истории сильна контрастами, и фон иногда говорит не менее красноречиво, чем сам объект исследования. Вместе с прекрасным, ставшим достоянием наших поколений, оставила нам история и горькие страницы. Читая их сегодня, с ужасом представляешь себе, сколько дров наломал бы владетель этой жемчужины русской культуры, о котором даже собственный сын говорил: «Мой отец объявил войну здравому смыслу с твердым намерением никогда не заключать мира». Не сомневаемся, что нашел бы Павел охотников переделать Павловск по образу и подобию своему. Случился бы уж под рукой ретивый фортификатор, поняв которого, владетель открыл бы ему карьер, отдав на откуп творение Камерона и Гонзаго... За примером ходить недалеко: мрачный Михайловский замок с крепостными его стенами, с подъемными мостами, карауль-

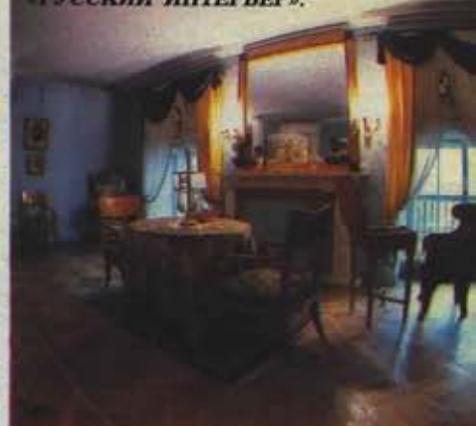
ГОЛОС МЫСЛИ
СЛЫШЕН В СЕВЕРНОМ

«ЧТО ШАГ,
ТО НОВАЯ В ГЛАЗАХ
МОИХ КАРТИНА...»

БРОНЗА
В ТРЕПЕТЕ
ЛИСТЫ

ЗАЛЫ ПОСТОЯННОЙ ВЫСТАВКИ
«РУССКИЙ ИНТЕРЬЕР».

нями и оградительными рвами — порождение бешеной его воли и дикого вкуса... Но четыре года, четыре месяца и четыре дня длилось скоропальительное это царствование. За сим произошло то, что на другой день отмечено было указом: «Судьбам всевышнего угодно было прекратить жизнь любезного родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом». Удар, правда, был тяжелой табакеркой в руках того самого Зубова, который недавно еще принес ему благую весть. Но это уже частности.

Подумаем лучше о другом. Любуясь сегодня и владея такими творениями нашей культуры, как Павловск, созданными часто вопреки злой воле и более чем неблагоприятным обстоятельствам, отдаем ли мы себе полный отчет в том, сколь велики заслуги их творцов на реальном историческом фоне? И не превосходят ли они потому привычных сегодня и пусть даже высоких оценок? Историческая память подвижна — она заставляет размышлять.

Владислав ЧИРКОВ

КРОВЬ ЗА ДОЛЛАРЫ

Еще не так давно, чтобы протолкнуть через конгресс предложения о новой порции военной помощи репрессивному сальвадорскому режиму, хозяину Белого дома приходилось доказывать, что в Сальвадоре наблюдается «прогресс в области прав человека». Поскольку продавать черное за белое — занятие утомительное, Рейган в конце концов наложил вето на законопроект, продлевавший обязательство администрации каждые полгода докладывать конгрессу о положении дел с «правами человека» в этой стране. Таким образом президент избавил себя от необходимости подкреплять свои декларации какими бы то ни было доказательствами.

Известие о рейгановском вето с ликованием было встречено правозащитными группировками в Сальвадоре. Как писала лондонская газета «Таймс», они «расценили его как признание того, что США никогда не бросят своего спутника, сколь бы сильно он ни заплятывал себя кровью».

Ободренные сальвадорские ультра продолжали проливать кровь ни в чем не повинных людей, рискуя испортить реноме своему покровителю. И тогда Рейган решил, что поможет режиму спасти лицо, выдавая черное за красное, а правое — за левое. Президент заявил, что убийства, приписываемые правым фракциям Сальвадора, на самом деле, мол, осуществляют левыми повстанцами, которые знают, что «в этом обвинят правое крыло».

Это «открытие» глава администрации адресовал группе американских школьников, на чьи вопросы он отвечал по телевидению.

Возможно, кто-то из неискушенных отроков и принял утверждение президента за чистую монету. Зато выдавшие виды журналисты сразу смекнули, что Рейган хватил через край. Корреспондент ЮПИ напомнил, что именно ультраправые «эскадроны смерти», тесно связанные с властями, несут ответственность за десятки тысяч политических убийств. А газета «Вашингтон пост» указывала, что своим заявлением Рейган «многое сделал для того, чтобы предоставить свободу действий убийцам-правым и избавить сальвадорские власти от необходимости принимать какие-то меры в связи с их деяниями».

Тема «Рейган и права человека в Сальвадоре» еще ждет своего исследователя. А также, возможно, следователя. Мы же возьмем на себя более скромный труд: представить некоторые факты и свидетельства относительно положения с вышеупомянутыми правами, а также с привилегиями власть имущих в столь милом президентскому сердцу царстве «горилл».

КАК КУПИТЬ ПРЕЗИДЕНТА

О том, как обеспечивается «согласие» тех, на кого распространяется власть сальвадорской олигархии, красноречиво говорят «выборы», устраиваемые время от времени в этой стране.

31 марта 1985 года состоялись выборы в законодательное собрание и местные органы власти. Сам по себе факт малоинтересный. Можно и не сообщать, кто и в каком округе победил. Вскоре афиши с именами законодателей выцвели на солнце и истлели. Народ начисто забыл своих «избранников». Только если кто-то из них уж очень откровенно начнет принимать подношения, то на его место втихомолку «изберут» другого.

Мало какой реакционный режим ныне обходится вовсе без демократического фасада. Несовременно это. Немодно.

В Сальвадоре, как и в Гватемале, Гондурасе, других странах с репрессивными режимами, люди в назначенный день идут на избирательный участок, опускают в урну бюллетени. Если избирательный участок в другом селении — доставят на автобусе. Иногда, правда, под конвоем солдат: участие в голосовании в некоторых из этих государств обязательно. И выбирать вроде бы есть из кого. На каждое место два, три, десять кандидатов — со-

искателей личного достатка при использовании государственного кармана.

Вот как проиллюстрировал избирательные права сальвадорцев профессор Клиффорд Уэрт из Нью-Гэмпширского университета (США): если жители той или иной деревни голосуют не так, «как нужно», их просто уничтожают, пишет он на страницах газеты «Крисчен сайенс монитор». Голосующие «как нужно» могут совершить несколько подходов к урне под разными именами. Накануне первого тура президентских выборов 1984 года усовестившиеся члены центральной избирательной комиссии сообщили о существовании более 130 тысяч фальшивых удостоверений личности.

В парламенте все честь по чести. Там постоянно заседают — с перерывами на пасху и рождество. Что-то там якобы обсуждают. Если, боже упаси, обсуждают какую-нибудь «крамолу», те, кто их туда пристроил, наводят порядок. Например, когда в соседнем Гондурасе депутаты заупрямились при обсуждении договора с США о предоставлении военной базы Пентагону, командующий вооруженными силами в сопровождении группы офицеров явился в конгресс, предусмотрительно окруженный солдатами, и быстро угомонил строптивцев. Гаитянский правитель Дювалье-младший в таких случаях попросту отправляет депутатов в бессрочный отпуск.

Выборы без выбора... Кого бы ни делегировали власти пререждающие в говорильню под названием «парламент», «конгресс», «ассамблея», народ будет по-прежнему лишен элементарных прав.

А каково же конкретное назначение сальвадорских, как и прочих подобных, выборов? Все просто, рейгановской администрации нужно придать тому или иному марионеточному режиму более respectable вид, чтобы продолжать оказывать ему военную помощь для продолжения политики геноцида.

Но, увы, от перемены фасада сумма украденного у народа не меняется, а террор остается террором.

Такой переменной фасада в Сальвадоре стало водворение в президентский дворец христианского демократа Хосе Наполеона Дуарте, которого США предпочли фашисту д'Обюссону, также рвавшемуся к власти. В канун президентских выборов 1984 года именно ему, Дуарте, из Соединенных Штатов направлялись доллары через так называемый «Национальный фонд в поддержку демократии», финансируемый администрацией Рейгана и тесно связанный с Центральным разведывательным управлением США. Представитель шпионского ведомства с гордостью заявил потом в сенатской комиссии по разведке: «Мы сделали все для этих выборов, разве что не сами опускали в урны избирательные бюллетени». Да и вообще эти выборы были не столько сальвадорской, сколько Вашингтонской затеей. «Окончательное решение о проведении выборов было принято Соединенными Штатами. Сальвадор не имел к нему никакого отношения», — цитировала лондонская газета «Санди таймс» высокопоставленного сальвадорского чиновника.

«Лучший президент, которого США могли купить за деньги» (оценка журнала «Нэйшн»), счастливо — для Вашингтона — сочетает два качества. С одной стороны, на берегах Потомака надеются, что «реформистская» риторика лидера христианских демократов — при сохранении его статуса пленника военщины — несколько облагородит облик режима. С другой — он поддерживает линию Вашингтона на силовое решение сальвадорского конфликта и выказывает готовность вести переговоры с повстанцами только в расчете на их капитуляцию (которую Фронт национального освобождения — ФНО, естественно, отвергает). А это значит, что сохраняется ставка на тотальный террор. Кстати, в прежние свое пребывание у власти (в 1980—1982 годах) христианские демократы проявили неожиданную для многих прivity в издании новых репрессивных декретов. В частности, с их легкой руки контроль над судебными органами был передан вооруженным силам, после чего аресты без предъявления обвинения и применение пыток распространились еще шире. Используя

собственный опыт, а также шествуя след в след за предыдущей марионеткой — Альваро Маганьей, Дуарте периодически продлевает осадное положение, лишая сальвадорцев всех основных прав и свобод. Можно ли ждать иного от человека, который однажды изрек: «Власть, которая не подавляет других, теряет престиж»?

Этой формуле Дуарте можно ответить словами Гильермо Унго, председателя Революционно-демократического фронта Сальвадора (РДФ) — политической организации повстанцев. Вот что он говорит: «Вооруженная власть, когда она незаконна, не укрепляет ни безопасность страны, ни безопасность этого полушария, а служит лишь интересам диктаторов... Вооруженная сила военных сеет лишь смерть и разрушение в Сальвадоре и неразбериху во всем регионе».

БАТАЛЬОН ИМЕНИ РЕЙГАНА

С правом на жизнь подопечные Вашингтона правятся множеством способов. Один из наиболее эффективных — испытанная Пентагоном еще во Вьетнаме тактика «выжженной земли». «Обычно мы используем зажигательные бомбы перед началом операции, — откровенничал перед журналистами воюя из 5-й пехотной бригады Сальвадора. — К тому времени, когда мы вступаем в зону боевых действий, все вокруг выжжено и подрывные элементы хорошо поджарены».

По характеру ран на теле жертв специалисты установили, что в Сальвадоре применяются напалм и белый фосфор. «Белый фосфор горит под водой, внутри тела, — говорит профессор биологии из США Мэтью Мизелсон. — Это жуткое оружие. Но когда горит напалм, температура еще выше. Соединенные Штаты располагают большими арсеналами зажигательного оружия еще со времени вьетнамской войны».

Руководят всем этим американские советники. Видимо, в знак признательности тому, кто их послал, обученный пентагоновскими инструкторами очередной новый батальон, вливающийся в состав войск марионеточного режима, был назван батальоном имени... Рональда Рейгана. Кстати, в боях в департаменте Морасан его вскоре основательно потрепали повстанцы.

Советники из США щедро делятся с сальвадорскими головорезами опытом ведения войны в Индокитае, в частности опытом создания «стратегических деревень», куда силой согоняют крестьян из районов боевых действий. Делается это с целью изолировать повстанцев от населения, лишить ФНО его поддержки. Командующий войсками режима в департаменте Чалатенанго полковник Сигфридо Очоа издал приказ об уничтожении любого человека, который осмелится нарушить распоряжение, запрещающее проживание или перемещение в пределах установленных им так называемых «зон свободного огня».

Спасаясь от озверевшей солдатни, около 400 тысяч крестьян покинули родной дом и двинулись в города.

Что ждет их там? Как и сотни тысяч их сограждан, по малейшему подозрению в сочувствии партизанам бандиты из «эскадронов смерти» могут схватить человека и изуродованный труп бросить прямо на улице.

После наступления комендантского часа бандиты из «эскадронов смерти» разъезжают по улицам в пуленепробиваемых фургонах. Иногда они надевают черную одежду и маски с надписью «эскадрон де ла муэрте» («эскадрон смерти») или просто «ЕМ» — латинская аббревиатура названия банд. Эти инициалы они иногда вырезают на телах своих жертв, чем и воспользовались правительственные карательные органы, чтобы замечать следы собственных преступлений. В полиции даже заготовили резиновую печать с буквами «ЕМ», чтобы ставить ее на лбу жертвы.

Впрочем, «эскадроны смерти» и правительственный репрессивный аппарат трудно разграничить. Ошибочно представление, будто «эскадроны смер-

К 70-летию
со дня рождения
К. М. Симонова

Уж какой громадой лет отодвинут и затолкнут в далекое прошлое сорок третий военный год, а вот всплыл, встал перед глазами, будто происходило все совсем недавно... Северо-Западный, бог и чертом проклятый фронт, весь в лесах, озерах, болотах, с ужасными гатевыми дорогами, с шалашиками, палатками и залитыми водой окопами... И Первое мая. Не по-праздничному пасмурный, холодноватый день, кое-где не растаявший еще снег, но больше всего воды... Усталые, хмурые бойцы тянутся из своих шалашиков к полянке, где на сбитом на скорую руку помостике должна выступать батальонная, собранная с бору по сосенке и тоже наскоро самодеятельность, в которой единственным «активным штыком» был бывший танкист, старшина Ваня Дубинин. Он и на баяне мог, и пел неплохо, и плясать умел. На него и была вся надежда.

И запомнился этот день потому, что мне, обладателю маленькой книжицы в синем переплете «К. Симонов. Стихотворения 1936—1942», довелось впервые прочесть стихи из этой книжки не в узком кругу, не двум-трем товарищам, а многим людям, причем в основном рядовым солдатам, к поэзии-то не очень приученным. И прочесть в час страшный, неимоверно тяжелый и значимый для всех — через день-два ждал нас бой... Уж не знаю, как я читал. Помню только, срывался голос, подступал ком к горлу, да еще аккомпанемент Дубинина, тихонько подыгрывавшего на баяне какой-то вальс, кажется, «Грусть», ломал и мял душу. А бойцы утирали глаза и просили читать еще и еще...

А перед этим, в еще более далеком тридцать девятом году, на Дальнем Востоке мой друг и однополчанин Илья Лапшин, студент литинститута, читал мне «монгольские» стихи Симонова. Ну, а для нас, дальневосточников, недавние события на Халхин-Голе были совсем рядом.

Но не знали мы тогда, что этот поэт пройдет через всю жизнь нашего поколения, что станет выразителем наших дум и чаяний в годы войны, что с тоненькой книжечкой в синем переплете издания сорок второго года прошагает мы по всем фронтовым дорогам, что будем в любую свободную минутку, на привалах, в госпитальных переписывать стихи из этой книжки, читать друг другу, цитировать в письмах родным и близким и что сколько раз эти стихи спускают нас в те страшные минуты, когда вдруг дрогнут наши мальчишеские сердца в унынии и страхе от всего того, что навалилось на нас. И спасали, потому как в них был такой высокий накал патриотических чувств и мужества, что они не могли не поднять ослабевший на миг дух наш и мы преодолевали себя, преодолевая вроде бы непреодолимое... Вот и в тот майский день сорок третьего года помогли нам симоновские строки, когда через трое суток приняли мы бой...

А впервые увидел я Константина Михайловича в году сорок шестом или седьмом, не помню уж точно, в Московском университете на его встрече со студентами. Зал был полон, и не без труда удалось мне

Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ

Обнаженная Правда войны

попасть на эту встречу, но увидеть человека, с которым были связаны предвоенные и фронтовые годы, мне было просто необходимо. Не буду уж говорить, что студенты восторженно принимали каждое стихотворение, бешено аплодировали, просили с места прочесть их любимые, Симонов выполнял просьбы и читал, читал... Прочел он, конечно, и «Ты помнишь, Алеша...».

И тут вдруг произошло нечто необыкновенное, возникло откуда-то очень ясное предчувствие, будто бы приоткрылась на миг завеса времени — вот с этим человеком, с которым я сейчас так внутренне связан настроением и чувствами этого военного стихотворения, я буду когда-нибудь знаком, может, даже близок и обязательно причастен к его делу — к русской литературе и что этот человек сыграет какую-то большую роль в моем будущем, очень туманном и неопределенном для меня тогда... И, как ни странно, произошло это. Через много, много лет, но про-

изошло. Поистине неисповедимы судьбы человеческие. Ведь пошла моя дорога по другому направлению, и все реже вспоминалось то удивительное предчувствие, но все же тлело где-то в глубине души, тлело неугасимым огоньком надежды, что рано или поздно должно случиться это. И случилось...

Случилось в семьдесят шестом году, когда редакция «Нового мира», где лежала рукопись «Сашки», посоветовала мне обратиться к Константину Михайловичу с просьбой прочесть повесть. Письмо, которым я сопроводил рукопись, написанное легко, на одном дыхании. Я приведу несколько фраз из него, чтоб показать непростоту положения, в которое я ставил Константина Михайловича:

«Рукопись, которую я Вам посылаю — «Сашкин немец», — первая из трех повестей о Сашке. Все три рекомендованы рецензентами «Нового мира» к публикации, но, как я понимаю, они оказались «трудными», слишком «суровыми», как выразились в отделе

прозы (словно война может быть иной?) — и дело застопорилось. Но по-другому я написать их не мог — было бы нечестно по отношению к «живым и мертвым», воевавшим подо Ржевом в сорок втором году. По-другому — было бы умаление их подвига. Ведь только долг памяти заставил меня взяться за эту работу. Война была одна, но воевали миллионы, и у каждого из этих миллионов была своя — особая, неповторимая и в чем-то отличная от войны других. Вот о такой «своей» и «Сашкиной» войне я и попытался рассказать... Ценя Ваше время, посылаю одну вещь из трех (45 стр.), но если эта работа заинтересует Вас, то незамедлительно вышлю и другие, при Вашем на то желании, конечно».

Послал и приготовился к долгому ожиданию, зная невероятную загруженность Константина Михайловича. Но совершенно неожиданно, буквально через несколько дней — телефонный звонок. Сразу же узнаю его голос, он говорит, что первая часть рукописи заинтересовала его и что он просит прислать остальное, добавив, что я могу послать не по почте, а привезти в его рабочий кабинет и передать секретарю Нине Павловне, и тут же дает свои телефоны.

И вот первая встреча... По телефонным разговорам я уже знал, что повесть в основном Константину Михайловичу понравилась, но все же шел с волнением и каким-то трепетным изумлением, что хоть и через тридцать лет, но исполняется то вроде бы нелепое, ни на чем не основанное предчувствие, охватившее меня на встрече в Московском университете. Я не боялся, что созданный книгами и стихами образ Симонова может как-то не совпасть с ним, живым, с которым я вот-вот встречу. Нет, казался он мне близким и в чем-то даже родным человеком, ведь во мне было все им написанное, и почти любое стихотворение из сборника «С тобой и без тебя» я мог процитировать наизусть.

К сожалению, я не записал тот первый разговор, о чем сегодня жалею очень, но смысл его помню, тем

более кое-что из него Константин Михайлович повторил в своем письме ко мне. Поэтому будет, наверно, лучше процитировать несколько фраз из этого письма:

«Еще раз с карандашом в руке прочел Вашего «Сашкиного немца». Читал с тем вниманием, которого требует и серьезность темы, и уровень художественного решения, и чувство ответственности за ее публикацию на страницах журнала...

...Вы взяли период горький и тяжкий, и места — одни из самых кровавых, и бои из числа самых неудачных и бесперспективных. Выбрали страницу войны едва ли не самую трудную для изображения. И я это приемлю. Но не приемлю целого ряда настойчивых, повторяющихся нажимов на самые больные места, где чувство меры и в этом варианте покидает Вас...

...Картина, Вами изображенная, настолько правдиво трудна, что не нужно вдобавок к ней драть и драть нервы; правда и без того тяжела, на грани невыносимости. И перешагивать эту грань Вам как художнику не следует и нет нужды...

...Все сказанное мною продиктовано единственным желанием — увидеть напечатанным на страницах журнала Ваш рассказ, столь дорогой мне в самом главном и решающем — в силе изображения той, вроде бы обыкновенной и вместе с тем незаурядной личности, которую Вы избрали главным героем.

Доброго пути Вашему Сашке, и не только в этом рассказе, а и в других».

В том разговоре, о котором я рассказываю, эти мысли, наверно, были высказаны другими словами. Помню, он говорил: «Вячеслав Леонидович, и так уж страшно, а вы все жмете и жмете...» Я ответил, что ничего особо страшного сам не вижу и что уж если по-честному, то было все гораздо страшнее...

«Предполагаю и верю вам. — сказал Константин Михайлович. — Но к такой обнаженной правде войны не привыкли, и я отчасти понимаю настороженность редакции, хотя то, что услышал я сейчас от кавалеров трех орденов «Славы», готовя для телевидения «Солдатские мемуары», особенно от пехотинцев, подтверждает, что война была много страшней, чем мы о ней пишем. Но есть все-таки мера художественной правды».

Мне подумалось тогда — и дальнейшие встречи это подтвердили, — что Константину Михайловичу для моей же пользы нужно было убедить меня в этой «мере художественной правды», а на самом деле он прекрасно понимал, что нужна подлинная и полная правда о войне, какой бы она ни была страшной.

Поинтересовался Константин Михайлович и моей военной биографией и жизнью послевоенной, спросил, почему же так поздно взялся за перо. На этот вопрос ответить я не сумел, да и сейчас даже для себя не могу найти однозначного ответа. Ведь сказать, что начал писать, когда не мог уже не писать, — мало. Порывы писать были и в пятидесятых годах, и в шестидесятых, но ничего не вышло, а почему получилось в семидесятых — не знаю. Рассказал я Константину Михайловичу и о том вечере в университете и о возникшем тогда предчувствии. Он улыбнулся: «А не придумали ли вы это задним числом, уж больно удивительно?» «Нет, не придумал, это-то и поразительно», — ответил я. Улыбка Константина Михайловича была доброй, но усталой.

Я ничего тогда не знал о его болезни, хотя он говорил, что «Сашку» читал в больнице, но я думал — обычная профилактика, и его несколько болезненный вид воспринял как переутомление.

Я довольно быстро выправил в рукописи то, что показалось Константину Михайловичу сомнительным, и отнес «Сашку» в редакцию. Там уже знали его мнение о повести, но намекнули, что было бы хорошо, если б Симонов написал к ней предисловие. Я сказал, что мне неудобно просить об этом Константина Михайловича, он и так много сделал. Договорились, что редакция сама попросит о предисловии. Послал я Симонову и исправленную рукопись. И наступило время ожидания... довольно мучительного для меня...

Думаю, что, говоря о таком человеке, как Симонов, не стоит умалчивать ни о чем, он сам любил правду. Я терпеливо ждал год. Из редакции звонили, спрашивались, не написал ли Симонов предисловие, мне приходилось отвечать, что нет. В феврале 76-го года я решился наконец написать Константину Михайловичу письмо. В частности, я писал, что «мне не хочется допускать и мысли, что по каким-то соображениям или причинам, мне неизвестным, Вам не очень хочется писать предисловие к «Сашке», и Вы, может быть, и бессознательно откладываете от себя это. Ваши слова, Ваше отношение к рукописи вполне убедили меня в Вашей заинтересованности и доброжелательности, да я и не предполагал другого. Но в «Новом мире», мне кажется, начинает складываться настороженное отношение к моим вещам — раз Вы медлите, вдруг это неспроста».

Я понимаю, что при бесконечной занятости и неохватности очередных дел очень трудно вырвать время для дела, в сущности, не горящего, трудно переключиться, сосредоточиться, обдумать... Я все это понимаю. Но время, Константин Михайлович,

время... Подкатывает же к шестидесяти и, возможно, впереди гораздо меньше, чем можно предположить, а успеть еще надо многое...

Мне очень неудобно звонить Нине Павловне и напоминать о себе. И вообще мне думается, что в тех взаимоотношениях, которые сложились у нас, не должна одна сторона находиться в положении просителя — это вряд ли приятно и Вам, не говоря уже обо мне. Тем более, как я писал Вам не раз, я уже не могу считать «ржевские тетради» только своим частным делом, а то бы не позволил себе обратиться к Вам. Константин Михайлович, убедительно прошу Вас прикинуть свое время и сделать то, что ждет от Вас редакция «Нового мира» и я. Думаю, и Вам станет легче, когда свалится с плеч хоть одно из многочисленных Ваших дел...»

Это письмо казалось мне тогда очень дерзким, я шел, как говорится, «ва-банк», но привел я его, разумеется, не для того, чтоб продемонстрировать свою тогдашнюю дерзость, а для того, чтоб была понятна реакция Константина Михайловича на это письмо, на требовательный тон которого можно было и обидеться, и возмутиться некоторой бесцеремонностью автора. Надо же понимать, какая пропасть разделяет никому не известного автора одной повестушки и знаменитого, всемирно известного писателя. Послал письмо, как с обрыва в неизвестную реку бросился — что-то будет?..

И вдруг ровно через три дня телефонный звонок. Спокойный, без малейшего признака раздражения или какого-то недовольства голос Константина Михайловича:

— Я написал вам, Вячеслав Леонидович...

— Предисловие?

— Нет... Предисловий я вообще не пишу. Я написал вам хорошее письмо. Редакция может выбрать из него какие-то места и предвратить ими вашу повесть.

— Огромное спасибо, Константин Михайлович.

— Можете завтра приехать ко мне, и Нина Павловна передаст вам. Меня-то, к сожалению, не будет...

Разумеется, несусь утром на улицу Черняховского. Нина Павловна передает мне письмо, написанное... от руки... А я-то шпарил свои на машинке, не желая затруднять Симонова разбором своих каракулей. Хочу читать, но все плывет в глазах, и, кроме первых строчек, ничего не вижу. Прощаюсь с Ниной Павловной и уже в машине, немного успокоившись, прочитываю письмо. Оно действительно хорошее... Лечу в «Новый мир», врываюсь в редакцию, победно размахивая письмом. Прочитывают письмо и там, поздравляют, говорят, что теперь-то все в порядке, что в этом году постарайтесь повесть опубликовать... Меня переполняет благодарность к Константину Михайловичу, и я пишу ему письмо, выражая свои чувства, и прошу разрешения писать иногда, чтоб поделиться мыслями и сомнениями, которые возникнут у меня по ходу дальнейшей литературной работы.

Константин Михайлович ответил телефонным звонком и попросил прислать ему новое сразу же по написанию. Я был счастлив, что у меня есть теперь такой советчик и такой читатель...

Но время шло, я много работал, настолько много, что было как-то некогда переживать затянувшееся молчание «Нового мира». А он молчал, молчал весь год, но я по тогдашней наивности не очень-то волновался, мне казалось, что раз К. Симонов одобрил повесть, то она рано или поздно должна быть опубликована. Даже больше — я самонадеянно решил, что она уже впечатана в русскую литературу, но все же, все же... И в начале 78-го года я позвонил в «Новый мир» — как дела с «Сашкой». Завпроез ответила, что она еще не показывала повесть руководству, но надеется, что первая часть «Сашки» — «Сашкин немец» — сможет быть опубликована в текущем году. Мой оптимизм несколько померк, приугас, хотя от отказа от рукописи и не было, но и не очень-то уверенный тон ответа надежд особых не внушал. Через несколько дней я по почте послал рукопись «Сашки» в журнал «Дружба народов» с копией письма Константина Михайловича. Сообщил я об этом и ему, Симонов одобрил мое решение, сказав много хороших слов о главном редакторе журнала Сергее Алексеевиче Баруздине.

И опять потянулись дни ожидания... Но уже в начале весны мне сказали в отделе прозы «Нового мира», что в «Дружбе народов» дело вроде бы завертелось всерьез, и вскоре я уже смог прочесть рецензию на «Сашку» члена редколлегии журнала Корабельникова Г. М., рецензию прекрасную, рекомендовавшую повесть к публикации и заканчивающуюся словами, что было бы хорошо, если бы К. М. Симонов написал к ней предисловие.

А вскоре позвонил мне Константин Михайлович, сказав, что он хочет поговорить со мной насчет прочитанных им вещей и чтоб я заехал к нему в больницу. Кто мог знать, что это будет предпоследняя встреча... Она была самой продолжительной. Наверно, более часа заняла наша беседа, которая носила совсем другой характер, чем первая, — я почувствовал возникший контакт, она велась в более доверительном тоне, была, можно сказать, более друже-

ственна, что ли. Как ни был прост Константин Михайлович при первой встрече, но все же какую-то дистанцию я ощущал, а сейчас вот она сократилась до минимума, а может, и совсем. Не могу сказать с полной уверенностью, но кажется, одна из моих вещей, короткая повесть «Дорога на Бородухино», больше других понравилась Константину Михайловичу. Во всяком случае, говорил он о ней больше, чем о других. Эта повесть о матери солдата, человека с трудной судьбой и сложным характером, чем-то заинтересовала Константина Михайловича. Он спрашивал, насколько события этой повести соответствуют действительности, откуда появился такой характер и возник образ этой женщины, о реалиях места действия повести. Уже много позже люди, знавшие мать Константина Михайловича, сказали мне, что ее характер в чем-то схож с характером героини моей повести.

Много места заняли в нашем разговоре и «Солдатские мемуары», вышедшие на экран и представлявшие мне настолько огромным и нужным делом, что я не смог не высказать Константину Михайловичу общей нашей, фронтовиков, благодарности за эту великолепную работу, значение которой трудно переоценить. Говорили о значении воспоминаний ветеранов, о рукописях непосредственных участников войны, к которым недостаточно внимательно относятся в редакциях. В частности, о рукописи А. Круглова «Солдаты смерти не ищут». Причем, выяснилось, что Константин Михайлович читал и ее и тоже написал автору письмо с высокой оценкой повести. Забегая вперед, скажу, что повесть эта была опубликована в «Дружбе народов» под названием «Отец». И опять забегу вперед, чтоб сказать то, чего я не знал во время того разговора: одновременно с «Сашкой» читал Симонов и поэтический сборник Ю. Белаша «Оглушая пехота», который не без его доброжелательного участия вышел в 1981 году в издательстве «Советский писатель» одновременно с моей уже не повестью, а целой книгой «Сашка».

В конце разговора я спросил Константина Михайловича, не хочет ли ознакомиться с рецензией Г. М. Корабельникова, которую я захватил с собой. Он согласился, пробежал ее глазами, а остановившись на последних словах, улыбнулся и сказал: «А что, я напишу предисловие...»

У меня чуть не вырвалось: «Вы же говорили, что не пишете предисловий», — но я вовремя спохватился и проворчал лишь слова благодарности.

«Спросите их, когда это будет нужно, и я напишу», — повторил Константин Михайлович.

Но это еще не счастливое окончание... «Сашке» и автору его пришлось преодолеть еще одно препятствие: несмотря на письмо Симонова, его обещание написать предисловие, несмотря на рецензию Корабельникова, в редколлегии журнала возникли разногласия, и было принято решение печатать лишь первую часть повести — «Сашкин немец». Вот тут-то и пришлось просить опять помощи у Константина Михайловича. И он сделал все от него зависящее.

Сергей Алексеевич Баруздин в своих воспоминаниях о Симонове приводит его письмо от 28 февраля 1979 года, когда «Сашка» уже был опубликован в февральском номере: «Спасибо за «Сашку» — Вам! Другой бы не напечатал, забоялся. А дело — справедливое и на пользу нашей Советской власти!»

Сейчас, когда «Сашка» прошел и на экране, и идет в театрах, когда появились не менее сильные и тоже с очень «обнаженной правдой» войны вещи, как генатулинская «Атака», как колесовская «Самоходка» — номер 120» и документальная повесть С. Алексиевича «У войны — не женское лицо», как-то трудно представить, что же в «Сашке» было такого, что «смуцало» редакции, и, возможно, «смуцало» бы до сих пор, не будь деятельного и доброжелательного участия Константина Михайловича Симонова, сумевшего убедить, что «дело — справедливое и на пользу нашей Советской власти!»

И вот последняя встреча... Произошла она в Библиотеке имени Ленина на творческом вечере Константина Михайловича, где я и передал ему второй номер «Дружбы народов» с благодарственной надписью. Симонов был утомлен после вечера, но принял журнал с улыбкой, и мы обменялись несколькими словами, увя, последними... Летом семьдесят девятого я был на даче. Газет не получал, не было и радио. Я знал, что Константин Михайлович находится в больнице, но он ведь каждый год там бывал, и у меня не было поводов для беспокойства. И вдруг, проснувшись рано утром, осознал: если с Константином Михайловичем что-то случится — я могу не узнать. Целый день я был сам не свой, а вечером пошел слушать радио к соседям — передавалось о смерти Константина Михайловича... На другой день я выехал в Москву. Так оборвалась навсегда та внутренняя связь с этим большим человеком и большим писателем, связь, продолжавшаяся с далекого тридцатого девятого года...

Думается, что сейчас многим и очень многим не хватает Симонова. Симонов жил во времени и хватал его выразителем, а время было сложное...

"ЭТОТ МИР ПОТОМКИ ЖДАЛИ"

Козьмодемьянск

Лист ложится золотой и волглый—
Осени несчетная казна.

По-крестьянски прочно сел
над Волгой

Городок по имени Кузьма.
Словно бы начищен белой пастой,
Пароход у ног его бежит,
А на голове его лобастой
Облако, как кепочка, лежит.
В сером небе потянулись гуси,
Значит, приближается зима.
И тяжелые речные грузы
Весело ворочает Кузьма.
Труд его увозят капитаны
По реке великой далеко.
И парные волжские туманы
Отдают коровам молоко.
Он под осень отдыха не знает.
Близок холод. Время горячо.
Сеет хлеб. Газеты выпускает,
Самолет сажает на плечо.
В магазине покупает книжки
И не удивляется на то,
Что сменило куцый армячишко
Заводское теплое пальто.
Жить не собираясь по старинке,
Липовые лапти сняв с ноги,
Ходит он по городу в ботинках,
Надевает в поле сапоги.
По субботам сядет под окошко,
Поведет неспешный разговор,
И в его зубах не козья ножка—
Длинный ленинградский «Беломор».
Словно бы по щучьему веленью
На столе дымчат густые щи,
И стоят соленье и варенье.
И лежат широкие лещи.
Благостные божеские лики
Новые покинули дома,
На советский праздник пляшет лихо
В свете электрическом Кузьма.
Ах, Кузьма! Кузнец, и жнец, и пахарь,
Выбритый до блеска, молодой,
Твой марийский говор лесом пахнет,
Свежим хлебом, быстрою водой.
Не сдаваясь холоду и зною,
Связанные с Волгой навсегда,
Словно братья, говорят с Кузьмою
Русские Иваны—города.

Здравствуйте, пани Марыся!
Здравствуйте, пани.
Снова листья воскресли
Те, что осенью пали.
Те, что красным горели
И холоду уступали.
Глядите, пани Марыся!
Как по свежей купаве,
Полям несется всадник
В голубом жупане,
Волосы над облаками,
А лошадь в темном тумане.
Это несется время,
Из-под копыт—пламя.
Может быть, мы увидим,
Что еще будет с нами,
Что будет еще со мною,
Что будет еще с Вами.
Укажите, пани Марыся,
Ясная панна,
Где тут безвестный холмик
Деда Ивана,
Дяди Григория и соседа Степана.
Они в дорогу к Берлину
Прочно легли костями,
Чтоб мы друг к другу ходили
Товарищами и гостями.
Мы с Вами—два народа,
А они—природа.
Все, что мертвые скажут,—
Ясно без перевода.
Как передать словами
То, что мы слышим с Вами?
Ясновельможное солнце
Над нашими головами!

Болгарский мотив

Причалим, отчалим—
Мы все в этом мире случайны.
Но—
Варна, как чайка,
И люди, все в белом,
Как чайки.
Но—
Чайка от чаять,
А чайные—это надежда.
Я ставлю на чаек отчаянных.
Ставлю на нежность.
Я пулей отвечу на пулю,
Но—
Братством на братство.

Но—
Чайка, парящая в гуле,—
Не главное ль наше богатство?
Не чаешь—звереешь
В комфорте,
На вилле шикарной.
Но—чаешь
И—чайкою реешь
Над древнею Варной.
Причалишь—
Отчалишь,
Сойдешь миражем над Босфором.
Остаться бы чайкой,
Доспорить бы с этим простором.

Длинной линзой выгнулося небо,
Выпучило окуневый глаз.
С золотым зерном большого хлеба
Дождик покатыл, как тарантас.
Над Волоколамском и Валдаем
Зашуршал в бадьях, как мелкий бес,
И миллион трехструнных балалаек
Хлынут в край черемух и чудес.
И в трень-брень смешались
пыль и слякоть,
Чтоб травой веселой воскресать.
Захотелось петь, плясать и плакать,

А потом смеяться
И плясать.
Струны заливались и сквозили,
И неслась шампанским колея.
«Я ли не люблю тебя, Россия!—
Медным басом рокотал Илья.—
Я ли не люблю тебя!
Доколе
Петь, греметь,
светиться соловью.
Эту песню из огня и воли
Ты копьем вонзила в грудь мою».

Мы против войны

Фарисей и кликуши,
Уберите ваши уши—
Нет у вас души живой!
Голубым лучом проколот,
Занесен военный молот,
Возвещая мрак и холод,
Предвещая страх и голод
Над земною головой.
Черной яростью подуло
Из купели ледяной.
Сдвинь материки
И думай—
Действуй, милый Шар Земной.
Пусть в виски стучится фраза,
Проясняя все и сразу
Про военную грозу:
«Во Вселенной нету глаза,
Чтоб по нас пролить слезу.
Неоткуда ждать рыданий,
Не раздастся внешний смех.
Что?
Концом эпох и веж
Искушаем стародавний
Первородный малый грех?
Нет.
Кострами инквизиций
Выжжена его вина,
В душегубках Аушвица
Грех тот вытравлен сполна.
Паралич души и воли,
Грех непротивленья злу—
Вот чего ты не замолишь,
Человек, в своем углу.
Древний ад огня и серы—
Равнодушие ума,
Что заразнее холеры
И страшнее, чем чума.
Не молчи, как добрый дурень,
В непричастности срамной.
Сопоставь,
Прикинь, подумай,
Действуй, милый Шар Земной.
Через годы,
Через дали
Этот мир потомки ждали,
Слышу зов веков иных:
— Как вы?
Жизнь не проиграли
На колодах карт штабных?
Светлый дух в здоровом теле,
Имя доброе Земли
В космосе не просвистели,
Под золой не погребли?
Ах, как думать ты боишься,
Добрячок или простак.
Из норы,
Сырой и нищей,
Путь один—
На пепелища
Хиросим и Нагасака.
По проспектам и оврагам,
У леса и у песка
Ты идешь,
Но с каждым шагом

Черный ствол ракетной шахты
Неотступно у виска.
Женщина или мужчина,
Сыщик ты или бандит.
Любишь,
Плачешь,
А машина
За тобой, как съч, следит.
Фарисей и кликуши,
Берегите ваши туши,
Вмиг не испариться чтоб.
Я твержу в другие уши,
Я ищу живые души,
Я стучу в упрямый лоб.
Эти фразы, буквы, точки
(Все понятно!)—
Эти строчки
Для ответа и на суд
К самому не принесут.
Мысль сверлит меня сквозная,
Если б отозвался тот,
Чья сегодня хата с краю
И которому,
Я знаю, некто тоже счет ведет.
Нет, он не самоубийца.
Он и спит, и веселится.
Это—ядерный шантаж.
Но расчленим так, однако,—
Мир горел в случайных драках.
Что посеешь—
«Тем воздашь».
Как бы нам явить уменье,
Чтоб не всем, в недоуменье,
Отгореть и прах стерпеть.
И сказать такое страшно,
Но, пожалуй, даже счастье
На постели в одиночестве
По-гражданински умереть.
Человек обыкновенный,
Ты один во всей Вселенной,
Где огонь и пустыня,
И последнее полотно
Не кидай в костер военный
Ты, святая простота!

Рисунки
Владимира УСОВА

Это одно из самых сильных впечатлений в моей жизни. Я не преувеличиваю. Почему так? Тут дело, я думаю, вот в чем: и само произведение Валерия Гаврилина, и исполнительские, дирижерские приемы Московского камерного хора, непривычная трактовка произведения певцами, которые выступают здесь не только как вокалисты, но и как артисты нового, невиданного доселе представления, образуют необычную музыкальную гармонию, она-то так сильно и действует на наши эмоции.

Конечно, сейчас в словах я не могу передать всего, что пережил на концерте. То, что я хочу сказать, это уже в некотором роде отчет в моих чувствованиях, переживаниях, закодированных в слове. А этот словесный код уже многое теряет от непосредственных наших ощущений, не в состоянии эти ощущения воспроизвести полностью.

В момент «интимного» общения с музыкой мы мало о чем думаем, мы ошеломлены и полностью захвачены прекрасным. Но проходит время — так уж человек устроен, — и ему нужно обязательно отдать отчет в том, почему же это было прекрасно. Человеку необходимо мыслительное подкрепление своих впечатлений, какое-то логическое обоснование их. Но это, понятно, лишь отголосок пережитого, того, что случилось вчера. И самое замечательное здесь в том, что певцы, артисты это понимают. Они угадывают нас, улавливают все перемены наших настроений, впечатлений, как бы идут навстречу им и увлекают нас за собой, незаметно втягивая нас в необыкновенный, полный гармонии мир, законы которого мы с легкостью и охотой принимаем. А ведь все это надо было найти, нащупать в наших искусственных современных душах те струны, которые с такой благодарностью откликнулись бы на существование всего того, что происходит в этом действе.

Мне кажется, что появление таких певцов — совершенно новое явление для хоровой культуры. Ведь они не только певцы-вокалисты. Повторюсь: это ансамбль артистов. Они играют. На традиционный хор похожи только потому, что стоят привычно. Хотя и здесь на сцене мы видим, как по ходу действия передвигаются, переходят то одна группа хора, то другая, выходят солисты, чтец. Есть части, где хор поет сидя, изображая деревенские посиделки (например, «Ти-ри-ри»). А это уже игра. Но, конечно, главное в «Перезвонах» — это игра голосом. Певцам удается передать голосом даже жест! Все вместе это и создает ощущение совершенно нового искусства. И композитор должен быть новым, и дирижер как-то по-новому должен трактовать музыку, и, конечно, исполнители должны быть не традиционными. Поясно свою мысль. К сожалению, часто при слове «хор» сразу же мысленно возникает такая картина: чинные ряды певцов — мужчины в темном, женщины в светлом, по знаку дирижера одновременно открывающие рты, — и пение, хотя и стройное, с усилениями или ослаблениями звука в нужных местах, но такое, от которого через два номера становится скучно. Да, к сожалению, бывает и так.

Артисты Московского камерного хора другие. В музыке «Перезвонов» мы встречаем такие вещи, которые впервые слышим даже в смысле возможностей человеческого голоса: звукоподражание (свист, петушиный крик, бой часов с кукушкой, разнообразные колокольные перезвоны), но без всякого пустого оригинальничания. Все очень естественно, органично. И ведь нужно было все это не только задумать композитору, но и разработать, воплотить! И это все артистам опять-таки удалось. Какая колоссальная работа!

Меня это просто поражает, хотя я видел и знаю «изнутри» труд артистов. В Новосибирске я жил рядом с театром. Все актеры были моими хорошими знакомыми. Я ходил на многие репетиции и всегда удивлялся той огромной работе,

Иногда судьбе музыкального произведения, которому суждено стать событием духовной жизни современников, похожа на цепь случайностей и совпадений. Но однажды эти случайности выстраиваются в логическую цепь, в лобовитые совпадения вдруг обнаруживают глубокую взаимосвязь. И рождается чудо гармонии, где на равных общаются, живут с полным напряжением всех душевных сил и композитор, и исполнитель, и слушатель.

Такова судьба «Перезвонов» Валерия Гаврилина — хоровой симфонии-действия.

Как-то композитор пришел на концерт Московского камерного хора под управлением народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР профессора Владимира Минина. Его поразило исполнение кантаты «Ночные облака» на малозвестные стихи Александра Блока. Этот небольшой хоровой шедевр Георгия Свиридова Валерий Гаврилин знал, но пение мининцев заставило увидеть это произведение по-новому.

Через полтора года Владимир Минин получил сочинение «Перезвоны». Трудно охватить симфонию-действие сразу, и не только потому, что произведение объемно (состоит из 15 частей), но главным образом потому, что оно многомерно, многозначно. Однако многозначность «Перезвонов» ясна и сложность симфонического построения не подавляет.

Среди звончатого, фольклорного, народного простора «Перезвонов» возвышаются две части, исполненные исповедально-пророческого пафоса, — «Смерть разбойника» и «Из Поучения Владимира Мономаха». А рядом с ними части, в которых раскрывается судьба простого человека с его радостями и горестями, с неизбежностью держать отчет перед собой, перед своей совестью, проводить, говоря словами Н. Гоголя, «ревизовку жизни».

Что и как решит человек, как ответит он на главные вопросы бытия, в чем найдет смысл, отраду, успокоение? Ни Валерий Гаврилин, ни исполнители не дают однозначных, обложенных ответов, не романтизируют и не принижают жизни, в объединяют всех слушателей в жгучем переживании, в осознании главного, насущного для жизни каждого и всех.

Вот почему «Перезвоны» Валерия Гаврилина, несмотря на то, что живут «сценической жизнью» уже три года, и объехали всю нашу страну и были за рубежом, продолжают вызывать желание поделиться мыслями не только о самом действе, но, что особенно важно, о современных проблемах.

Сергей ЗАЛЫГИН

ПЕРЕЗВОНЫ

Впечатления после концерта

которая происходит в театре и не видна, не должна быть видна зрителю. Но то, что делает Московский камерный хор, меня поражает. Частенько говорят, что мы работать не умеем. Думаю, что если бы такую задачу, которую решили мининцы в «Перезвонах», поставили перед другим каким-нибудь коллективом в далеких краях, то далеко не каждый бы хор с этим справился. Тут нужна, да, нужна школа и новаторство, новаторство и школа.

Интересен подход композитора и исполнителей к фольклору, к песне. Они ведь не только восстанавливают что-то из прошлого и переносят прошлое в наше время. Хотя и эта задача была бы благородной, так как человек жив не только памятью сегодняшнего дня и своего человеческого срока, но памятью всех веков. Но исполнители идут дальше, они преображают эту песню. Они понимают эту песню, наверно, глубже, чем те безвестные народные певцы, которые исполняли ее когда-то давно. К тому же мининцы «вооружены» всеми техническими приемами хорового мастерства и пользуются этими приемами, как мы видим, очень широко. Это естественно. Ведь музыка рассчитана на восприятие современного слушателя, идет к нему, ждет взаимопонимания и отклика современников. Но в то же время в исполнении сохраняется первоначальная душа народной песни. Так и должно быть — время увековечивает что-то самое главное, самое жизненно важное и гармоничное в песенном искусстве народа. Это и подхватывают мининцы. А все оттенки, подробности, штрихи они разрабатывают и привносят в пение уже из своего современного мироощущения.

Может быть, они даже лучше поют, чем пели те, кто складывал эти песни. Конечно, лучше! Потому что они взяли самое ценное, что прошло отбор временем, и углубили это, приложили к этому свою культуру, опыт, вкус, такт, лад.

Мне думается, что это можно сравнить в литературе, например, с творчеством Пушкина. Как он возник? Мы знаем, что Пушкин был культурнейшим человеком своего времени, как все выдающиеся поэты. Он к натуре своей, к русской, приложил все достижения культуры своего времени. В результате появилась такая высокая, первоклассная поэзия.

Я хочу сказать, что и в «Перезвонах» к «натуре» — русской песне — приложена большая и современная культура. И тут возникает вопрос: как проникнуть в «натуру», если у нас в России все меньше и меньше поют?

Вот в тридцатые годы я был в Хакасии, на Алтае, в русских поселениях. Там ведь, когда днем к деревне подъезжаешь, задолго (а увидеть ее в горах можно, когда на двести метров подойдешь) узнаешь ее прежде всего по голосам, по песням. Песня в деревнях не замолкала, она встречала человека, песня. Во всей-то деревне кто-нибудь да пел. Удивительно, что сейчас ее не стало. Я живу в Перedelкине — годами песни не слышу. Но ведь это же было на моем веку! И не только в деревнях, но и в небольших городах, то в одном, то в другом дворе кто-нибудь подаст голос. Сейчас музыканты-специалисты все тревожнее говорят, что у нас мало массовой песенной культуры, не то что в Эстонии, Латвии, Грузии. Да, это так. Но уж если в России подберутся мастера — так залют, что оказываются на огромной высоте. И это вселяет большие надежды. Значит, не прервалась нить, значит, что-то еще есть, сохранилось. Ведь певцы современные — современные, но с памятью. Есть у нас богатство — только оно рассеяно, не организовано, не сосредоточено, только полностью не использовано. Мы сами значения не придаем тому, чем мы богаты и чему мы можем быть рады. Певцы Московского камерного хора показали нам, чем мы богаты. Их исполнение задевает во

мне все национальные мотивы и моменты, и это меня трогает особенно. Но в то же время они подают пример всем: ищите, пробуйте! Такое можно «производить» от любой национальной культуры. Они, наверное, и сами заимствуют от других хоровых школ и культур.

Мне хочется сказать и о литературной основе «Перезвонов». Слово здесь приобретает очень большое значение. Оно — толчок к мысли, а развитие ее идет уже по законам музыкальным. Гаврилину требуется много мысли сосредоточить в небольшом по объему фразе-темах, но он не замысливает. Он очень хорошо и точно определил тот предел, за которым песня потеряет свою непосредственность. Если бы он пошел по чисто логическому пути, иллюстративному — ничего не получилось бы. Каждый вид искусства обязан прежде всего проявить сполна самое себя. А как он это сделает — уже секреты его природы, его истока. Композитор может открыть эти секреты, эту технологию, а может не открывать. Валерий Гаврилин не открывает. Его секреты остаются при нем. От кого и к кому из дирижеров и композиторов он идет — не угадаешь. Я думаю, что если бы мы это угадали — это было бы полной неожиданностью.

Вот и в литературе мы встречаем, на первый взгляд странные вещи. Шолохов, например, вдохновлялся Буниным. Может быть, именно потому, что между ними нет ничего общего. От противного, от противоположности, случается, возникают сходство, параллели, продолжения. В таких же сложных, неоднозначных отношениях музыка «Перезвонов» с литературой. От кого следует Гаврилин? Не знаю, то ли от Есенина, то ли от Блока, то ли от многих, многих.

Да, в музыке В. Гаврилина в одной песне, в одной песне, в одном действии я угадываю и Есенина, и протопопа Аввакума, и что-то еще более древнее, языческое. И современное. Но все в произведении естественно и оправданно — каждое слово, каждый жест, каждая нота. Ничего нельзя изъять или заменить. Эта музыка очень отличается от какой-либо другой классической музыки. Ну, например, немецкой. В ней все ясно: вот — тема, вот — ее развитие. В первых тактах вы ее узнаете, а дальше следите за разработкой. Я в общем-то довольно часто угадываю, не зная вещи, что последует в разработке, потому что в такой музыке все подчинено определенной последовательности. И тут, собственно, дело алгебры.

В действе В. Гаврилина никогда не угадаешь, что будет следующим, какая музыкальная фраза, какой прием. Но, услышав это следующее, сразу же узнаешь его и принимаешь. Убеждаешься, что только так и может быть. Что только эта догадка композитора и исполнителей действительна и незаменима.

Вот почему сочинение Гаврилина и хор оставили у меня такое впечатление. По чему мы ценим мир и жизнь? По тому, насколько часто мы встречаем в них гармонию. Весь жизненный хаос, будем говорить, житейская неразбериха, нас угнетает. И только тогда мы прорываемся в истинные чувства человеческого, когда встречаем гармонию. И тот художник, который откроет в мире больше гармонии, большой художник.

Конечно, есть и другие явления в искусстве. Есть и литература хаоса. Я ее даже не отрицаю, но только как какую-то фактуру, а не как жизнеутверждающее и вечно нужное всем людям искусство. Поэтому, мне кажется, два художника, В. Гаврилин и В. Минин, сделали огромное дело, они открыли нам гармонию там, где мы ее и не подозревали. Ими создан, ими открыт целый мир, в котором стоит жить, стоит думать о нем.

«Перезвоны» приобретают благодаря этому общекультурное, общечеловеческое значение.

Подготовила
Людмила БАРЫКИНА.

ЗВЯЗДЖИ ВАНЯ

Сергей
ПЛЕХАНОВ

ПОВЕСТЬ

Алла долго молчал, раздумывая над словами Ивана, потом несмело начал:

— Не ходить бы туда, Ивашка. Может, немца другим чем задаришь?..

— Удовольствуешь его, мордатого! — с горечью отозвался Иван. — У него денег-то, чай, без счету. Им ведь, нехри-

стям, втрое против наших русских платят.

— Это почему? — удивился Алла.

— А как старики наши говорили, что в восьмой тысяче толку не будет, так и случилось. Все по антихристову научению владыки наши творят.

— Это какая еще восьмая тысяча?

— От сотворения мира идет нынче семь тысяч двести сорок второй год. А по казенному счету — одна тысяча семьсот тридцать четвертый. Уставщик наш деревенский так изъяснял: запутать хотят никониане, сбить овец стада Христова, чтобы второе пришествие проспали.

Иван говорил с глубокой верой в истинность своих слов, щеки его разругались, глаза светились вдохновением.

Алла, заворожено слушавший Ивана, огорченно признался:

— Занимательно тебя слушать. Жалко только, не понял ничего.

— Мы, старому-то кресту верные, в писании всех превзошли. Спроси меня: книгу Судей ли, книги ли Царств, Давида-царя псалмы — все знаю.

— Опять не понимаю ничего, — сокрушался Алла. — Отчего, если вы самые грамотные да справные, вас власть гонит? Обычай ваш русский не уразумею... Вот сам видел прошлым годом: провезли верхотурским трактом важных начальников. Камзолы богатые, на голове кудри сивые, а на ногах каудалы. Спросили наши у офицера, кто такие — а офицер и слов-то русских не понимает. Дознались потом, что больших бояр в Пелым да в Березов шлют по царицыному указу.

— Стало, и до никониан враг человеческий добрался. Был у нас слух, что царица наша допрежь того в немцах жила, вот и навезла с собой басурман тамошних. В кабаке проезжий приказной как-то раскуражился да и скажи: котует с императрицей нашей конюх какой-то, Бирон по прозвинию, а языка нашего не разумеет — как тот офицер, что бояр в ссылку вез.

— Им-то за что неволя вышла?

— Видать, недовольствовались немецкой властью, хульные словеса говорили. А кто-нибудь и скричи «слово и дело государево». За такую провинность много уж народу по нашему тракту прогнали, многие тысячи.

— Ух! — зажмурился Алла. — Страху натерпишься у вас там, в Руси. Лучше в лесу жить.

В сопровождении Тихона и нескольких заводских служителей Фогель осматривал строящуюся улицу.

На поросшем травой пологом склоне уже поднялись первые венцы нескольких срубов. Одни плотники обтесывали лесины, другие распиливали их на плахи, третьи подгоняли бревна одно к другому. Работали, однако, не очень проворно. И Тихон не преминул обратить на это внимание управителя.

— Сразу видать, что острожники работают. Только что не спят, шельмы, на казенной-то работе. Извольте видеть, Карла Иваныч, вон в том конце изба почти готова, а у этих — от земли не видать. Все почему: там богатый кержак строится. Тот их и подкормит, и хмельного поднесет...

Фогель набылчился и круто повернул с середины улицы к первому же неоконченному строению. Плотники при его приближении всадили топоры в дерево и, приосанившись, ждали.

— Бездельники! — не слушая их приветствий, закричал немец. — Я вам покажу, как лениться! Почему вон та изба уже почти под крышей?!

— А ты не бурли, ваше благородие, — негромко, но

очень твердо сказал чернявый плечистый бородач в красной рубахе, с длинными волосами, схваченными ремешком. Ноги его были скованы массивной цепью. — И на дом тот зря киваешь — тамошний хозяин обычной блюдет, потому и плотник его уважает.

Прямой и смелый взгляд мужика насторожил Фогеля, почувствовавшего скрытую угрозу в тоне его голоса, в самой манере держаться.

— Чем же тебе казна не угодила?

— А чего это не велят Тихон Фомич по нашему разумению наличник да конек рубить, а все бумагу свою суют? Нам это обидно.

— Фуй, какая глупость! Тихон, дай проект.

Приказчик немедленно протянул Фогелю свиток. Развернув его, управитель рассмотрел изображенные на нем домики.

— Великолепно! Эти пилястры вокруг окон. Дорический ордер! Ты ничего не понимаешь, глупец. Я сам выбирал для ваших диких мужиков самые красивые образцы. Они будут смотреть на жезл Меркурия на стене своей избы и уже немножко станут понимать европейскую культуру. Они пойдут в контору и спросят, кто такой Меркурий, и кое-что узнают, кроме этой глупой ортодоксии...

— Несвучно будет, ваше благородие, — настаивал бородач. — Не пойдет мужик, забунтует. Вам чего надобно: чтоб рабочий люд при заводе селился, али бо пилястры?..

— Что это за человек? — вполголоса спросил Фогель у Тихона, когда они отошли.

— Жилый-то? Цыган он по рождению, да уж давно в тутошних деревнях обжился. Пока в острог не угодил, кузнецом был. А здесь плотничьему делу навыв...

— За что сидит?

— За воровскую монету. Не иначе как в дальнюю контору сошлют...

— А ведь он соображает кое в чем, — раздумчиво произнес Фогель. — Что вам надо: рабочих или пилястры? Хм, не так глупо... Да, распорядись-ка, чтобы острожникам топоры не давали...

— От нужды сие учинили, — с сожалением ответил Тихон. — Некому строить, ваше благородие.

— Но они ведь и убить могут...

— Это как пить дать, — согласился приказчик. — Особенно Жилый.

Иван ехал на лошади, а его новый знакомец шагал рядом, держась за стремя.

— Где-то здесь вора должна начаться, — беспокойно оглядывая приречный сосняк, произнес Алла. — Прямо к горам пойдет.

Через некоторое время он оставил Ивана и вскарабкался на осыпающийся гребень яра. Крикнул:

— Здесь!

Иван слез с лошади и стал взбираться за вогулом, ведя животное на поводу.

— Смотри, — Алла указывал на заплывший смолой знак на стволе: стрела, перекрещенная двумя другими. — И вон, и вон.

Они сделали несколько неуверенных шагов по тайге, и направление тропы явственно обозначилось целью катюсов, теряющейся в чащобе.

— Ну вот, — облегченно сказал Иван и, поставив ногу в стремя, взялся за луку седла.

— Подожди, — Алла положил ему руку на плечо и заглянул в глаза. — Побожись, что не обманешь...

— Искуши меня, господи, до макова зернышка, если... — начал Иван и остановился. Принялся расстегивать ворот рубахи. — Давай вот что: крестами поменяемся. Тогда уж неотменно друг другу пособим: ты мне — к Золотой Бабе пробраться, а я тебе — зазубу твою добыть.

Алла просветлел лицом и тоже вытянул из-за пазухи крест, стащил гайтан через голову.

— Если ты так... Если... и захохотал от переполнявших его чувств.

— Не бойсь, все любо-мило будет, — бормотал Иван, надевая крест вогула. — Еще заживете в нашей деревне — подмогнем избу сложить, чай, не чужие.

Евдя сидел у входа в свое жилище и выстукивал из чурки топориче. Лицо его было мрачно, он то и дело вздыхал. Прикрикнул на жену, когда она неловко задела его, выбираясь из землянки.

Когда же на дальнем краю травянистой поляны, окружавшей пауль, показался всадник, вогул порывисто вскочил и, приложив ладонь к глазам, стал вглядываться в гостя. Сокрушенно покачал головой и опустил руку.

К землянке подъехал коренастый мужик в выгоревшей красной рубахе и измятой шляпе-грешневике. В смоляной бороде его поблескивали серебряные нити. Черные глаза смотрели насмешливо и недоверчиво.

— Здоров, хозяин!

— И ты здравствуй, гостенек богоданный! — явно подлаживаясь к раскольничьей манере, ответил Евдя.

И подхватил под локоть бородач, слезавшего с лошади.

— Привет тебе от крестового, — каким-то заговорщическим тоном сказал чернявый.

Вогул с тревогой воззрился на него.

— Был у тебя Ванька?

Евдя, не дрогнув ни одним мускулом, продолжал молча смотреть на гостя.

— Антипа меня послал — сродником ему прихожусь. Сам-то в госпитали заводской лежит. Велел Ивашку возвратить: все, мол, отменили приписку...

Евдя сокрушенно хлопнул себя по бедрам и покачал головой.

Кивнул бородачу в сторону землянки: заходи.

Когда уселись на расстеленной шкуре, вогул сбивчиво заговорил:

— Грех... грех мой... отказал парню... Второй день маюсь, что отпустил. Он, видать, вверх по речке пошел... Разве что из наших кто ему воргу-то показал... Ой, не знаю, живой ли...

— Так, может, догоним? — спросил чернявый.

Евдя, не говоря ни слова, поднялся, повернул мешок с серебряным блюдом «ликом» к стене. Превозмогая страх, пробормотал:

— Тайгой если идти... По речке-то далеко... Лошадь, однако, здесь придется оставить.

— Я и по пешему привычный, — странно усмехнулся бородач. — По тайге-то верст тоже намерено...

Фогель сидел рядом с Анной на деревянном диване и задыхающимся голосом говорил:

— Анете, мое счастье в твоих руках. Если ты скажешь «да», я увезу тебя в Саксен, в самый красивый город в целый свет — в Дрезден.

Он опять путал падежи и примешивал в русские фразы немецкие слова. Оттого, что девушка упорно молчала, терзая пальцами конец красной ленты, выпущенной из косы, он еще больше волновался. Да и желание говорить попроще, подходящее делало его речь более «немецкой», чем обычно. Он сознавал, что выглядит глуповато, но ничего не мог поделать с собой, и оттого злился, краснел.

— О, ты не понимаешь, как это красив. Фонтаны... Ты слышал, что это?

Анна отрицательно покачала головой.

— Как тебе изъяснить?.. Это когда из много-много железных трубка бризгает вода. О-очень красиво. Возле дворца курфюрста о-очень много фонтан.

Но девушка оставалась холодна к прелестям Саксонии. Во взгляде ее то и дело проскальзывал едва скрытый страх. Тогда после недолгого раздумья управитель решил испробовать иную наживку.

— Ты думаешь, почему Фогель сидит в этом глупый холодный страна? Никто не знает музык, не знает политес. А Фогель сидит. Может быть, он тоже глуп?

Думмкопф? — Он поступал себя костяшками пальцев по темени. — Не-ет, Фогель приехал заработать гелд. Деньги. Уже пятнадцать лет работал — кое-что есть, хе-хе-хе...

— Мишка-то тоже все деньгами прельщал, — вдруг вырвалось у Анны.

Но, сказав это, она сама испугалась и даже прикрыла рот ладошкой. Послежно заговорила, явно стремясь загладить впечатление от своих слов:

— Да нешто я вам пара, нешто я в этих фонтанах чего уразумею? Не-ет, не по нашей сестре честь. Вам по барской-то стати другую надобно — чтоб язык ваш понимала, чтоб...

Немец слушал ее, мелко встряхивая головой в знак протеста. Глаза его смятенно шарили по залу. Наконец взгляд его упал на блюдо со сладостями. Фогель с каким-то отчаянно-радостным выражением бросился к нему. Поднес Анне.

— Вот-вот... Скушай штрудель, милая. Или вот этот красивый пирожок...

Когда девушка начала без аппетита жевать, управитель заговорил с боязливо-упрашивающей интонацией, как бы взывая к ее милосердию:

— Ты думаешь, Фогель богат, Фогель гордый? Не-ет, Фогель был совсем бедный, — немец даже всхлипнул и достал из кармана камзола платок. — Он был студент и не имел ничего... Тогда он любил одну девушку, но ее родители не позволили ему жениться. И Фогель поехал в Россию, чтобы...

Управитель замолчал, увлажнившимися глазами глядя куда-то в бесконечность, словно пытаясь различить далекую Саксонию.

Но голос юной раскольницы вернул его к действительности.

— Нет, несходно мне с вами уехать,— тихо, но твердо говорила Анна.— Не брошу я суженого да родителей его в заводской неволе... Благодарим за честь великую, а только я слову своему верна...

Но Фогель словно бы не услышал последней фразы. Какая-то мысль осенила его, и он, не в силах совладать с охватившим его возбуждением, встал и несколько раз прошелся по залу. Остановившись у дальнего окна, произнес, не глядя на девушку:

— Анете, если пойдешь за меня замуж — освобожу твоего... Ивана и его родных. Дам им бумагу... А не согласишься — будут до конца своих дней в заводе работать. И за Ивана не выйдешь — обратно в деревню отправлю.

По мере того как он говорил, смертельная бледность заливала лицо Анны. Наконец, не выдержав, она вскопчила и, закрывшись руками, выбежала за дверь.

Узкая тропа по временам терялась в густом подлеске. Алпа то забегал вперед, то, поотстав, шел за лошадей. Иван, сидя в седле, напряженно вглядывался в чащу. Но то, что произошло, было полной неожиданностью для них обоих.

Едва лошадь углубилась в поросль молодых сосен, как раздался короткий возглас Ивана, послышался треск ветвей и глухой удар о землю. Алпа бросился за товарищем, и, продравшись через сплетение ветвей, увидел, что на траве бьется лошадь, а придавленный ею Иван пытается освободиться от стремени. Из конвульсивно раздувающегося бока и шеи животного торчало несколько стрел с двойным оперением.

На мгновение вогул оторопело замер, потом бросился на выручку побратиму.

— Еще бы вершок — и в ногу,— потерянно проговорил Иван, выбравшись из-под тяжелого корпуса лошади.

Выдернул из крупа стрелу и уважительно провел по грани окровавленного наконечника пальцем.

Алпа только теперь наконец осознал, что произошло, и со страхом озирался по сторонам. Тайга хранила мертвое молчание. Лишь предсмертный храп лошади нарушал тишину.

Ивану тоже было не по себе. Взяв в руки ружье, он сделал несколько осторожных шагов по тропе. Потом двинулся в ту сторону, откуда прилетели стрелы.

— Вот тебе и менквы! — услышал вогул. — Алпа, глянь!

Нырнув в заросли, тот увидел целую батарею луков, укрепленных на стволах самых крупных сосен. Иван, стоявший рядом, поманил его пальцем и показал на волосяную лесу, пропущенную между всеми тетивами.

Проследив, куда она тянется, молодые люди снова оказались на тропе. Свитая кольцами, леса лежала в траве, опутывала копыта издохшей лошади...

— Нельзя дальше, — пожившись, прошептал Алпа. Но Иван будто не слышал его. Задумчиво перебирая волосяную путанку, он какое-то время сидел на корточках. Потом сказал, будто обращаясь к кому-то в глубине чащи:

— Ну нет, брат. Ты вороват, да я узловат.

И кивнул Алпе:

— Бери топор.

Тот с недоуменной миной отвязал притороченный к седлу инструмент и, опасливо озираясь, пошел за Иваном в чащу.

Остановившись возле сухой сосны, тот обошел ее и коротко сказал:

— Вали!

Когда ствол рухнул наземь, он лег рядом с ним так, чтобы ноги доставали края комля. Приложив ладонь к бревну на уровне своего затылка и снова распорядился:

— Вот здесь отрубись.

Евдя и его чернявый спутник остановились у глинистого яра.

— Он! — вогул указал на четкие отпечатки лошадиных копыт, тянувшиеся вверх по откосу. — Надо быть, вчера прошел.

И проворно взобрался к опушке бора, от которой начиналась тропа. Не оглядываясь, ходко зашагал в ту сторону, куда вели катпосы.

Бородатый едва поспевая за ним. То и дело поправляя на плече ружье, он поглядывал на затянутые смолой меты, настороженно постреливал глазами по сторонам.

И все же глухой вскрик Евды, только что скрывшегося в молодой сосновой поросли, заставил его вздрогнуть всем телом. В следующее мгновение он бросился в сторону от тропы и затаился за стволом с ружьем наперевес.

Из зарослей показалась спина вогула — тот, не разбирая дороги, пятился назад. Наткнулся на дерево

и стал медленно сползать на землю. Бородатый в смятении смотрел, как Евдя пытается выдернуть из груди тонкий прут с красным оперением. И вдруг, пригнувшись, бросился в сторону от тропы.

Добежав до мохового болотца, он в изнеможении повалился на мягкую кочку и долго лежал, слушая стук собственного сердца, который, казалось ему, наполнил всю тайгу.

Потом сел, затравленно огляделся. Во всех направлениях тянулся дремучий бор. И только за спиной у беглеца расстиралось бледно-зеленое поле, утыканное чахлой хвойной растительностью.

Бородача точно подбросило. Лихорадочно шаря глазами по стволам сосен, он пошел прочь от болота, все убыстряя шаг. Но куда ни обращался его взгляд, виделись только могучие деревья, поросшие седым мхом.

Он метался по тайге, все сильнее запутываясь в этом молчаливом лабиринте. И выражение безысходности, казалось, навсегда запечатлелось на его лице.

Знакомый катпос словно ударил его по глазам. Бородач на мгновение замер, увидев заплывший смолой знак, потом бросился к нему, обхватил руками ствол, словно боясь, что он опять исчезнет. Еще не веря случившемуся, лихорадочно озирался. И чуть не вскрикнул, разом увидев всю линию катпосов, уходящую в глубь урмана.

Некоторое время он переводил взгляд то в одну сторону, то в другую. Наконец, решившись, направился туда, где лес казался посветлее.

Бородач двинулся, стараясь не шуметь, поминутно озирался, сжимая приклад ружья побелевшими пальцами. Мало-помалу — по мере того, как тропа втянулась в приветливый березняк, — он успокоился, походка его стала более уверенной.

И вдруг земля разверзлась у него под ногами. Хватая руками воздух, бородач провалился сквозь зеленый ковер, устилавший рощу. Острая боль пронзила его.

Поднявшись на ноги, он осмотрел рану на предплечье. Рукава кафтана и рубахи были разорваны. На торчащем посреди ямы остром колу застряли обрывки ткани.

Посмотрев вверх, пленник даже застонал от досады — до краев ямы, полуприкрытой ветками и дерном, было два человеческих роста — не меньше. Скрежетнув зубами, он сел на землю и пробурчал:

— Ввалился, как мышь в короб!

Иступленно раскачивая кудлатой головой, бородач пытался отогнать навязчивое видение. Но память неумолимо возвращала его к одному и тому же дню...

— Ну что, Крикорий, возьмешься? — потирая руки как от сильного озноба и безостановочно раскачивая по тесному пространству каземата, вопрошал Фогель.

Бородач, сидевший в углу на соломе, обхватив мощными жилистыми руками «стул» — деревянный чурбан, прикованный цепью к обручу на шее, — бурлил управителя своим недоверчиво-насмешливым взглядом.

— Ну, что молчишь, Шилей?

— Нетерпеливы уж очень, — отозвался бородач. — Обмозговать надоть... Дело-то какое тонкое: крещеную душу на тот свет отправить...

— Тебе-то что? Вы цыгане — язычники...

Жилей вместо ответа расстегнул ворот. На волосатой груди четко выделялся шнурок. Потом сказал:

— Это кто с табором ходит — те язычники... А я кузнец, давно среди русских живу...

Фогель досадливо поморщился.

— Ты не о душе, а о теле своем подумай. По «Уложению о наказаниях» за чеканку воровской монеты знаешь что положено?

— Олово в глотку залить, — с мрачной усмешкой ответил цыган.

— Так выбирай же, — в волнении глянув на дверь, сказал немец. — Или получаешь свидетельство купца первой гильдии, домом в Катеринбурге обзаводишься, торг открываешь, или...

— А ежели я тебя, ваше благородие, обьегорю да со статусом этим сбегу? — сощурился Жилей.

— Да куда ты его денешь? — пренебрежительно отмахнулся управитель. — Да и зачем он тебе? Ведь ты все едино в розыске пребываешь... Монету опять бить начнешь? Так ведь снова попадешься — тогда уж не отвертеться.

— Может, не попадусь, — обиженно проговорил цыган.

— Для такого ремесла грамоту надо разуместь как следует и еще много чего знать, — с превосходством заметил Фогель. — Ведь вот как ты в этот раз попался? Стал серебряный алтынник чеканить. А то и невдомек тебе, что покойный император Петр Великий сию монету отставить повелел, понеже через такие татарские наименования о власти татар над Россией воспоминание совершается...

Жилей пристыженно опустил голову.

— Понял, что добра тебе желаю? — начал управитель.

— Ладно, — бородач хлопнул ладонями по отполи-

рованной поверхности «стула». — Уговорил. Только денжат набавь. Мне на обзаведенье сто рублей — это как пить дать...

Фогель болезненно сморщился.

— Да не кукуйся ты, господин управитель, не разжалобишь. Я ему бабу золотую, а он сто рублей жалеет.

— Свобода дороже стоит! — с пафосом заявил немец. Но все же уступил: — Будет тебе сто. Как идола представишь — и деньги, и свидетельство, и отпущеную получишь...

Жилей вздрогнул от шороха веток над головой. Вскинув голову, он увидел на краю ямы широкоплечего вогула, с холодным любопытством смотревшего на пленника. Копье в его руке было нацелено прямо в лицо Григория.

Инстинктивно заслонившись ладонями, бородач злобно крикнул:

— Эй, не замай! Я к шаману иду!

Вогул продолжал бесстрастно изучать Жилея. А тот все заклинал:

— Дело у меня к нему, слышь, дружба... Ты пику-то убрал бы...

Едва приметным движением вогул метнул в яму свернутую в кольцо веревку. А когда Григорий ухватился за ее конец, бросил:

— Ружье привяжи!

Вытащив фузею наружу, он вскоре снова опустил веревку.

Как только Жилей перевалился через край ямы, вогул что есть силы ткнул его носком ичига под ребро. И пока пленник приходил в себя, завернул ему руки за спину, сноровисто связал. Потом затянул один конец веревки у него на шее, другой намотал на кулак.

— Шаман хотел? Пойдем шаман...

И двинулся в сторону от тропы.

С трудом поспевая за ним, Григорий прохрипел:

— Куда ведешь?! Правду тебе говорю: к шаману надоть! Слово к нему есть.

Поводырь остановился. Насмешливо прищурил глаз, сказал:

— Ворга дурак плутает. Мы короткий путь ходим...

Иван и Алпа шли рядом, держась за длинный шест, на другом конце которого был укреплен толстый обрубок ствола высотой в рост человека. Через отверстие в нижней части бревна была пропущена ось; на ней были насажены сосновые кругляши с выбитой сердцевинкой.

Неровные колеса эти крутились вразнобой, отчего болван все время раскачивался, как пьяный.

Побратимы, не обращая особого внимания на своего деревянного спутника, вели оживленную беседу.

— А как звать-то ее? — спросил Иван.

— Пилай...

— Велегласно.

— Что? — не понял Алпа.

— Хорошее, говорю, имечко. На слух...

— Значит, ягодка...

— Ишь ты, — умилился Иван. — Ласково. Видно, матка-то холила.

— А батька прибил... — помрачнел вогул.

Тропа пошла в гору. Теперь молодым людям приходилось с усилием толкать тяжелого болвана, и разговор сам собой прервался.

Когда вышли на склон каменной осыпи, пришлось идти гуськом, то и дело сменяя друг друга у «правила». В один из таких моментов, когда Иван перехватил у товарища шест, с откоса вдруг метнулась огромная глыба. На болвана обрушилась целая лавина камней. Побратимы едва успели отскочить назад.

С оторопью смотрели они, как в потоке валунов, низвергающемся по отвесному склону, в цепу дробится деревянное тело болвана.

— Не выдал, слава те... — утерев испарину со лба, выдохнул Иван.

— Нового ладить надо, — деловито сказал Алпа, оглядывая опушку в поисках сухостоя.

Мать Ивана осторожно гладила Анну по волосам, а та со слезами в голосе сбивчиво говорила:

— В Неметчине, сулит, жить будешь... В комнате мужиков да баб каменных наставлю... Показал на картинке — срамота, голые, а кои без рук, без головы...

— Никто тебя не отдаст, кровная. — Подрагивающий голос женщины звучал жалко, приниженно. Но девушка словно не слышала слов утешения. Глядя перед собой остановившимися глазами, она продолжала сетовать:

— Подумать-то страшно об нем: сущий бритоус, сущий табачник! И везде-то табакерки стоят, и пальцы-то зельем сим блудным перепачканы...

— Ох, страхота! — ужаснулась мать Ивана. — Да нешто о душе-то о своей не печется? Ну захотелось тебе дым глотать — воскури ладан росной да и вдыхай... Искусил, искусил враг человеческий табакитием...

— Вирши читать учал, — все так же отрешенно глядя в пространство, сказала Анна. — И слова-то

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

душевредительные прибирает: люблю тебя, радость сердца, виват, драгая...

Некоторое время обе подавленно молчали. Наконец мать Ивана со вздохом спросила:

— Может, отступится?... Ежели что — пойду в ноги ему, супостату, кинусь...

Крепко прижимая Анну к груди, женщина в то же время полными страхом глазами смотрела на дверь, словно ждала, что кто-то ворвется к ним в полутемную кухню, озаряемую лишь отблесками огня в печи.

Анна подняла голову и благодарно взглянула в лицо своей утешительнице. Но ее изможденный вид, седые пряди, выбившиеся из-под платка, худоба плеч сами звали о сострадании, и девушка внезапно устыдилась своей слабости, порывисто смахнула слезы, освободилась из объятий и отошла к печи.

Завороженно глядя на угли, рассыпавшиеся на поду, Анна заговорила, по видимости спокойно и как бы раздумывая вслух:

— Проку-то от упорства... Скажу ему «да» — хоть вы на воле вольной поживете. А нет — всем опять же худо...

Мать Ивана в растерянности смотрела на девушку. Заговорила голосом, похожим на стон:

— У-у, анафема! Вот ведь сети-то как расставля-ет...

Обхватив голову руками, долго раскачивалась на лавке. И тихо, просительно сказала:

— Не надо, Аннушка, не согласимся мы на свободе жить... такой ценой...

— Я Ивашку люблю! — всхлинула Анна. — Каково-то мне по земле ходить, коли он цепями звенеть будет?..

И безутешно зарыдала.

На краю обрыва стояли четверо: Жилйя с веревкой на шее, но с развязанными руками, двое вогулов, вооруженных луками и копьями, и шаман — высокий сухощавый старик с аскетическим лицом, одетый в какое-то подобие бабьего платья с бляхами на спине и плечах, с нашитыми многочисленными лентами всех цветов. На груди его висело массивное ожерелье из медвежьих клыков.

— Зря, ой зря фузею оставил, — укоризненно глядя на вогула, доставшего его из ловчей ямы, говорил Жилйя. — У Ивашки-то ведь добрая оружья, тоже немцем дадена...

— Почему сразу правда не говорил? — упрекнул тот.

— А ты спросил? Я ж толковал: дело важное. Шаман с несприимым лицом смотрел вдаль, будто вовсе не слыша эту перебранку.

Отсюда, с большой высоты, было видно, как по

расстилающейся внизу таежной растительности, по ржаво-зеленым плешинам болот и крутым лбам сопок медленно ползут тени облаков. По зеленому коридору листвы и хвои, протянувшегося между двумя болотами, то и дело прокатывались волны — крепкий ветер, вырываясь из распадка между горами, порывами обрушивался на тайгу.

— Лук, однако, лучше, — бесстрастно сказал второй из вооруженных вогулов и искоса глянул на шамана.

— А может, он давно под какую-нибудь каверзу вашу угодил? — предположил Жилйя после недолгого молчания. — Хитер-хитер парень, а с вашими затеями поди совладай... Ладила баба в Тихвин, а попала в Ладогу...

— Много говоришь, — не поворачиваясь к Григорию, произнес шаман.

Тот пристыженно кашлянул и тоже стал смотреть вдаль.

— Эй! — удивленно воскликнул вогул — смотри-тель западни. — Трое идут!

— Где? Не вижу ничего, — забеспокоился Жилйя.

— Трое, — подтвердил другой вогул и снова воз-зрился на шамана.

Наконец и Григорий увидел три точки, движущиеся одна за другой по болотистому редколесью. Они приближались к концу зеленого коридора, сжатого двумя болотами.

— Э, да тут луками-то, чай, не обойдешься. А ну как у них у всех ружья?

Шаман тоже обеспокоился. С лица его словно бы слетела маска возвышенного презрения ко всему мирскому. Он сложил руки на груди, нахмурился. Чеканя слова, заговорил:

— К Золотой Бабе идут... Правду сказал... Правда, что убить хотел... Как теперь делать будешь?

— Ума не приложу, — униженно глядя на него, ответил Жилйя. — Где же двоим с тремя справиться? Они, вишь, какие, — не клади палец в рот, все ваши хитрости обобли...

— Тебя убить посылал... Ты думай, как... — жестко произнес шаман.

Некоторое время Жилйя растерянно глядел вниз, на волнующуюся под ветром полосу леса. Потом резко повернулся. В глазах его польхнула радость.

— Пал надо пустить. Ветер-то от нас несет. Как раз этот колок между болотами и выжжет.

— Умный башка! — шаман с уважительным удивле-нием воззрился на Григория.

Подшел к нему и полоснул ножом по веревочному ошейнику. Жилйя освобожденно потер ладонью гор-ло. С новым вдохновением заговорил:

— Им версты три идти. Поближе будут, тогда и

поджигать... Никуда не денутся голуби — слева-справа болота, а от огня не убежишь, он по такому ветру — ого-го-го как поскочет...

Иван и Алпа шли по тропе, катя впереди нового болвана. Этот выглядел попривлекательнее, не переваливался, как его предшественник, почивший во время камнепада.

— Видать, немного осталось, — заговорил вогул. — Отец сказывал: у самого начала гор Витконай-керас...

— А что значит это? — заинтересовался Иван.

— Скала водяной царевны...

— Кто такая?

— А та, что в озерах да в реках живет.

— Вроде как русалка по-нашему...

Впереди послышался треск. Он быстро приближался. Побратимы насторожились. Иван вскинул ружье, взвел курок и подсыпал порошу на полку.

Ломаю сучья, подминаю мелкие деревца, навстречу путникам огромными прыжками летел матерый лось. Увидев их, он даже не отклонился в сторону, только еще сильнее закинул голову, отягощенную гигантскими рогами, и, роняя пену с губ, промчался в несколь-ких саженях.

Мгновение Иван и Алпа стояли оцепенев. Когда до слуха их донесся дальний гул, они вопросительно уставились друг на друга. Но увидев, как совсем неподалеку прошмыгнули несколько зайцев и лис, побратимы разом воскликнули:

— Пожар?!

— Удирать надо, — сказал вогул.

Иван с сожалением взглянул на болвана, потом медленно спустил курок. Втянул носом воздух и упавшим голосом подтвердил:

— Горит.

И быстрым шагом отправился назад по тропе.

А через минуту они уже со всех ног бежали, не разбирая дороги. За спиной у них все нарастало грозное гудение. Языки дыма протянулись между стволами.

— Давай в сторону! Может, на болотце отсидим-ся, — на бегу крикнул Иван.

Алпа кивнул и стал забирать влево.

Когда они выскочили к краю трясины, дым уже клубился тяжелыми волнами. А невидимое пламя ревело и завывало на все лады.

— Топь! — обреченно сказал вогул.

И бросил в болото увесистую гнилушку. Она беззвучно погрузилась в бурю жижу.

Они снова пустились бежать, то и дело оглядываясь назад. Из дымного марева один за другим вылетали огненные шары — скрученные еловые лапы, объятые пламенем. Страшный треск, подобный канонаде, уже заглушал крики побратимов — они видели только, как шевелятся губы спутника, и, в отчаянии махнув рукой, продолжали бежать.

Внезапно Иван споткнулся и с размаху полетел на землю. Руки его ушли в жидкую грязь. Алпа остано-вился, чтобы помочь ему встать, и вдруг заметил узкую полоску воды, сочащейся под нависшим мхом. Показал на нее побратиму.

Тот все понял без слов. Поднявшись с земли и подхватив ружье, он быстро пошел вдоль ручья.

Бочаг нашли, когда дым уже окрасился в зловещие багровые тона, когда сквозь сплошную его завесу начали там и сям пробиваться огромные языки пламени, а сверху сыпались тлеющие уголья. В этом охваченном грозной стихией пространстве обширная яма, наполненная ключевой водой, на поверхности которой лениво кружили хвоинки, казалась неправдо-подобно спокойной. Белый песочек, устилавший дно бочага, словно бы свидетельствовал о чистоте и прохладе хрустальной влаги.

Беглецы помедлили несколько секунд, словно не решаясь совершить кощунство. Но столб огня, взметнувшийся совсем рядом — занялась кряжистая ель, — заставил их прыгнуть в бочаг.

Скоро пожар бушевал прямо над ними. Иван и Алпа успевали на мгновение высунуть голову из воды, чтобы схватить воздух, и снова погружались по самую макушку.

Они не видели, как, подпрыгнув, выстрелило ружье, лежавшее на мху рядом с бочагом, как взялась огнем его ложа, как пламя налетело на брошенный здесь же берестяной пестерь Алпы. Не видели побратимы, как рушились вековые деревья, как из треснувших ство-лов лесных великанов фонтаном била горящая смола.

Но огненное действие длилось недолго. Пожар ушел дальше, оставив у себя в тылу обугленные колонны, черную землю, россыпи угля и завалы тлеющих валежин, от которых поднимались густые струи дыма.

Когда Иван и Алпа выбрались из воды, первое, что они увидели, были останки ружья и груда пепла на месте пестеря. Вогул ткнул ичигом эту жалкую кучку, она беззвучно распалась, обнажив кусок металла. Алпа наклонился, поднял топор без топорща. Встре-тился глазами с Иваном. Тот только вздохнул виновато. Потом отвязал от кушака ставшую ненужной пороховницу и бросил в бочаг.

Окончание следует.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Куполообразные здания

Строительство их началось после 1965 года, когда итальянский архитектор Данте Бинни получил патент на возведение куполообразных зданий. В настоящее время в различных странах часто можно встретить такие полусферы, диаметр которых достигает иногда 26 метров, а высота до 11 метров. Принцип сооружения этих оригинальных строений заключается в следующем: бетонный фундамент под будущее здание покрывается прорезиненной пленкой. На нее укладывается арматура, а затем заливается слой бетона толщиной 7 сантиметров. Поверх этого слоя укладывается еще одна прорезиненная пленка. Такой своеобразный «сэндвич» из пленок и армированного бетона надувается с помощью компрессора до нужных размеров. По мере затвердевания бетона обе пленки изгибаются и подаются на другую строительную площадку. Практика показала, что куполообразные здания очень эффективны в районах со сложной, геологической структурой и в сейсмически активных зонах.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

ВОДА РЕЖЕТ СТАЛЬ

Вода долбит камень, утверждает старинная поговорка. Американские инженеры из фирмы «Флоу системс» решили резать водой сталь. Установка «Пасер», созданная ими, режет броневые плиты толщиной в шесть дюймов, а также керамику и листы прочного пластика.

«Сердце» установки — это инжектор, который под большим давлением выбрасывает со скоростью 1000 метров в секунду тонкую, тоньше волоса, струю воды, смешанной с измельченным в пудру абразивом (алмазной или корундовой пылью). Раз использованная смесь собирается в поддон и повторно пускается в дело. Срез получается очень ровный и гладкий, как после обработки шлифовальным кругом. Поскольку никакой пыли в процессе резки не возникает, то новая техника хороша там, где требуется резать свинец и другие токсичные материалы. Сейчас установка применяется при резке линз для астрономических телескопов.

«САЙЕНС ДАЙДЖЕСТ», США

ДЕВУШКИ НА САМОКАТЕ

У всех или, во всяком случае, у многих есть хобби. У девушек из чехословацкого города Мимонь это — катание на самокате. Конечно, не на том детском, который мы привыкли видеть в наших дворах. Здесь речь идет о самокатах для вполне совершеннолетних и рассчитанных не на одиночку, а на целый экипаж из четырех, а то и шести персон. Соответствует этому и конструкция: колеса и рулевое управление от легкого мотоцикла, опорная

доска снабжена поручнями. Только принцип езды остался неизменным: одна нога на опоре, второй отталкиваются от асфальта. Когда дорога идет вниз, скорость такая, что ветер свистит в ушах...

«СТАДИОН», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЛЕКАРСТВА... ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Житель ФРГ потребляет в течение жизни в среднем 30—50 тысяч таблеток. Западногерманские врачи нередко стремятся не вылечить от болезни, а лишь устранить ее симптомы.

Ежегодно в ФРГ 5 тысяч человек умирают от побочного действия лекарственных препаратов. Более тысячи человеческих жизней на счету лекарств, применяемых при ревматизме.

Четыре миллиона главным образом пожилых пациентов, по мнению специалистов, получают рецепты на сердечные препараты, хотя 3 миллиона свободно могли бы обойтись без них. Девяносто тысяч из этих 4 миллионов страдают от отравления таблетками.

72 тысячи беременных женщин за один год получили рецепт на препарат, о котором американские медики предупреждали: он может изуродовать будущих детей. И такие дети рождались...

Столь мрачная картина деятельности врачей ФРГ вполне закономерна: большинство получают информацию о лекарствах исключительно от представителей фармацевтических фирм. И, как полагают, многие — не только информацию...

«ЭЛАН», ФРГ

НЕФТЬ ПОД НОТР-ДАМОМ?

Государственная нефтяная компания «Эльф-Аквитания» запросила разрешение на разведочные работы на территории французской столицы. Следует напомнить, что нефтяные компании произвели первую разведку в зоне Парижа еще в 1955 году. В департаменте Сена и Марна неподалеку от столицы были практически использованы несколько скважин. Интерес к разведочным работам повысился после нефтяных кризисов в 1973 и 1979 годах. В 1983 году усилия геологов увенчались успехом еще в двух районах. В настоящее время близ Парижа функционирует около трехсот скважин. Годовая добыча нефти приблизилась к 630 000 тонн. Ожидается ее увеличение до одного миллиона тонн. Работы по разведке и добыче нефти предлагается ныне распространить непосредственно на территорию Парижа.

Перспектива практического использования предполагаемых запасов черного золота под поверхностью Парижа пока еще представляется далекой. Парижские власти располагают еще годом до принятия окончательного решения в связи с запросом «Эльф-Аквитани». Французские комментаторы, однако, уже сейчас задают иронический вопрос: не окажется ли уместным через несколько лет переименовать Париж в «Даллас-над-Сеной»?

«МОНД», ФРАНЦИЯ

Четвероногие дебоширы

Появляются они большей частью ночью, незаметно. Их суматошные прыжки и игры никто не видит. Лишь на следующее утро водитель обнаруживает, что машину посетили четвероногие дебоширы — куницы. Они рвут в мелкие клочья зубами и когтями кабель зажигания, охлаждающую трубку, изоляцию. В Швейцарии, Австрии, южных землях ФРГ куницы наносят ежегодно миллионные убытки. Никто не знает, что побуждает к этому маленьких хищников. Западногерманские автомобильные заводы сейчас дали поручение ученым Гессенского университета выяснить подоплеку агрессивного поведения куниц, чтобы исходя из объяснения можно было принять надлежащие меры. Согласно результатам прежних исследований, маленьких дебоширов привлекают некоторые запахи, исходящие от автомобиля, — особенно запах кабелей, изготовленных из силоксанового каучука, а также других трубок и проводов. Немаловажна здесь и роль игрового инстинкта куниц: они могут беситься под капотом среди множества деталей, прятаться в различных уголках машины. В чем, однако, главная причина их «автомании» — еще неизвестно. Нет ответа и на следующий вопрос: почему набеги на автомобили куницы совершают лишь в период с апреля по конец июня, а не в течение всего года?

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Рисунок
Анатолия
РАДИНА,
Москва

Рисунок Евгения СОКОЛОВА,
Красноуральск

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА,
Москва

ИТОГИ КОНКУРСА «ЮМОР-85»

Завершился очередной конкурс юмористических рисунков. Тысячи читателей прислали в редакцию свои работы. Хотелось поблагодарить всех участников конкурса, но самыми оригинальными оказались рисунки Вадима ГОРЮНОВА из Рязани (№19, октябрь), Константина КИРИЛОВА из Тулы (№12, июнь), Александра ЛЕВИТИНА из Куйбышева (№20, октябрь), Алексея МЕРИНОВА из Москвы (№14, июль), Александра ОБУХОВА из Москвы (№13, июль).

От души поздравляем лауреатов. Каждый из них награждается дипломом «Смены».

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ДОМИНАЦИЯ

В 16-й партии матча за звание чемпиона мира между Карповым и Каспаровым, одной из самых бескомпромиссных и глубоких в творческом единоростве двух выдающихся шахматистов, после 24-го хода белых возникла следующая позиция.

Карпов — Каспаров

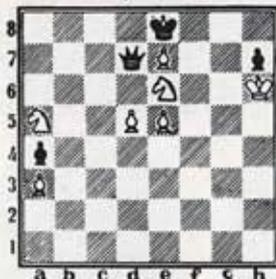
Еще в дебюте черные смело пожертвовали пешку, предпочтя длительную инициативу. Постепенно их фигуры захватили контроль над ключевыми пунктами доски.

24... Фf6! Окончательно сковывая фигуры белых. 25. a3 a5 26. ab ab 27. Фa2 Сg6 28. d6. Белые согласны отдать пешку, только бы вырваться из тисков. Но черным некуда торопиться. 28... g4 29. Фd2 Крg7 30. f3. Единственная возможность получить контригру, но черные готовы к резкой смене характера борьбы. 30... Ф:d6 31. fg Фd4+ 32. Крh1 Кf6 33. Лf4 Ке4 34. Ф:d3 Кf2+ 35. Л:f2 С:d3 36. Лfd2. Белые как будто получают достаточную компенсацию за ферзя, но Каспаров находит изящный путь завершить партию. 36... Фe3 37. Л:d3 Лс1 38. Кb2 Фf2 39. Кd2 Л:d1+ 40. К:d1 Лe1+. Белые сдались.

Стратегический принцип ограничения подвижности фигур, установления контроля над полями доски, вследствие чего они становятся недоступными для атакующих неприятельских фигур, называется **доминацией**. Это одна из самых популярных тем в этюдной композиции. Ей посвящено капитальное двухтомное исследование гроссмейстера Г. Каспаряна. Пред-

лагаем нашим читателям два этюда на тему доминации.

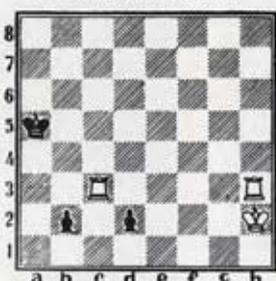
Г. Каспарян, 1960 г.

Выигрыш

1. Кс4! Кр:e7 2. Кd6 Фa7 3. Кс8+, с выигрышем. 1... Ф:e7 2. Кd6+ Крd7 3. Крh5 h6 4. Крg4 h5+ 5. Крg3! h4+ 6. Крh3 Фh7 7. Кf8+. В двух эхо-вариантах белые ловят черного ферзя на противоположных краях доски.

Л. Ольмуцкий, 1964 г.

Выигрыш

1. Лa3+ Крb4 2. Лa3+ Крc4 3. Лс3+ Крd4 4. Лd3+ Крc4 5. Лс3+! Крb4 (5... Крb5 6. Лd8) 6. Лс7! b1Ф 7. Лd8! d1Ф 8. Лb8+ Кра3 9. Лa7+, две ладьи выигрывают у двух ферзей! Красив и второй вариант: 2... Кра4 3. Лbг3! d1Ф 4. Лh4+ Крb5 5. Лg5+ Крc6 6. Лh6+ Крc7 7. Лg7+, с выигрышем.

РУССКИЕ ШАШКИ

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

«Смена» №1. А. Бакумец I. 1. e4 g:e3 2. cb2 a:c1 3. cd6 e3:c5 4. d:h6 f6:b2 5. g:e3 c:f4 6. h:b8x.

II. 1. ed4 e:c3 2. ab6 c7:a5 3. fg3 h:f2 4. e:e5 c:e1 5. ed6 a:c3 6. d:a5 eh4 7. hg3x.

«Смена» №3. С. Жабчик I. 1. cd2 ef6 2. gf2 f:b2 3. dc3 b:d4 4. fg3 a:c3 5. fg5 h:f4 6. g:e7 f:d6 7. h:e1x.

II. 1. cb4 a:e1 2. gf4 e:g3 3. f:f8 g:d6 4. f:a7 hg3 5. ef4 g:e5 6. ae3 cd6 7. eh6 ed4 8. hf8 de5 9. fg7x.

«Смена» №5. В. Самарин I. 1. de7 f:b2 (1... f:d8 2. hg5 d:h4 3. hg5 h:b2 4. a:c3 bc7 5. ab6 e:a5 6. fb4x) 2. a:d4 bc7 3. ab6 e:a5 4. fg7 ab4 5. dc5 b:f8 6. hf4 f:h6 7. hg5.

II. 1. de3 b:f4 (1... e:c5 2. d:a7 b:f4 3. eg3 f4:h2 4. bg1 hg5 5. ad4 gf4 6. df2) 2. gh8 e:e3 3. eg3 f:h2 4. fb4 a:c3 5. a:g1 hg5 6. hd4 gh4 7. df2.

«Смена» №7. А. Щёлохов I. 1. ef8 ed4 2. e:e5 a:e1 3. ef6 g:e7 4. f:h2 ea5 (4... hg3 5. h:a5 eh4 6. gf2 h:e1 7. cd2 e:c3 8. a:e1x) 5. cd2 a:e1 6. gf2 e:g3 7. h:a5x.

II. 1. ba3 ed4 2. c:e5 a:e3 3. ef2 gh4 4. cd6 (не выигрывает 4. ed6 c:e5 5. cb6 a:c5 6. ed4 c:e3 7. f:h8 cd2 8. hc3 d:b4 9. a:c5 hg3 10. cb6 ed6 11. ba7 dc5 12. ab8 ed4 13. b:h2 e1c3x) 4... e:c5 5. ed4 e:e3 6. f:b2 и белые выигрывают.

«Смена» №13. А. Катюха I. 1. gf6 le:g7 (1... eg5 2. cd6 a:e7 3. gf2 d:b6 4. f:d2 ab2 5. dc1 ba1 6. ed4 e:c3 7. cb2 ed2 8. e:c3x) 2. ed4 c:e5 3. cd6 a:c5 (3. e:c5 b:h8x) 4. d:b4 a:c5 5. gh2 d:b6 6. h:h6x.

II. Л. Витошкин 1. de5 f:d4 2. de7 f:d6 3. h:a7 dc3 4. b:d4 fg3 5. ab2 gf2 6. cd2 a:c5 7. a:g1.

«Смена» №15. Ф. Бахтиозин I. На поле a7 должна быть шашка. 1. gf2 gf6 2. hg3 hg5 3. ed6 ab4 4. dc5 bc3 5. dc7 ab2 6. ed4 c:e5 7. a:c3 gf4 8. cd4 f:h2 9. fg3 e:c3 10. db8 h:f2 11. b:b4x.

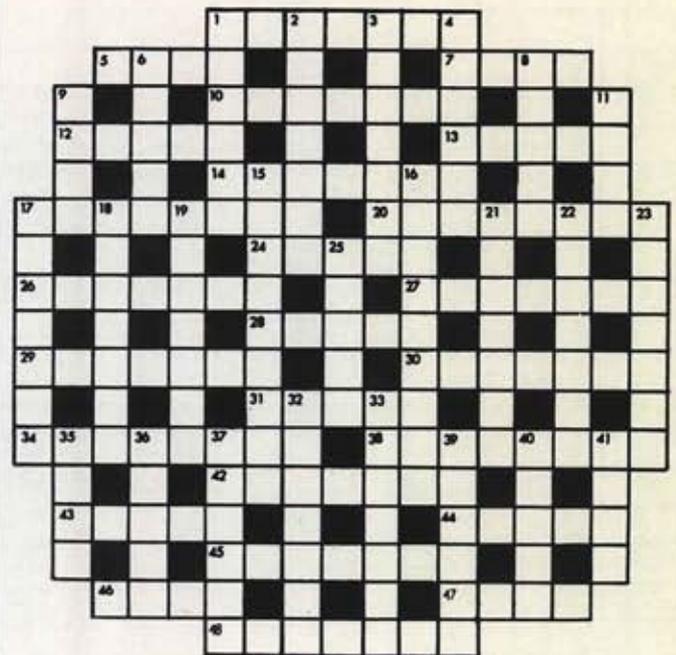
II. 1. fe5 hg7 2. dc5 hg5 3. ed6 ab4 4. cd2 gf6 5. de3 bc3 и далее, как в первом примере.

«Смена» №16. А. Буткевич I. 1. ef4 bc5 2. hg5 cd4 3. gf6 dc3 4. fg5 h:f4 5. fg7 cb2 6. gf8 de5 7. fa3 bc1 8. a3f8 (с угрозой fg7, если 8... ce3, то 9. fg7 ed4 10. gh6 fg3 11. hf4) 8... cb2 9. fa3 bc1 (9... bd4 10. a3c1 с ничьей) 10. af8 — позиция повторяется — ничья.

II. 1. bg3 cb4 (1... ed2 2. hg5 f6:f2 3. h:c1 cd4 4. cd2) 2. ge1 ba3 3. ef2 cd2 4. hg5 f6:h4 5. fg3 h:f2 6. g:c1x.

КРОССВОРД

Составил Б. ВЛАСОВ, Москва

По горизонтали:

1. Город на Северном Кавказе, в котором есть театр. 5. Самый северный остров в мире. 7. Выразительное сценическое средство. 10. Крестьянка в феодальной Молдавии. 12. Место владения реки в море. 13. Метод перевозки нефти, который предложил, приехав в Баку, Д. И. Менделеев. 14. Толика других веществ в чистом веществе, продукте. 17. Совокупность присущих человеку психических качеств. 20. Пасечный инвентарь. 24. Первый танец Наташи Ростовской на ее первом балу. 26. Электроискровой прибор в машинах. 27. Минерал, марганцевая руда. 28. Город в Молдавии. 29. Денежная единица Гватемалы. 30. «Вы просто... неудавшийся баптист» (Бендер — Козлевичу в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова). 31. Старинное название знахаря, колдуна. 34. Прибор, которым определяют содержание воды в продуктах, материалах. 38. Посетитель библиотеки. 42. Режиссер, организатор первой советской звуковой киноэкспедиции. 43. Фигура пилотажа, на которую способен дельфин. 44. Бобовое пустынное растение, корм верблюдов. 45. Герой в рассказе И. А. Бунина «При дороге». 46. Накопление, капитал. 47. Семья Дуровых, семья Кю (поприще). 48. Слово, придуманное академиком И. И. Китайгородским для обозначения бессмыслицы, чепухи.

По вертикали:

1. Согласие на заключение договора со стороны, предложившей условия. 2. Основание колонн в «Пушечном клубе» из романа Ж. Верна «С Земли на Луну». 3. Рыболовная снасть. 4. Необузданный хохот. 6. Молодые пчелы в улье. 8. Химический элемент, открытый в 1817 году шведским химиком И. Берцелиусом. 9. Рыба, берущая на блесну. 11. И... и жнец, и на дуде игрец (поговорка). 15. Огнестрельное оружие. 16. Целое... (значительная сумма). 17. Русский поэт, один из основоположников славянофильства. 18. Палка с сучками на конце. 19. Огниво. 21. Летняя пристройка к дому. 22. Самостоятельно оформленное произведение печати. 23. Служебное слово в некоторых европейских языках. 25. Известный американский киноактер. 32. Русский архитектор XVIII века. 33. Книга для школьника. 35. Название в русских источниках угрофинского племени ливов. 36. Герой романов М. Дрюона в серии «Проклятые короли». 37. Речная излучина. 39. Река, впадающая в Волгу в районе города Калинин. 40. И. С. Козловский, С. Я. Лемешев (голос). 41. Единица освещенности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

1. ...отряд... 6. Уэллс. 10. Газовоз. 13. Дурова. 14. Щирица. 15. Шлионаж. 16. Адажио. 18. Валова. 19. Хронометраж. 24. Провизор. 26. Активист. 27. Недра. 28. Захаров. 29. Цицерон. 30. Уксус. 32. Кедровка. 33. Заставка. 37. Силосование. 41. Истрия. 42. Кролик. 43. Монитор. 44. Ванили. 45. Кварта. 46. Вестник. 47. Жатка. 48. Юниор.

По вертикали:

2. Тарпан. 3. Ямвлих. 4. Шампильон. 5. Романтика. 7. Экипаж. 8. Луидор. 9. Идеал. 11. Обойма. 12. Чабан. 17. Орнитология. 18. Василистник. 20. Оправка. 21. Команда. 22. Минерва. 23. Оттокар. 25. «Репка». 26. Арбуз. 30. Уклономер. 31. Санаторий. 34. Форинт. 35. Литва. 36. Штанга. 37. Ситник. 38. Ереван. 39. Блерю. 40. Уклад.

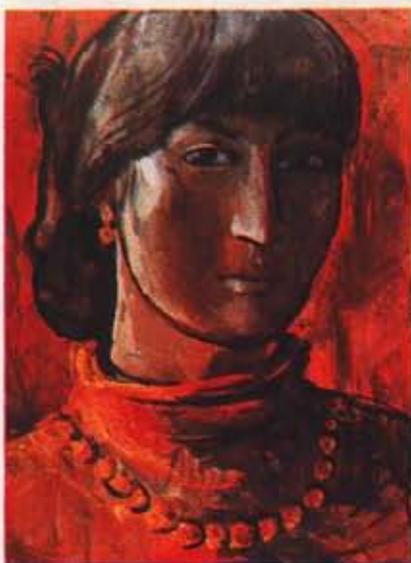
Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 18.10.85. Подписано к печати 31.10.85. А 04655. Формат 70x108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2944. Заказ № 1747. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В ЭТОМ РАДОСТНОМ МИРЕ

Марии Владимировой, студентке третьего курса художественного института имени В. И. Сурикова, двадцать четыре года. Однако она уже успела окончить художественное училище памяти 1905 года и получить диплом художника-постановщика с правом работы в народных театрах, проучилась три курса на театрально-постановочном факультете Академии художеств в Тбилиси, после чего решила поменять профиль обучения — заняться живописью, — и была зачислена в мастерскую замечательного живописца народного художника СССР Таира Теймуровича Салахова.

Обучение в таких различных по художественным направлениям учебных заведениях своеобразно преломилось в работах Марии Владимировой. Ее натюрморты и пейзажи свойственны декоративностью, несколько театральная резкая смена света и тени, четкий, иногда чуть жесткий контур, локальные яркие цвета, порой преувеличенное использование черного, который так лю-

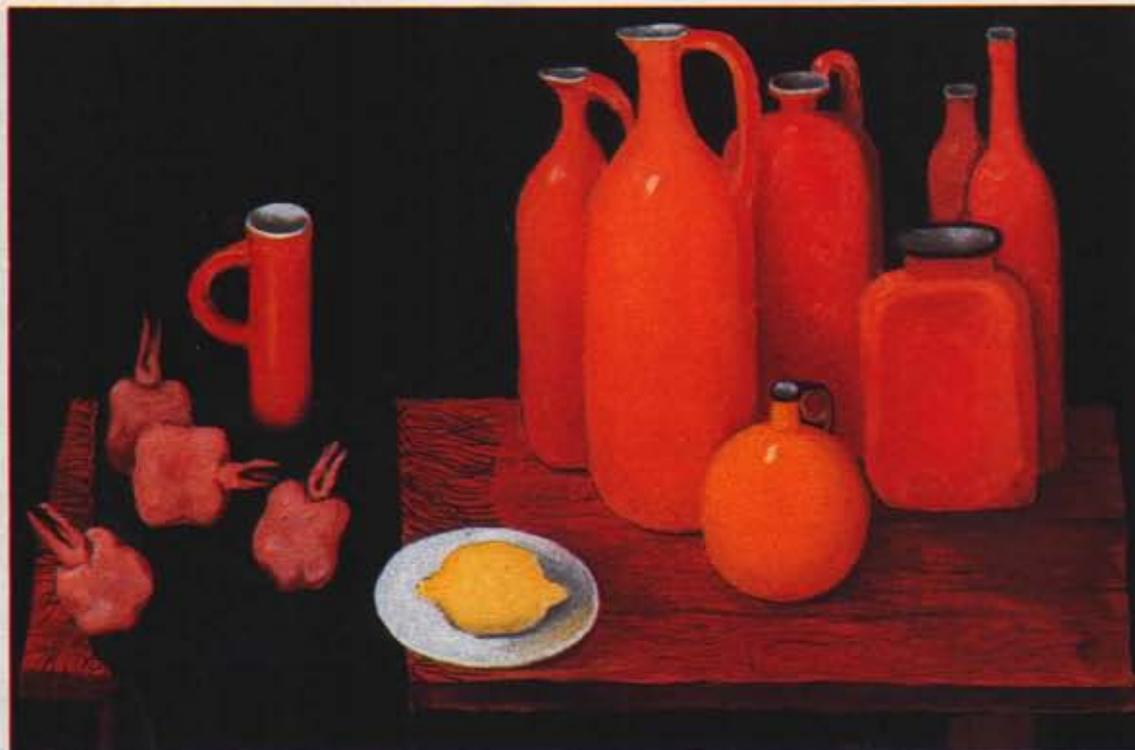

АВТОПОРТРЕТ.

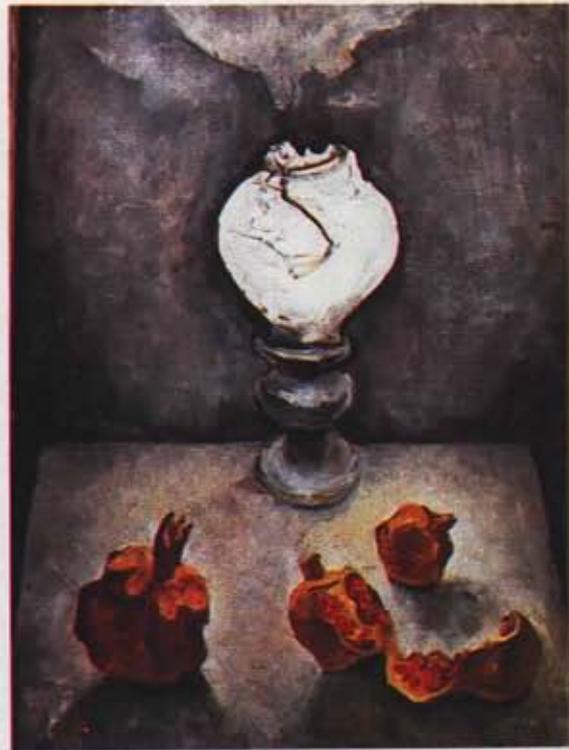

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ.

НАТЮРМОРТ С ГРАНАТАМИ.

КРАСНОЕ И ЖЕЛТОЕ.

бят многие грузинские художники, живописность и в то же время ясность формы. Конечно, говорить о Марии Владимировой как о сложившемся художнике рано, но у нее уже есть свой взгляд на мир, в картинах чувствуется свой подход к натуре, индивидуальность.

По-разному, порой с неожиданности, даже случайности начинается путь художника. Мария Владимировна родилась в семье, где искусством никто не занимался. Чаще всего увлечение начинается с какого-либо сильного впечатления. Сергей Образцов, например, рассказывал, как в детстве ему подарили тряпичную куклу, которую он полюбил и не расставался с ней даже взрослым. Художника Роберта Фалька в детстве поразила красота лоскутного одеяла кухарки, резкие, яркие краски потом долгое время присутствовали в его ранних работах. На Машу, когда ей не было еще и шести, огромное впечатление произвел пейзаж Клода Моне, изображающий мостик. «Виновицей» же раннего приобщения к живописи была бабушка. Вместо прогулок по улицам она

предпочитала бродить с внучкой по залам Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. С тех пор любимым занятием Маши было рисование множества разнообразных мостиков. Так появился первый цикл рисунков.

Цикличность, то есть возвращение к одному и тому же мотиву, и сейчас свойственна Маше. Сюжеты с изображением всевозможных сосудов, ярких фруктов, разрезанных на части гранатов, живописно укутанных грузинских женщин повторяются на разных полотнах. Это объясняется постоянным, иногда мучительным желанием выявить новые, неуловимые прежде грани природы, поиском новых композиционных и цветовых решений. Цельность, целеустремленность характера дали возможность Маше Владимировой не идти на поводу у модных сегодня живописных направлений, бьющих на эффект, а искать близкого себе по духу, по художническим воззрениям учителя; у которого можно не только научиться живописному мастерству, но чьи жизненные позиции помогают разобраться в искусстве.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

ВОСТОЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

— Мне нравится, — говорит она, — в искусстве и литературе четкость, открытость мысли и чувства. Не люблю дух отрицания, неприятия жизни. По-моему, искусство только тогда будет подлинным, если оно утверждает красоту человека, красоту мира, добро.

Ирина ЛОБАНОВА